

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ъ Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ КРУГ АДА

Annotation

Таня и Аня были такими разными... Одна вела себя как истинная леди, любила поэзию и мечтала о прекрасном принце. Вторая сквернословила, пила, обожала кровавые фильмы ужасов и brutальных мужиков. Эти такие разные девушки приходились друг другу сестрами. Они делили не только крохотную квартирку, но и тело. Аня и Таня Сомовы были сиа́мскими близнецами...

Вынужденные затворницы, они уже не надеялись зажить полной жизнью, но свершилось чудо. Казахский миллионер Нурлан Джумаев, в молодости увлекавшийся писательством, решил снять фильм по своему роману о сиа́мских близнецах, и Сомовы стали его музами. С легкой руки Джумаева девушки оказались на киностудии... Все равно что в сказке, подумали обе. Но какая сказка без злодея? Среди членов съемочной группы оказался убийца. В первый же день он отравил одного из присутствовавших на площадке, но на этом не остановился...

-
- [Ольга Володарская](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)

- [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ольга Володарская

Предпоследний круг ада

© Володарская О., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Саня Шумов сидел в своей каморке, пил крепкий, с пятью ложками сахара, чай и грыз ванильные сушки. Он был тучен и потлив. Сейчас его лоб был так влажен, что с него капало. Перед тем как поднести чашку ко рту, Саня вытирал его тыльной стороной ладони, чтобы пот не попал в чай. Он знал, что нужно похудеть. Если не для красоты, то для здоровья. Та же потливость появилась с лишним весом. Но как отказать себе в мучном и сладком? За смену Саня выпивал пять кружек чая с неизменными пятью ложками сахара и съедал большущий пакет печенья, вафель, снеков, смотря что продавалось по акции в ближайшем супермаркете. Но был еще полноценный прием пищи – Шумов приносил из дома в пластиковом контейнере макароны с сосиской или картошку с котлетой. Бывало, суп в литровой банке. Он пробовал диеты. Разные – агрессивные и щадящие, но хватало его максимум на неделю, а обычно дня на три. Сейчас Саня пытался себя ограничивать. Поэтому к чаю – сушки, на горячее тушеная капуста с куриным окорочком, вместо булочки – бородинский хлеб.

Шумов бросил взгляд на часы. Еще только полночь, а он ел горячее в два. Придется терпеть. Естественно, можно покушать и сейчас, но тогда до утра он с ума сойдет. И не от голода – от скуки.

Тяжко вздохнув, Саня поднялся со стула, взял фонарь и отправился на обход территории.

Шумов не то чтобы ненавидел свою работу...

Она ему не нравилась.

Платили мало, выходить приходилось в ночь, да еще одному, без напарника, то есть не с кем ни в карты поиграть, чтобы скоротать время, ни трапезу разделить, ни поговорить. Но и ненавидеть работу было не за что. Никто не дергает, не следит за каждым шагом и... Не пугает! Последнее тоже важно. До того как стать сторожем склада с реквизитом на киностудии, Саня работал в офисном центре охранником. Располагался этот офис в историческом здании, первый владелец которого покончил с собой в собственном кабинете, второй умер за обеденным столом, подавившись рыбьей костью, третий был расстрелян большевиками на пороге особняка. После революции в нем содержали сначала беспризорников, затем преступников, пока во время Великой Отечественной войны не превратили в швейную фабрику. В девяностые фабрику выкупил частник и устроил в здании офис. Но и этот владелец

вскоре скончался – его убил снайпер через открытую форточку. Именно застреленный нувориш чаще всего являлся в виде призрака по ночам. Саня собственными глазами его видел, но ему верили немногие. Лишь те, что сами когда-нибудь сталкивались с паранормальными вещами. Из-за блуждающей по коридорам старого особняка нечисти Шумов из офисного центра и уволился.

Склад поначалу тоже казался пугающим. В нем было тесно, душно, но это ладно... Среди декораций попадались такие, при взгляде на которые хотелось перекреститься. Фасады склепов, сатанинские алтари, гробы, виселицы... Все это было изготовлено для съемок самого масштабного российского ужастика со времен черно-белого «Вия». Саня названия не помнил, помнил то, что смотрел его в интернете и радовался тому, что не потратил деньги на билет в кино. Фильм в прокате провалился. После чего продюсеры решили воздержаться от съемок ужастиков, но декорации не утилизировали, а оставили до лучших времен.

Со временем Саня к ним привык. Даже несколько раз в гробу спал. Он был обит изнутри поролоном, обтянут атласом, просто царское ложе по сравнению с раскладушкой в комнате охраны.

Сегодня Шумов присмотрел для ночлега диван в стиле Людовика. Какого именно по счету, он не знал. Кажется, четырнадцатого. Сане главное, чтоб диван удобным был... И не вонял. А то иногда перевезут декорации, а от них смрад идет. Когда протухшей едой – артисты роняют ее, и она забивается в щели и начинает гнить, когда кошачьей мочой (животные принимают участие в съемках), когда рвотой.

Саня дошел до дивана, присел на него, прилягнул. Вроде бы все нормально. Только между ним и стеной шкаф громоздкий, которого еще вчера не было, воткнули. Это значит – ноги не вытяни. А Саня любил их на подлокотник закинуть. И решил Шумов шкаф немного подвинуть. Подошел к нему, примерился. Положив фонарь на диван, поплевал на ладони, схватился за углы, напрягся, надавил...

Шкаф ни с места.

Шумов был удивлен. Он не мог назвать себя слабаком, в юности был КМС по тяжелой атлетике и до сих пор с рывка поднимал двухкамерные холодильники и двигал габаритные предметы мебели. Саня окинул шкаф взором. Да, большой, но не гигантский. И сколочен из обычного ДСП. Решив, что в него что-то набили, Саня решил открыть дверки. Они были заперты на навесной крючок. Откинув его, Шумов взялся за шарообразные ручки...

И тут что-то грохнуло позади него.

Саня одной рукой схватил фонарь, второй выдернул из-за пояса дубинку и развернулся.

Никого.

Только вырезанная из фанеры передняя часть телефонной будки валяется, а не стоит, хотя ее совсем недавно принесли и поставили у стены.

– Неужели снова призраки? – простонал Шумов. – Опять увольняться?

Но тут из-под фанеры показалась острая усатая мордочка.

– Бориска, как ты меня напугал, – сердито буркнул Саня, но следом облегченно выдохнул. Не призрак, а всего лишь крыс. Огромный, размером с кота. Он захаживал к Сане в гости, полакомиться обедками. Шумов назвал его Борисом и, можно сказать, полюбил. Все не одному в огромном помещении торчат. А тут живое существо, да интеллигентное: контейнеры Бориска никогда не прогрызал, на столы не лазил, где ни попадя не гадил, гостей на пиры не приводил.

– Подожди, сейчас ужинать пойдем. Я тебе вынесу... – У Бориски даже мисочка своя была. – Только нужно сначала шкаф подвинуть.

Сунув фонарик в рот, Саня распахнул-таки двери.

Да, шкаф не был пустым. В нем лежал человек. Спинай к дверцам. Саня взял его за плечо и развернул к себе...

Когда Шумов увидел лицо покойника (это совершенно определенно был неживой человек), то фонарик выпал из его рта, а затем из него же вырвался такой душераздирающий крик, что привычный к людским голосам Бориска унесся к себе в подвал, забыв о еде и том, что он не гадит во владениях своего двуногого друга.

Часть первая

Ранее...

Глава 1

Женя шел по аллее городского парка и улыбался. Он обожал золотую осень, а в этот октябрьский день стояла такая дивная погода, что листья казались вырезанными из золотой фольги. Многие уже опали, и Женя наклонился, чтобы собрать букет.

«Унылая пора, очей очарованье, – декламировал он про себя, – приятна мне твоя прощальная краса...»

Женя обожал Пушкина. Считал его величайшим поэтом всех времен и народов. На второе место ставил Уильяма Блейка. На третье – себя.

Увы, Евгений Бородин родился не в то время. Опоздал, как минимум, на пятьдесят лет. Появись он на свет хотя бы в сороковые-шестидесятые годы двадцатого века, у него был бы шанс прославиться, как у Евтушенко или Рождественского. Но он дитя перестройки, и в то время, когда Бородин пытался пробиться со своими стихами на книжный рынок, тот был заполнен детективами, боевиками и пошлейшими любовными романами. Юный поэт надеялся на то, что читатель этим фастфудом обожрется (лучшего слова не подберешь) и его потянет к изысканным яствам. Но Женя ошибся, пусть и не во всем. Наевшись «гамбургеров», читатель переключился на «суши» и прочую экзотику: Мураками, Кастанеда... Поэзией интересовались все меньше. Сборники стихов если и печатались, то за счет авторов. И, естественно, выходили малыми тиражами. Евгений Бородин умудрился наскрести денег на двести экземпляров брошюры, но продать смог только треть, в основном родственникам, соседям и знакомым, что-то раздал «нужным» людям, остальное оставил до лучших времен...

Которые все не наступали.

Жене уже перевалило за тридцать. Он жил с мамой и дедом. Работал осветителем на киностудии. Туда его устроил дядька. Временно. Но, как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное. Поэтому Женя уже восемь лет трудился на одном и том же месте. Но стихи продолжал писать. Без этого он не мог. Свои произведения выкладывал на различных спецсайтах, их было довольно много. Каждый, кто публиковался там, надеялся на то, что его заметят издатели и предложат контракт. Женя не был исключением. Но годы шли, а ничего не менялось. Да, его читали, по большей части хвалили, и он мог похвастаться тем, что имеет фанатов своего творчества в разных уголках мира (в Израиле и Америке

поклонники были точно), но Евгению было мало этого. Он понимал, что времена, когда поэты были кумирами, прошли, и ему не светит не только слава Пушкина и Блейка, но и Блока-Есенина, даже Евтушенко и Рождественского, к творчеству которых он относился с прохладцей, но согласился бы и на ту популярность, что обрушилась на его давнего приятеля Кукуся. Кукуся – это фамилия. Имя – Данила. Женька учил его строки рифмовать еще в пятом классе. Им задали сочинить стихи для учительниц и одноклассниц к 8 Марта, но Кукуся этого не умел. Бородин объяснил, как нужно...

На свою голову! Стих Данилы приняли так же хорошо, как и Женин. А учитель литературы обоим поставил пятерку с плюсом. Кукуся до этого одни тройки получал. Обрадовался, конечно. Но поскольку его больше интересовали футбол и стрельба из рогатки, то свободное время посвящал этим занятиям, а не поэзии.

Данила после девятого класса из школы ушел. Поступил в училище, получил профессию газосварщика, устроился работать на стройку. Получал хорошо и был жизнью доволен. Что заставило Кукуся вновь начать писать стихи, Женя так и не понял. Он спрашивал об этом у школьного приятеля, но тот неизменно отвечал: «Торкнуло» – и выдавал очередное свое творение, содержащее, как правило, ненормативную лексику. Именно благодаря матерным стишкам Кукуся и добился первой известности. Они понравились одному эпатажному рокеру, и он сделал их текстами для своих песен. Кукусе стали поступать и другие предложения, он начал хорошо зарабатывать, обзавелся нужными знакомыми и выпустил две книги. Одну – хулиганскую, вторую – лирическую. Как ни странно, успехом пользовались обе. Данила Кукуся, как оказалось, мог одинаково хорошо писать и о суровой правде жизни, с ее бытовухой, грубостью, матюгами, и о любви, нежности, верности...

По мнению Жени – примитивно, его рифмам не хватало изящества, но читатель этого не замечал. Ему все нравилось.

Бородин узнал об успехах одноклассника от одной из своих виртуальных подруг. Он познакомился с ней на сайте пушкинистов. Звали барышню Татьяной, и она была просто чудесной. Жене нравилось в ней все, начиная от тонкой натуры и заканчивая личиком. Оно не было красивым, но нежным и одухотворенным – да. Именно такие Бородина привлекали. К современным стандартам красоты Женя относился с легким отвращением. Девушки с гипертрофированными губами, скулами, бровями напоминали ему кукол из секс-шопа... И казались такими же пустыми.

С Таней Бородин был знаком уже два года, но ни разу не видел ее в

реале. Они только переписывались, отправляли друг другу фото и голосовые сообщения. Даже не созванивались, не говоря уже о большем. Женя предлагал Тане для начала пообщаться в скайпе, а если их впечатление друг о друге не испортится, то погулять или посидеть в кафе. Но барышня отказывалась, толком не объясняя причин. Бородин смирился с таким положением вещей и перестал навязываться.

Молодые люди продолжили виртуально дружить. Как-то раз Татьяна прислала Жене ссылку на страницу Данилы Кукуси в одной из топовых соцсетей (на поэтических сайтах он не появлялся). Так Бородин узнал, что тот, кого он в детстве научил рифмовать строки и отличать ямб от хоря, стал известным поэтом...

Позавидовал, конечно. Но убедил себя в том, что зависть белая. И решил написать Кукусе в надежде на то, что тот поможет Бородину продвинуться. Данила на послание ответил. Предложил встретиться в баре. Окрыленный Евгений примчался туда в назначенный час с брошюрой и блокнотом, в который записывал стихи. Но оказалось, Кукуся позвал его «чисто побухать». Когда Женя заводил разговор о поэзии, он опрокидывал в себя очередную кружку темного пива, отрыгивал и начинал читать свои вирши, да громко, чтоб все слышали. В тот день Бородин так и не смог поделиться с ним своим творчеством. Но брошюру сунуть умудрился. Да только хмельной Кукуся потерял ее по дороге домой, о чем без всякого сожаления сообщил школьному товарищу, когда тот позвонил, чтобы справиться, как ему понравились его стихи. Женя обиделся и под разными никами оставил разгромные отзывы на книги Данилы. Однако, когда спустя месяц тот позвонил Бородину и пригласил побухать, все-таки потащился в бар, надеясь, что в этот раз сценарий будет иным... Но где там!

Третья встреча бывших одноклассников состоялась лишь потому, что Кукуся позвал Бородина не в пивной бар «Бавария», а в клуб «Общество мертвых поэтов». Женя ожидал чтений в камерной обстановке и бесед о высоком за бокалом шампанского, а оказался в бедламе похлеце пивнушки. Клуб оказался андеграундным, там все бухали, орали, матерились, а под конец вечера дрались. Евгений был в шоке от того, что все присутствующие называли себя поэтами. Кукусю это веселило:

– Если б я тебя не помнил первоклашкой, то решил бы, что ты путешественник во времени... И прибыл к нам из золотого века! Хотя и тогда поэты еще теми были кадрами. И пьянствовали, и за бабами бегали, и дрались... А уж как сквернословили! Читал я матерные стихи твоего любимого Александра Сергеевича.

– Не доказано, что они его, – тут же попытался защитить солнце

русской поэзии Женя. – Но если и так, Пушкину простительно. Пошалил, бывает. Вы же меры не знаете. И такое ощущение, что достаточное количество «печатных» слов для того, чтобы выразить свои чувства, это не для вас.

– В мате есть экспрессия. И «непечатные» слова тоже часть языка.

– Поэт должен нести свет людям. Как Данко.

– Данко вырвал себе сердце, а ты на это не способен, – презрительно хмыкнул Кукуся.

– Откуда тебе знать? Ты не читал моих стихов.

– Но я потерял книгу, – пожал плечами признанный поэт.

– Я накидал тебе кучу ссылок!

– Ой, я не дружу с компами.

– И кто из нас из прошлого? – ехидно заметил Женя. – Но у тебя же активные страницы в нескольких соцсетях.

– Этим занимается мой младший брат, я ему за это деньги подкидываю. А сам я даже печатать не умею. Стихи записываю от руки.

– Кстати, я тоже. Вот у меня с собой и блокнот с ними есть.

– Да, я помню, таскался с каким-то.

– Тот заполнен. И стихи перепечатаны и выложены в сеть еще в прошлом году. Сейчас при мне другой. В нем еще достаточно чистых страниц.

– Ладно, давай, почитаю.

– Только не потеряй, – попросил Женя, протянув Кукусе блокнот. – Это единственный экземпляр.

– Зуб даю! – заявил Кукуся и застегнул карман, в который засунул блокнот, на молнию.

– Как прочтешь, позвони. Мне интересно твое мнение.

– Договорились.

После этого школьные приятели распрощались. Но прошла уже неделя, а признанный НЕГЕНИЙ НЕПРИЗНАННОМУ гению так и не позвонил.

...С охапкой кленовых листьев Женя покинул парк. Букет получился таким красивым, что хотелось его подарить кому-нибудь. Если бы Бородину не нужно было на работу, он вернулся бы домой и преподнес его маме. Но его ждали на киностудии, поэтому Женя продолжал двигаться по направлению к метро.

Снова вспомнилась Татьяна. Они жили в одном районе, это выяснилось, когда в беседе был затронут парк, в котором еще пять минут назад Бородин собирал листья. Таня, в отличие от него, гуляла по нему еще

девочкой. Женя же с мамой и дедом всего четыре года назад переехал в эту часть города. Раньше жили близко к центру, в огромной трешке. Но дядька, рассорившийся с отцом и сестрой, тот самый, что устроил племяша на работу, потребовал своей доли, пришлось размениваться.

«Странно, что я за эти четыре года ни разу не встретил Таню в парке, – думал Женя, шагая к метро. – Все, кто живет неподалеку от него, там бывают. Я же через него хожу на метро каждый день...»

Бородин приостановился. Достал телефон и стал смотреть фото, что присылала ему Таня. Все это были домашние сэлфи. По сути одинаковые. Но на одном девушка особенно Жене нравилась, она была заснята на фоне открытого окна. Качество снимка оставляло желать лучшего, поскольку свет падал неправильно, но на нем Таня была живой и непосредственной. Ветер раздул ее челку, она упала на глаза, и девушка задорно поглядывала из-под нее в объектив. Бородин остановился именно на этом фото. Но его интересовало не лицо девушки, а то, что находилось за окном. Он увидел двухполосную шоссеиную дорогу, остановку автобуса, за ней трехэтажное здание и выглядывающую из-за его крыши верхушку стеклянной пирамиды.

Оглядевшись, он ничего похожего не заметил. Решил обратиться к проходящей мимо пожилой женщине:

– Извините, вы не узнаете это место? – и сунул ей под нос телефон.

Бабка сумрачно глянула на Бородина из-под очков и проворчала:

– Я себя порою в зеркале не узнаю, у меня катаракта.

– А пирамида где, не подскажете?

– В Египте.

– Не каменная – стеклянная.

– В Париже. Рядом с Лувром.

Поняв, что от продвинутой в географии бабки ничего не добьешься, Женя собрался двинуться дальше, причем напрямик до станции, но та его остановила:

– Магазин тебе нужен?

– Нет, здание в форме пирамиды. Из стекла.

– Такого нет в округе. Но имеется торговый центр с остроконечной крышей. Вроде стеклянная она.

– И где он?

Бабуля объяснила. Оказалось, идти до «Пирамиды» от силы минут семь. Ее не видно за девятиэтажками. А если зайти во дворы, то крыша сразу покажется, поскольку дальше – трехэтажная застройка. Таня совершенно точно живет где-то рядом.

Женя сам не знал, зачем ему нужно заниматься этой разыскной деятельностью, тем более на работе нужно быть через час, но он поддался порыву.

«Я найду ее дом, – говорил он себе, торопливо шагая, – и тут же напишу. Она постоянно в сети и мгновенно реагирует на каждое сообщение. Спрошу, где она, если ответит – дома (она говорила, что работает, не выходя из него), скажу – спустись к подъезду, я тут. Сейчас будний день, если супруг имеется, он наверняка отсутствует. Хотя я же спрашивал, замужем ли он она, Таня отвечала отрицательно. Но добавляла, что живет не одна. С родителями? Ребенком? Так ничего страшного... В конце концов, я только лишь хочу вручить ей букет и прочесть несколько строк, родившихся в голове, пока гулял по парку. При всем уважении к Александру Сергеевичу и восхищении его стихами, я осеннюю пору унылой не считаю...»

Женя Бородин сам удивился тому, как скоро отыскал нужное место. Причем не только дом. Он и окно определил. Шестое слева на первом этаже. Над ним нависал фонарь, и он тоже влез в кадр. Женя зашагал к окну, набирая при этом текст сообщения. Дойдя до него, отправил. После этого поднял глаза и увидел...

Татьяну!

Через тюлевую занавеску она смотрела на улицу.

«И часто целый день одна сидела молча у окна...» – припомнил пушкинские строки Евгений. Они относились к Татьяне Лариной. Но пришлось как нельзя кстати в данную минуту.

Судя по тому, что девушка чуть подалась назад и повернула голову, сообщение Бородина дошло, и она взяла телефон или планшет, чтобы его прочесть. Тюль был прозрачный, похожий на сетку, и он видел, как Таня улыбается. Она рада его сообщению! Это обнадеживает...

Женя сделал шаг к окну. Встал прямо под ним. Приготовил букет, чтобы вручить его Тане. Ей даже не обязательно выходить к подъезду, достаточно открыть форточку.

Когда она снова повернулась к окну, Женя помахал ей.

Татьяна, увидев его, вздрогнула. Улыбка с ее лица сошла, лицо окаменело.

Несколько секунд Женя и Таня смотрели друг другу в глаза через дымку сетчатой занавески, пока обзор не закрылся. Это девушка задвинула ночную портьеру...

Все равно что захлопнула дверь перед носом Бородина.

Он неловко помялся. Посмотрел на букет, который держал перед

собой, как первоклассник, и отшвырнул его от себя. Затем развернулся и пошел прочь, не зная о том, что через щелку за ним наблюдают...

Глава 2

Итак, она звалась Татьяной...

Как ее любимая пушкинская героиня. Фамилия у Тани была не Ларина – Сомова, сестру звали не Олей, а Аней, жили они не в деревенской глуши, а в столице, но в остальном барышни были очень похожи. Можно сказать, Таня Сомова оказалась живым воплощением книжного персонажа. «Дика, печальна, молчалива...» – все это относилось и к ней. Как и: «Ей рано нравились романы, они ей заменили все...» и прочее-прочее. Сестра-близнец имела совершенно иной характер. Диаметрально противоположный. Таня, опять же ассоциируя их с героями романов, считала, что они как доктор Джекил и мистер Хайд. Только в одном возрасте...

И теле.

Таня и Аня были сиамскими близнецами.

Они родились двадцать семь лет назад в Казахстане. Родители работали на космодроме «Байконур», да и жили Сомовы неподалеку. В их краях часто дети с патологиями рождались, но чтоб с такими...

Времена были непростые. Советский Союз развалился, все летело в тартарары... Беременную маму практически не наблюдали, УЗИ сделали единожды, на раннем сроке, сообщили, что у нее двойня и выписали какие-то космически дорогие, как «Байконур», витамины – врача волновал только свой заработок, а с продажи он получал процент. Роды были не просто сложными. Они едва не убили мать. Акушер не был готов к тому, чтобы принимать сиамских близнецов. И все же он смог. В больнице без оборудования и лекарств (йод, анальгин и физраствор – не в счет) на свет появились сестренки с общим телом. Две головы, шеи, у каждой по сердцу и паре легких, но остальное – общее: желудок, печень, почки, мочеполовая система. За левые конечности, руку и ногу, отвечала одна, за правую – другая. Малышки плакали в унисон, но двигались по-разному. Впоследствии научились координироваться и освоили вязание и езду на велосипеде.

Женщина, что произвела девочек на свет, долго отходила после родов. Двойняшки буквально разорвали ее. Пока мать балансировала между жизнью и смертью, отец узнавал, куда можно пристроить Таню и Аню. Он считал, что отказ от них естественен. Таким детям лучше в специализированных учреждениях, где за ними будут ухаживать

профессионалы. Да, папа понимал, что не все дома инвалидов (а точнее – мало какие) пригодны для нормального существования, но Таня и Аня не просто девочки с психическими или физическими отклонениями, каких множество, они уникальные близнецы, такие интересны и исследователям, и журналистам. Но когда его супруга пришла в себя, то категорически отказалась расставаться с малышками. Она решила воспитывать их сама, но не без помощи квалифицированных специалистов. Одна беда – там, где они жили, таковых не имелось. Пришлось семье Сомовых переезжать.

Около года они пробыли в Алма-Ате. Мыкались по частным квартирам, поскольку на те деньги, что они выручили от продажи своей, не смогли купить даже комнату. Девочек наблюдал отличный доктор, знающий и добрый, он же выбивал для них пособия. Но поскольку врачи в Казахстане получали раз в двадцать меньше, чем в Китае, тот уехал в Поднебесную. Пациенток передал другому доктору, но он не смог найти контакт ни с близнецами, ни с их родителями. На счастье Сомовых, Таней и Аней вскоре заинтересовался Московский институт педиатрии. Семья переехала в Россию. Там ситуация с медициной тоже была аховой, а жилищный вопрос встал еще острее, но здорово помог главный врач больницы доктор Голдблюм, с чьей легкой руки Сомовы и попали в Москву. Сначала все жили при клинике, а когда вопрос с гражданством решился, семья получила небольшую квартиру. Но Таня с Аней там только гостили – больница стала их домом...

Или тюрьмой.

Тут мнение сестер разделялось. Аня считала себя пленницей. Она ненавидела больницу и не скрывала этого от сестры.

– И ты называешь это домом? – яростно шептала Аня на ухо Тане. – Нас содержат как преступников.

– Что за глупости? – мягко возражала та. – Мы живем в красивой комнате...

– Палате.

– Но не камере же. Нас отлично кормят, нам приносят игрушки, книжки... О нас заботятся.

– Как о зверях в зоопарке, да? – Аня хватала игрушку или книжку, лежащую на прикроватной тумбочке, и швыряла в окно. – Они за решеткой сидят, и мы тоже.

– Мама сказала, это для нашей же безопасности. Мы можем ненароком выпасть из окна.

– Ее послушать, так все вообще ради нас делается.

– Но это так.

– Они пускают по нам ток и колют всякой дрянью. Они нас изучают.

– Чтобы помочь.

– Не нам – себе. Мы даже хуже зверюшек из зоопарка. Мы подопытные крысы. На нас опыты ставят, чтобы сделать научную работу...

Этот разговор впервые состоялся, когда девочкам было по восемь. Они к этому возрасту умели читать и считать в уме (письмо им пока не давалось, только рисование) и по уровню развития не отставали от сверстников. Точнее, не отставала Таня, а Аня опережала многих восьмилеток. Она самостоятельно освоила грамоту и счет и научила этому сестру. Также она отлично знала географию. У девочек имелся резиновый мяч-глобус, и Аня запомнила не только названия континентов и океанов, но и большинства стран, крупнейших рек. Зато Таня знала множество стихов и хорошо их читала.

– Артистка, – улыбались медсестры, слушая Таню.

– Хулиганка, – качали головами они, подбирая вещи, которые Аня кидала на пол, когда злилась.

Управляться с ней было все труднее. К десяти годам девочка начала проявлять настоящую агрессию. Детей, что лежали с сестрами Сомовыми в одном отделении, била, пока они не начали их избегать. Могла запустить тарелкой в нянечку или укусить доктора. Доставалось и маме, которую Аня считала предательницей. Бросила их в тюрьму, которую все почему-то называют клиникой, чтобы дети-инвалиды ее личной жизни не мешали. Но отец еще хуже. Оставил их, завел себе НОРМАЛЬНУЮ семью. Мама больше не могла иметь детей, а та, другая тетья, новая, родила ему здорового ребенка. Да еще и мальчика, о котором он так мечтал.

Однажды в их палату зашел профессор Голдблум, чего не делал давно. Он изучал их несколько лет, но, написав кандидатскую диссертацию, а затем докторскую, потерял к Тане и Ане интерес. И тут вдруг появился...

– Как мои девочки поживают? – спросил он у сестер, схватив стул и усевшись на него, как на коня.

– Хорошо, – ответила Таня с улыбкой. Она соскучилась по профессору. Аня же его терпеть не могла, как и всех в больнице. Но Голдблума, пожалуй, больше остальных, потому что именно он ставил над ними опыты, как над крысами.

– А ты, Аня? – обратился он ко второй сестре, поскольку она промолчала. Девочка пожала плечом. – Опять не в настроении? И что послужило причиной на сей раз?

– Голова болит, – буркнула Аня.

– Это потому, что вчера ты сильно перевозбудилась. Мне рассказали об

истерике, которую ты закатила перед сном.

– Я хотела посмотреть кино, а мне не дали.

– Отбой в девять, а фильм начинался позже.

– Мы не в тюрьме, – завела привычную песню Аня. – И не обязаны отходить ко сну, когда прикажут.

– Во всех больницах есть режим, – заметил профессор. – А еще в санаториях, летних лагерях. Да и дома все дети ложатся в определенное время.

– Дома и я бы легла, но вы нас туда не отпускаете.

– Да я бы выписал вас хоть сейчас, – в сердцах воскликнул профессор, – только на что вы жить будете?

– На мамину зарплату и пособие, – заявила Аня.

– Анечка, – вздохнул Голдблум, – тебе кажется, что ты очень развитая для своего возраста и знаешь ответы на все вопросы, но, поверь, в жизни все не так, как тебе представляется. Там, за стенами больницы, весьма жестокий мир.

– Если вы о том, что в нас будут тыкать пальцем, так мы это знаем. К насмешкам и травле тоже готовы. – Аня всегда говорила «мы», отвечая за себя и сестру, даже в том случае, когда их мнения разделялись.

– О нет, я о другом, – покачал головой профессор. – Мы же с тобой финансовый вопрос обсуждали. Если вы переедете домой, мама не сможет работать. Она всю себя посвятит уходу за вами. Что в этом случае остается? Пособие. Ты знаешь его размер? Нет, конечно. Как и то, во сколько обходится содержание вас. Еда и одежда, которую придется шить на заказ, ерунда. Книжки и игрушки тоже. обойдетесь без них, если прижмет. Но не без витаминов и таблеток. Ваш организм хрупок и сложен, но он на пороге перестройки, и как она пройдет, я не могу спрогнозировать. Здоровые дети тяжело переносят половое созревание, вы же у нас особые девочки...

– Мы готовы рискнуть.

– А ваша мама – нет. Вы все, что у нее есть.

– То есть мы так и останемся тут? – ахнула Аня.

– Нет, – улыбнулся профессор. – Именно поэтому я и явился к вам сегодня. Вас ждет новое место жительства. И, надеюсь, оно вам понравится.

– Вы что, отправляете нас в Америку? – воскликнула Аня.

– Почему именно туда? – опешил профессор.

– Она где-то прочитала о том, что в США имеет успех шоу уродов, и артистов для него ищут по всем странам, – объяснила Таня. – Боятся, что

вы нас продадите в цирк.

– Не беспокойся, Анечка, никто вас продавать не собирается. Как и отправлять за океан. Вы переезжаете на другой конец Москвы в медико-биологический исследовательский центр.

– И это делается ради нашего блага?

– Естественно. Как я уже сказал, вы взрослеете и скоро станете девушками...

– То есть педиатры вытянули из нас все, что могли, теперь по нам диссертации будут писать другие специалисты? – зло фыркнула Аня.

Голдблум оставил это замечание без ответа. Он поражался недетской пронизательности Ани. Иной раз, общаясь с ней, профессор забывал, сколько ей лет, казалось, тридцать, не меньше. Но едва она начинала говорить глупости, типа той, что их с сестрой продадут в цирк уродов, все становилось на свои места.

...В исследовательском центре Сомовых продержали четыре года. Ане там нравилось больше – нет раздражающей малышни, как в педиатрии, отбой в десять, телевизор в палате и врач – женщина, а не этот противный Голдблум, Таня же страдала от разлуки с мамой. Теперь она навещала дочерей раз в неделю. Девушками сестры стали в двенадцать. Аня морально созрела раньше, а Таня дозревала еще несколько лет. Аня первая начала испытывать сексуальное возбуждение до того, как у сестер начали расти груди. А так как половая система у девочек была общей, то вторая чувствовала себя не в своей тарелке, когда ощущала жар между ног. Ей было и противно, и стыдно, и боязно. Она умоляла Аню перестать думать о сексе, но ту просто раздирали желания. Она хотела и актера Домогарова, и медбрата Костика, и... доктора Васильеву. Когда Таня узнала об этом, два часа проплакала. А Аня козырнула словом «бисексуалка», применив его к себе, и предалась своим любимым эротическими фантазиям, чем довела сестру до истерики. Не стоит и говорить, что доктор Васильева была в восторге от происходящего – ее статьи об особенностях пубертатного периода сиамских близнецов публиковали не только российские, но и зарубежные издания.

Пятнадцатилетие сестры Сомовы отмечали дома. Их не просто отпустили – выпихнули. Профессор Васильева уехала на ПМЖ в Канаду, а никому другому сестры были неинтересны. Их изучили досконально. Они были прочитанной книгой в двух томах... И подопытными крысами.

Спустя годы Таня поняла, как была права Аня.

...А Аня поняла, как была права.

Жизнь вне «клетки» оказалась адской. И не нехватка денег удручала

больше всего, а отношение окружающих. Ане думалось, что она готова к насмешкам и даже травле. Но одно дело иногда выходить на улицу, а остальное время проводить среди сочувствующих и понимающих людей: медработников и тех, кто, как и ты, имеет какой-то порок, а другое – обитать в каменных джунглях. Аня первое время пыталась жить обычной жизнью. Думала, получится. Она же интересная, умная, сильная... Но чем больше она тянулась к людям, к свободе передвижения и самовыражения, тем острее ощущала свою ущербность. «Я как участник шоу уродов, – кричала она гневно. – Только мне за это денег не платят!»

И Аня замкнулась. Тане все сложнее было уговорить ее куда-то сходить. Ей тоже было неприятно, когда в них с сестрой тыкали пальцами, но она с этим справлялась. Потому что понимала: они не такие, как все, и глупо ждать к себе обычного отношения. Оно всегда будет особым, по большей части негативным. И за это нельзя ненавидеть окружающих, а тем более что-то им доказывать.

Учились девушки на дому, поэтому особой необходимости в том, чтобы покидать квартиру, не было. Таня всегда мечтала ходить в библиотеку, театр, кино, но Аня твердила, что благодаря интернету можно читать книги, смотреть постановки и фильмы, не вставая с дивана. Почти все время сестры проводили в четырех стенах, лишь иногда выбираясь на прогулку, но делали они это ночами. Когда Аню и Таню только выписали из больницы, мама хотела уволиться с работы, но девушки уговорили ее этого не делать. Они не немощные, не бестолковые, не малолетние, сами справятся с бытовыми проблемами.

Сестры Сомовы получили аттестаты в семнадцать. О дальнейшей учебе не шло речи. Слишком много препятствий было на пути к получению специального образования, а также применению впитанных знаний впоследствии. Кто бы взял их на работу? Так что Аня и Таня решили самообразовываться посредством интернета.

Аню интересовали труды экономистов и физиков, Таню – философов и историков. Первая, кроме того, посещала сайты, где учили быстро зарабатывать, вторая виртуально блуждала по музеям и галереям мировых столиц. Вместе они смотрели документальные фильмы о гениях. Среди них были и физики, и лирики, и интерес был у сестер взаимным. Поскольку компьютер в то время у Сомовых был один, то пока одна погружалась в изучение интересующего ее материала, вторая посвящала время хобби. Аня разгадывала сложнейшие кроссворды, Таня занималась цветами. Она спасла их от гибели, забрав у соседа, который купил запущенную квартиру вместе с хламом и собрался от него избавиться. Сестры видели, как он

таскает барахло на помойку, и попросили все не выбрасывать. Ане понравился допотопный радиоприемник, который ей хотелось починить, а Тане цветы. Обе получили желаемое. А в придачу – симпатичную этажерку. Приемник Аня доломала окончательно, спалив все его внутренности, зато цветы получили вторую жизнь. Они не просто окрепли и посвежели, а стали цвести. Даже кактус, о который сигареты тушили. В общем, сестры Сомовы не могли пожаловаться на скуку. Они постоянно были чем-то заняты, и, несмотря на то что с окружающим миром контактировали мало, недостатка в общении не ощущали. Ведь у каждой из них всегда был приятный собеседник...

А мама Ани и Тани потихоньку сходила с ума...

Сестры этого не понимали. Им было не до нее. Девушки привыкли к тому, что их родительница существует дистанционно, поэтому, находясь с ней в одной квартире, не всегда маму замечали. Они встречали ее с работы, кормили ужином (готовить девушки научились быстро), беседовали с ней, но недолго. Она стала им почти чужой. Даже Таня, которая была привязана к матери больше сестры и не таила на нее детских обид, не горела желанием проводить с ней больше времени.

Та все понимала, кроме одного... Как жить дальше?

Ей пятый десяток. Мужа нет, как и хорошей работы. Перспектив – тем более. Зато имеются две особенные дочки, с которыми она делит единственную комнату в квартире. И они с ней до самого конца! Не потому, что их не оставишь одних. Аня с Таней отлично справляются без матери. А вот ей некуда деваться! Коли не нашла себе мужика, когда была моложе и обитала одна в квартире, то сейчас вообще никаких шансов. Зато бывший муж – в шоколаде. У него жена, сын и никакой ответственности за дочек. Зря она не послушала его и не отказалась от дочек. Все равно ее жертва осталась не оцененной, в том числе Аней и Таней. У них свой мир, в который маму пускают только на время и как гостя.

* * *

Как-то Аня предложила сестре сыграть в карты. Та удивилась. Они любили лото и домино. Развлекали себя крестиками-ноликами и морским боем. Бывало, плевались из трубочек бумажными шариками в портреты или в них же метали самодельные дротики. Но карты сестер Сомовых не увлекали.

– Хочу отработать на тебе некоторые приемы, – пояснила Аня. –

Понятно, что я буду играть виртуально, но с живым человеком тренироваться сподручнее.

– То есть на сайтах, где учат скорому обогащению, просто втягивают людей в азартные игры? – решила уточнить Таня.

– Не без этого. Но у меня цель заняться биржевыми сделками. Чтоб играть по-крупному, нужен стартовый капитал. Интернет-покер дает шанс его заработать. Так что давай натаскаем меня на него.

– Нет, Аня! – решительно отказалась Таня. – Я не позволю тебе стать игроманом.

– Мы не живем – существуем, – с болью воскликнула Аня. – Сводим концы с концами. Неужели тебе не хочется улучшить наше материальное положение?

– Хочется, но...

– Боишься, что я впаду в зависимость?

– Ты впадешь, – вскричала Таня. – Я же тебя знаю.

– Тогда давай договоримся так: играем вместе, – предложила Аня. – Когда я неоправданно рискую, ты меня тормозишь. Установим максимальный размер ставки на кон и проигрыша.

– Ты меня не слушаешь...

– Значит, в качестве игрока мы заявляем тебя. И именно ты сможешь поставить финальную точку в игре.

Татьяна согласилась, и сестры Сомовы начали учиться покеру.

Забыто было все: физика с социологией, философия с историей, даже цветы перестали получать привычную заботу. Аня с Таней посвятили себя карточной игре, чтобы сделать на ней деньги.

Наконец, почувствовав себя готовыми, девушки вступили в игру.

Поначалу это было скорее развлечение. Поставил копейки, проиграл их, потом выиграл, все одно – мышьяная возня. Но со временем все изменилось. Пошло, как говорила Аня, крутое месиво. Сестры стали получать реальную прибыль. Поскольку Татьяна контролировала сестру, они оставались строго в плюсе. И смогли себе позволить новые телефоны, еще один компьютер, швейную машинку, бытовую технику. Естественно, близняшки большую часть времени проводили, уткнувшись в мониторы. Готовить перестали. Заказывали доставку на дом пиццы или гамбургеров, всегда на троих, но мама ела свой ужин одна. Ее уволили с работы, и она даже сообщила об этом дочерям, но заметила, что ее как будто не услышали. Иначе не спросила бы Аня через месяц, почему родительница в будний день дома сидит.

У сестер были грандиозные планы на будущее. Они мечтали о новой

квартире и машине с шофером... А когда еще мечтать, если не в восемнадцать? Тем более когда, что называется, прет!

Сомовы сделали крупную ставку. Причем Таня не только не отговаривала от этого сестру, а даже подначивала. Для того чтобы принять участие в крупном интернет-турнире по покеру, необходимо было внести пять тысяч долларов. Выигрыш – сто! Никакого кидалова, реальные бабки. Все скидываются, как за обычным столом, и победитель срывает банк. Сомовы решили поучаствовать. Но пять тысяч долларов – сумма немалая. Пришлось занимать. Одолжить деньги согласился бывший мамин начальник. Потому что обещали вернуть их с процентами. Даже расписку оставили, что отдадут не пять, а шесть кусков.

Близняшки дошли до полуфинала, но и только. Банк они не сорвали. Остались ни с чем...

А точнее, с долгом в размере шести тысяч долларов. Для кого-то мелочь, для них огромная сумма.

Аня с Таней были раздавлены. И так погрязли в своих переживаниях, что не заметили маминих страданий... По традиции. Просто заверили ее в том, что вернут долг ее начальнику, пусть и не сразу. А она поняла, что вот она – последняя капля. И бросилась под поезд метро.

...Похоронив мать, Аня и Таня остались вдвоем. Горевали по ней умеренно. Долги ее не возвращали. В карты больше не играли. Но в интернете по мелочи зарабатывали. И обе ждали чуда!

Почти десять лет...

Глава 3

Эд Чаплин не был гением, как его однофамилец Чарли, но огромный талант имел.

Начинал он как актер еще в детстве. Снимался в «Ералаше» и семейном сериале, но понял, что находиться за камерой, а не перед ней, ему нравится гораздо больше. Поэтому Эд поступил во ВГИК сразу на два отделения: операторское и режиссерское. Оба бросил через год. Родителям, что оплачивали учебу, сказал: «Меня учить – только портить!», собрал рюкзак, взял камеру и уехал на Урал снимать «настоящее» кино...

Снял. И, вернувшись в Москву, представил его на суд зрителей и жюри одного из кинофестивалей. Как ни странно, фильм понравился и тем и другим. Чаплин получил главный приз и обзавелся фанатами своего творчества из «простых» людей. Именно для них он хотел снимать – не для эстетов. Но не какое-то поточное дерьмо, ибо пипл все схавает, не чернуху, порнуху, кровавую баню, а фильмы, пусть и реалистичные, без розовых соплей и мелодраматических штампов, но заставляющие пусть и на полтора часа поверить в добро и справедливость.

Чаплин снял еще два фильма. Но оба телевизионных. Хотелось же большого метра. Однако под те сценарии, что Эду приходились по вкусу, денег никто не давал. Он был на грани отчаяния, когда один знакомый продюсер по фамилии Панфилов прислал ему по почте повесть казахского прозаика, недавно переведенную на русский. Сказал, что та затронула его душу и, если Чаплин адаптирует ее под сценарий, он согласится финансировать фильм. Эд прочел произведение за пару часов и некоторое время находился в замешательстве. Да, оно было неплохим, но не сказать, что выдающимся. Хотел отказаться, но стал представлять сначала героев, затем придумывать раскадровку, крупные планы – и загорелся.

Сценарий Чаплин написал за ночь. Утром отправил продюсеру. Тот остался доволен результатом, но относительно концовки у него были сомнения. Дело в том, что Чаплин ее переделал, а писатель категорически не желал ничего менять в своей истории. Но Эд тоже встал в позу и заявил, что авторский финал его не устраивает. Пришлось продюсеру устраивать встречу Эду и Нурлану Джумаеву (так звали прозаика) в одном из ресторанов.

Когда Чаплин увидел его, то решил, что ошибся: администратор столики перепутал. Потому что мужчина, что сидел за тем, к которому его

подвели, не мог написать пронзительную историю запретной любви. Разве что о поднятии казахской целины или сборе урожая. На вид писателю было лет шестьдесят пять – семьдесят, он имел затрапезный вид и сонный взгляд. Не творец, а собиратель хлопка, вымотанный годами непосильного труда. Такой не то что книги писать – расписывается крестиком...

– Извините, я, возможно, ошибся, – начал Эд, – но если вы Нурлан Джумаев, то я по вашу душу...

– Это я, – ответил старик и поправил свою тубетейку. – А вы Чаплин?

– Совершенно верно.

– Псевдоним?

– Все так думают, но это моя реальная фамилия. – Эд опустился на стул, взял в руки меню. – Вы что-то заказали?

– Чай.

– А я бы поел... Не хотите? – Старик покачал головой. – Я угощаю, если что...

Нурлан улыбнулся одними глазами. Когда они ожили, лицо старика перестало казаться глуповатым. Нет, не собиратель хлопка, а сельский учитель на пенсии. Но даже от такого не ждешь произведения, в котором сестры-двойняшки были любовницами, а когда одна из них нашла себе мужчину, занимались сексом втроем. В СССР секса как такового не было, а тут и однополый, и групповой...

– Давайте сразу к делу, – проговорил Нурлан. – Я читал ваш сценарий, и он мне понравился. Если вы переделаете концовку, я подпишу контракт...

– Но в вашей повести все главные герои умирают! – воскликнул Эд. – Получится мрачная драма. На фильм не пойдут, а я народный режиссер, я снимаю для широких масс. Мы должны сохранить жизнь одной из героинь.

– Нет, – коротко ответил Нурлан. В его произведении «брошенная» сестра не смогла отпустить вторую (она согласилась бы на жизнь втроем, но остальных это не устроило), поэтому отравила соперника. Невеста, узнав об этом, поквиталась с убийцей, отняв жизнь у нее, а потом зачала от тоски. Финита...

– «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»? Ха! – попытался пошутить Эд. – Ваша повесть ее переплюнула.

– Вы бы переделали концовку «Ромео и Джульетты»? – с вызовом спросил Нурлан.

– На классику посягать грех. Но я не стал бы снимать кино по этой пьесе. Она, на мой взгляд, несовременна, и фильм, в котором молодой Ди Каприо играет Ромео, не воспринимаю. Сейчас все иначе...

– Человеческая природа не меняется. Мы из века в век одни и те же,

несмотря на прогресс.

– Не согласен.

– Какой вы еще молодой, зеленый, – вздохнул писатель. – Ничегошеньки в жизни не понимаете.

– Да где уж мне... До вас, аксакалов! – насупился Эд. Он устал от того, что взрослые мужи не воспринимают его всерьез.

– Не обижайтесь на меня, – мягко проговорил Нурлан и подвинул к Эду чашку чая – его принесли и разлили. – Вам сколько лет?

– Двадцать четыре.

– Мне было немногим больше, когда я писал эту повесть. И тогда я так же, как и вы, считал, что умнее всех аксакалов.

– А сейчас вам?

– Пятьдесят восемь. Знаю, выгляжу старше. Потрепало меня... Но речь не об этом. И не о возрасте вообще. Оставим это. Поговорим о повести, тогда вы, возможно, поймете, почему я настаиваю на своей концовке. В первоначальном варианте история выглядела иначе. И ее не хотели печатать. Я переделал, и тогда ее опубликовали. Как эдакий горячий пирожок о запретной любви. Наш, казахский, ответ «Лолите» Набокова.

– Вы добавили жарких сцен?

– Нет, напротив, убрал некоторые. Дело в том, что изначально героини были сиамскими близнецами.

– Ничего себе, фантазия у вас, – присвистнул Эд.

– Написание этой повести меня вдохновила статья в газете. Я прочел о двух новорожденных девочках, у которых было одно тело, но две головы и шеи. Это если упростить. Легкие и сердца были парными, а вот то, что ниже, – общим. Две женщины с одним лоном, маткой... Их любовь, их сексуальные забавы, они естественны.

– А то, что одна из них нашла себе мужика?

– Тоже. Я читал литературу и могу вас уверить, что сиамские близнецы находили себе не только сексуальных партнеров, но и супругов. К примеру, сестры Блажек. Правда, они срослись в области крестца и имели каждая свое туловище и по паре рук, но половая система у них была общей. Одна из девушек, Роза, влюбилась в офицера и родила от него абсолютно здорового ребенка. Молодые смогли пожениться, но только после затянувшихся судебных тяжб. Вояку даже после смерти обвиняли в двоеженстве.

– А вторая сестра?

– Жозефина. Она была помолвлена, но жених скончался до свадьбы. Сестры Блажек умерли с разницей в четверть часа – первой ушла Роза,

заболевшая желтухой, за ней Жозефина. Остальные сиамские близнецы, известные истории, также скончались в один день.

– Да, но ваши героини – суверенные личности и организмы. Та, что убила сестру, не могла умереть от тоски. Покончить с собой, да, но с такой концовкой фильм будет еще более депрессивным.

Нурлан сделал еще один глоток чая, при этом он каждый раз сощурился, так что его и без того узкие глаза превращались в щелки.

– То есть вы еще ничего не поняли? – спросил он.

Чаплин неопределенно пожал плечами. Этот старик был как китайская шкатулка со множеством ящичков, пока все откроешь...

– Я хочу, чтобы фильм сняли по первоначальной версии повести. Точнее, это был роман. И хоть в нем была масса сексуальных сцен, не эротический. Но издатели посчитали его нудным и извращенным. Пришлось переписать. Но я до сих пор жалею об этом. Мне не так много и заплатили за издание, чтобы я мог удовлетвориться деньгами. И теперь, когда меня начали печатать в России, читатель познакомится не с тем романом, который я выстрадал, а с эротической повестью. Мне этого, конечно, не хочется.

– Но она неплоха.

– Вот именно – неплоха. А роман был прекрасен. Я регулярно его перечитываю и могу с уверенностью сказать, лучше его я не писал, а из-под моего пера, если выразаться по старинке, вышла не одна книга.

– Так выпустите роман, а фильм мы снимем по повести.

– Нет, – решительно заявил казахский писатель, – сначала мы снимем фильм, потом я выпущу роман, это коммерчески правильный ход.

– А вы разбираетесь в коммерции? – приподнял брови Эд.

– Немного, – усмехнулся Нурлан, на сей раз губами, а не глазами.

– Тогда вы должны понимать, что бюджет картины значительно вырастет, поскольку придется применять компьютерную графику, чтобы сделать сестер реалистичными.

– О, деньги не проблема. Так вы перепишите концовку?

– Весь сценарий нуждается в переделке. И я бы хотел сначала с романом ознакомиться.

– Там много переживаний и секса. Все это нам не нужно. Первое сделает фильм скучным, второе – загонит нас в рамки 18+. Так что напишите сценарий по повести, но учтите, что сестры – сиамские близнецы.

– А продюсер Панфилов в курсе ваших замыслов? – поинтересовался Эд. – Это же будет совсем другое кино.

– Это не ваша проблема. С продюсером я договорюсь.

– Как-то странно все...

– На самом деле нет. Просто вы всей информацией не владеете, – покачал головой Нурлан. – Но если у нас все получится с кино, вы все узнаете и поймете. – Нурлан допил свой чай и отставил чашку. Официанта, что подошел, отогнал движением пальца. Нет, не собиратель хлопка и не учитель. Человек с положением. Уверенный в себе настолько, что чувствует себя свободно в простецкой одежде и тюбетейке в пафосном ресторане российской столицы. – Я смотрел все ваши фильмы, Эдуард. Они затронули мою душу. Вы талантище...

– Спасибо, – проговорил совершенно не ожидавший такого Чаплин, – это очень лестно слышать.

– Что мне особенно импонирует – ваши работы откровенны, но не пошлы. Уметь балансировать на грани дано очень немногим. Если у кого и получится снять фильм по моей истории, то только у вас. Меня, признаться, сначала смутила ваша молодость, я ожидал увидеть более зрелого человека. Да, почему-то мне не пришло в голову ознакомиться с вашей биографией... Но сейчас я понимаю, что в этом тоже свой плюс. Вы так же чисты и наивны, как и я на момент написания романа.

– О, я бы все же нас не сравнивал, – запротестовал Эд. – Мы люди не просто разных поколений – эпох, и, я вас уверяю, мы, современная молодежь, повзрослели и поумнели значительно раньше, чем вы...

– Вам в этом помог Гугл? – усмехнулся Нурлан. – Когда доживете хотя бы лет до сорока, вы поймете, о чем я. – Он сунул руку в карман своего старомодного пиджака, который, как теперь видел Эд, был сшит из превосходной шерстяной ткани, и достал бумажник. Открыв его, вынул купюру, положил ее на стол. – К сожалению, мне нужно идти, дела... Надеюсь, эта наша встреча – не последняя. До свидания, Эдуард.

И ушел. А Чаплин остался, чтобы поужинать. Однако съесть смог только салат, да и тот не до конца. Отвлекали мысли о новом сценарии, и кусок в горло не лез. Отставив тарелку, Эд достал планшет и стал торопливо печатать, чтобы не упустить их.

...С той встречи прошло четыре месяца. Фильм по книге Нурлана Джумаева был запущен в производство. Но Эд не снял ни одного дубля, поскольку не мог найти актрису на главные роли. Чаплину никто не нравился. Категорически! Он браковал одну артистку за другой, хотя в пробах участвовали все молодые звезды, – о столь сложных ролях мечтали многие и готовы были ради них отказаться от денежных проектов. Эд же хотел снять никому не известную девушку. Желательно провинциалку.

Поэтому он объехал множество «уездных» театров, пересмотрел кучу постановок, но все впустую...

«А воз и ныне там».

Радовало одно – Чаплина не торопили. Как оказалось, финансирование картины целиком взял на себя Джумаев. Тот, кого Эд принял за сборщика хлопка, оказался казахским миллиардером и готов был терять деньги ради идеального результата – ему тоже ни одна из актрис не понравилась. А вот исполнителя главной мужской роли он одобрил. Его Чаплин уже снимал в одном из своих телефильмов. Иван Охлопков играл в нем даже не второстепенную – эпизодическую роль, пребывал на экране какие-то полторы минуты, но в душу режиссера запал. В этом актере было столько самобытности и огня, что Эд твердо решил взять его в свою следующую картину. Правда, у Охлопкова было комедийное амплуа. И все из-за хромоты. Одна нога Ивана была значительно короче другой, что лишало его возможности стать главным героем мелодрам или боевиков. Артист с физическим недостатком органично смотрится в трагедиях и комедиях, а так как Иван ненавидел, когда его жалели, то приучил всех смеяться над собой. Но звездой комедий он стать тоже не мог. Мешало красивое лицо и завораживающий взгляд пронзительно-зеленых глаз. Поэтому Охлопков был на вторых ролях, снимался часто, получал хорошо, и его это устраивало до тех пор, пока не оказалось, что Эд Чаплин видит в нем потенциал. Иван поверил в то, что молодой режиссер может вывести его в звезды первой величины, поэтому согласился на трагическую роль. Желая приступить к работе как можно скорее, он изводил Чаплина звонками. Когда Эд перестал ему отвечать, артист начал подкарауливать его в самых неожиданных местах, например в стоматологической клинике. Откуда Иван узнал, где Чаплин лечит зубы и в какое время, осталось загадкой. Тот сделал вид, что встреча была случайной.

Когда Иван в очередной раз подловил Эда, на сей раз в ресторане, тот не выдержал:

– Будешь меня преследовать, сниму с роли, – рявкнул он.

– Эд, я нашел, – выпалил тот и схватил Чаплина за руку. – Пойдем покажу.

– Что? Клад?

– Да, именно.

– Ты не в себе, Ваня... – покачал головой Эд и вернулся к ростбифу.

Но Охлопков не унимался:

– Хватит жрать, пойдем скорее, ты должен видеть. Это тот человек, который нужен нашему фильму. Идеальный кандидат на главную роль...

– Ты нашел актрису?

– Да, да, – торопливо закивал Иван и отобрал у Эда приборы. – Торопись, а то уйдет.

– Ты что, ее сюда за ручку привел и оставил у входа?

Но Охлопков на вопрос не ответил, хромя больше обычного, поспешил к дверям. Эду ничего не оставалось, как последовать за ним.

Режиссер и актер вышли на улицу. Ресторан находился на Арбате, и совсем неподалеку кто-то выступал. Человека окружила толпа, кто-то смеялся, кто-то хлопал. Иван растолкал людей, чтобы дать дорогу Эду. Тот увидел перед собой худенького кудрявого парня, держащего куклу – тонкую, бледную балерину. Она жеманничала и заигрывала со зрителями мужского пола, проговаривая слова тонким, чуть гнусавым голоском.

– Чревовещатель? – недоуменно спросил Чаплин у Ивана. – Зачем он нам?

– Да ты посмотри на него повнимательнее, и все поймешь...

Эд скептически воззрился на артиста. Но через несколько секунд попал под его обаяние. Талантливый парень, ничего не скажешь, а как умело управляет куклой и меняет голос на женский.

– Они как сиамские близнецы, не находишь? – шепнул Иван.

И Эд был вынужден признать его правоту.

– Попробуй его на главные роли, уверен, он справится.

– Да ты в своем уме, Ваня? – И собрался уйти, но Охлопков преградил ему путь.

– Есть много примеров того, как хорошо мужчинам удаются женские роли.

– В комедиях положений – да, но мы собираемся снимать совсем другое кино.

– И хорошо, это будет прорыв... Заявка. Фишка. Тайна, если правильно разыграть. Можно скрывать имя исполнителя главных ролей, тем самым подогревая интерес публики.

– Ваня, тебе придется с ним целоваться.

– Ради искусства я готов.

– Ты не гей, случаем? А этот парень не твой бойфренд?

– Нет и нет, – совершенно не обиделся Охлопков. – Мне просто не терпится приступить к работе... У меня актерский зуд, понимаешь? – Он красноречиво почесался. – Пока я под впечатлением от роли, мне хочется играть. А ты тормозишь и тормозишь съемки. Но я тебя не виню. Все кандидатки были в лучшем случае так себе. А этот парень... Да ты посмотри на него! Он двуликий. И женственный. Пол только кадык выдает,

но все равно будет много графики, его убрать – плевое дело.

Тем временем чревовещатель закончил выступление. Толпа тут же рассосалась, остались только Эд с Иваном.

– Вам понравилось мое выступление? – спросил парень, убрав куклу в специальный чемоданчик.

– Очень, – заверил его Иван.

– Вы учитесь в театральном? – спросил Эд.

– Да. На кукольника.

– На актерское отделение не прошли по конкурсу?

– Точно.

– Как вас зовут?

– Марат. Марат Халиев.

– Хотите сниматься в кино?

Парень расхохотался, запрокинув голову. Его острый кадык заходил, и Чаплин тут же пожалел о том, что повелся на провокацию Ивана. Да какая из этого угловатого, пусть и смазливого мальчишки женщина?

– Вы прикалываетесь надо мной, да? – отсмеявшись, спросил Марат.

– Это режиссер Чаплин, – представил Эда Иван. – Он ищет исполнителя на две главные роли, которые должен сыграть один человек. Мы думаем, им можешь стать ты.

– Чаплин умер лет сто назад, – фыркнул кукольник.

– Всего сорок, и тебе, актеру, грех этого не знать. Перед тобой Эдуард Чаплин, современный российский режиссер.

– Ребят, если вы меня клеите, то знайте, я не гей.

– Я тоже, но целоваться нам с тобой придется. Эд, – обратился Иван к Чаплину, – покажи ему свое режиссерское удостоверение.

...Вот так с легкой руки Ивана Охлопкова они нашли главную звезду фильма. Марат блестяще прошел пробы. Он понравился всем, включая Нурлана, хотя Эд опасался, что старик в штаны воспримет тот факт, что сестер будет играть парень. И как только Халиева утвердили на роль, Чаплин объявил первую боевую готовность. Съемки фильма под рабочим названием «Сиамские» начинались завтра.

Глава 4

Нурлан Джумаев снял тюрбетейку и вытер вспотевшую лысину платком с монограммой. Все его вещи были эксклюзивными. Одежду, обувь, головные уборы, сумки, шарфы для него изготавливали лучшие мировые мастера. Нурлан не ходил по магазинам, только по ателье и мастерским. Фасоны выбирал классические, а по мнению многих – старомодные. И неизменно образ дополнял тюрбетейкой «такой».

Нурлан посмотрел на себя в зеркало и равнодушно подумал: «Какой же я старый...»

Джумаев не только выглядел не очень хорошо, он чувствовал себя так же. Его биологический возраст не соответствовал паспортному. Многие его ровесники как пацаны носятся, кто по беговым дорожкам, кто за молодыми девками, а Нурлан давно свое отбегал, уже лет десять как. Хорошо еще, ходить мог. И почка, пусть и одна, вторую отбили, неплохо работала. А вот сердце уже дважды оперировали. Печень подсаживали. Хрусталик глазной меняли. Коленные суставы наполовину искусственные...

Нурлан называл себя дедушкой-трансформером.

Вот только внуков у него не было. Как и детей. Но родной человек имелся – двоюродный племянник Абзал, которого он взял под свое крыло еще пареньком. Абзал потерял родителей в пятнадцать, Нурлан пожалел его, приютил. Думал сделать его сторожем своего шале, которое он посещал крайне редко, но не продавал, поскольку горный воздух благотворно на него влиял, а вид заснеженных вершин умиротворял. Да, можно было останавливаться в гостинице или снимать дом, но это ЧУЖОЕ, а ему нужно было СВОЕ. Нурлан был и бездомным, и рабом, и эком, треть жизни промыкался по норам, подвалам, камерам, и как только появилась возможность обзавестись своим углом, он ею воспользовался. Поначалу это был именно угол – комнатенка в общежитии. Потом появилась квартира, затем дом, другой, третий... Остров, наконец (но от него он вскоре избавился – тропический климат не подошел). На момент, когда в жизни Нурлана появился Абзал, он владел только шале и квартирой в Алма-Ате, но шикарной не по размеру и планировке, а по оформлению. Поскольку паренек вырос в горной деревушке, Нурлан отправил его в привычные места. Тот не смел возражать, хотя мечтал о другом. Абзал хотел остаться в городе, продолжить обучение в школе – он окончил всего семь классов, затем поступить в университет, но... Если благодетель велел жить в горах и

сторожить дом, так тому и быть.

Но «ссылка» долго не продлилась. Когда Нурлан лучше узнал своего племянника, ему стало понятно, что парня с таким мощным интеллектом и необузданной тягой к саморазвитию грех держать в глуши. Он забрал Абзала в город, устроил в лучшую гимназию, но сказал: «Если за год не догонишь одноклассников, вернешься в шале!» Абзал не только догнал их – перегнал. Он экстерном окончил среднюю школу. Аттестат получил вместе с ровесниками, а не с теми своими одноклассниками, которых был старше на два года.

Поскольку Абзал выиграл с десятков олимпиад, то мог выбирать сразу из нескольких вузов, готовых его зачислить на бюджетное отделение. Но Нурлан предложил ему Кембридж. Однако оплатил только подготовительную ступень (одного аттестата, пусть и отличного, а также медалей было недостаточно для поступления иностранца), а стипендии на дальнейшее обучение племянник добился сам. Когда диплом магистра международного права престижнейшего вуза Великобритании был получен, Абзал вернулся в Казахстан, несмотря на то, что мог остаться или выбрать любую другую благополучную страну. Но его тянуло на родину. Поучился за границей, посмотрел, что и как, себя проверил, и хватит. Знания свои применить он может и в Казахстане.

Нурлан был рад этому решению. Он скучал по племяннику и нуждался в энергичном, хорошо образованном помощнике, которому мог бы доверять. Он предложил Абзалу поработать на себя, набраться опыта. «Уйдешь в свободное плавание, как только почувствуешь, что готов, – добавил он. – Если, конечно, захочешь...»

С тех пор прошло шесть лет. Племянник все еще оставался при Нурлане. Но не потому, что не чувствовал себя готовым к свободному плаванию... Он не мог бросить дядю. Тот болел все чаще, и львиную долю забот о бизнесе взвалил на себя Абзал, при этом все еще формально оставаясь юридическим консультантом.

...Нурлан нахлобучил тубетейку, вымыл руки и покинул уборную.

Он находился на киностудии, где будут проходить съемки ЕГО фильма. Начнутся они завтра, но сегодня Нурлан приехал для того, чтобы посмотреть декорации.

– Вы бы сказали мне, что интересуетесь, я бы вам фото и видео прислал, – сказал ему на это Чаплин. Он находился в павильоне вместе с оператором, осветителем и парой помощников.

– Я лучше своими глазами...

– Как пожелаете.

– Передо мной сейчас квартира сестер?

– Точно.

– А где пианино? – По сценарию девушки часто играли на нем.

– Позже появится. Пока оно только мешать будет.

– Но оно же должно быть в кадре.

– Завтра снимаем двадцать девятую сцену, в ней все действия происходят в спальне, – терпеливо объяснил Эд. Первое время он раздражался, когда Нурлан задавал ему дилетантские вопросы, потом привык к ним. Лучше разъяснить все старику, чтоб не переживал лишний раз.

– Инструмент уже куплен?

– По-моему, нет. А что?

– Это непременно должно быть черное фортепиано «Украина».

– Хорошо, я позвоню реквизитору, скажу, чтоб поискал... Но мы всегда можем выкрасить инструмент и сменить на нем табличку.

– Нет, это будет не то, – заволновался Нурлан. – Не звоните никому, я сам найду нужное пианино и доставлю его сюда.

– Чудной вы старик все же, – усмехнулся Эд.

– Все старики чудные.

– Это точно. Вот, к примеру, моя бабуля...

И принялся рассказывать какую-то смешную, как ему казалось, историю. Но Нурлан не слушал, он вспоминал черное пианино «Украина», на котором играли его мама и сестра, чаще по отдельности, но иногда в четыре руки. Женщины семьи Джумаевых были музыкально одарены, тогда как мужчинам на уши наступил медведь.

У Нурлана было счастливое детство. Отец работал на закрытом «космическом» предприятии, мама преподавала в школе. Старшая сестра Зара училась на «отлично» и в общеобразовательной школе, и в музыкальной. Братика оно обожала, с удовольствием нянчилась с ним. Но избегала подвижных игр. Никаких тебе догонялок, салок, войнушки. Только кубики, раскраски, угадайки. Нурлан рос непоседливым пацаном, и ему быстро надоедали настольные игры, он хотел носиться, прыгать, кидаться подушками. И когда сестра отказывалась делать это вместе с ним, обижался. Но лишь до тех пор, пока родители не объяснили ему, что у Зары больное сердце и физические нагрузки ей противопоказаны. О том, что девочка вряд ли доживет до двадцати, они от Нурлана скрыли.

Мальчику было десять, когда Зара слегла. Она к этому времени окончила школу, собиралась поступать в консерваторию. Но болезнь этому помешала. Однако она не убила Зару. Сестра была борцом. Она не желала

сдаваться смерти без боя. Только не сейчас, когда отец нашел специалиста, готового взяться за сложнейшую операцию на сердце Зары. Работал он по экспериментальной методике. Гарантий никаких не давал. Но обреченные на смерть люди хватались за последнюю соломинку, поэтому очередь к доктору была огромной. Половина больных не дожидались и умирали. Зара тоже не дотянула бы, хотя изо всех сил цеплялась за жизнь, если бы не освободилось место в очереди, а отец вовремя не среагировал.

Сестру прооперировали, и она пошла на поправку. Джумаевы ликовали.

Пройдя реабилитацию, Зара поступила-таки в консерваторию. Отучилась в ней. К тому времени и Нурлан окончил школу. Но решил отслужить в армии сначала, а уж потом определяться с профессией. Родные поддержали. Отец сам сначала отдал долг родине, а только после этого поступил в институт. Мама считала, что армия научит сына дисциплине. Сестра видела, что Нурлан разрывается между физикой и лирикой – он был одинаково хорош и в точных науках, и в гуманитарных. И парень пополнил ряды бойцов Советской армии.

Служил он в Чеченской Республике. Было трудно, но Нурлан ни разу не пожалел о том, что пошел в армию. Единственное, что омрачило все, – это то, что он не успел на похороны сестры. О том, что она скончалась, он узнал, будучи дембелем. Ему оставалась неделя до приказа, и раньше этот приказ ему никто подписывать не собирался. Нурлан едва не дезертировал, желая попасть на похороны – хорошо, товарищ не позволил. Надавал тумачков и к койке привязал, пока мозги на место не встанут. «Сестре ты уже ничем не поможешь, а себе жизнь испортишь, – рычал он в ухо Нурлану. – У родителей только ты остался. Кто поддержит их, когда тебя под трибунал отдадут?»

Нурлан вернулся домой, когда со смерти сестры прошла почти неделя. Если бы Джумаевы были христианами, он попал бы на помин девятого дня.

У Зары забарахлило, а вскоре отказало сердце. Операция лишь ненамного продлила ее жизнь. Отец суетился, пытался найти очередного чудо-доктора, но в СССР нужных специалистов не было. Сестре требовалась операция по пересадке сердца, а в те годы на это были способны единицы. В ЮАР, США и Швейцарии Заре могли помочь, но только не на родине. Тогда между Советским Союзом и Западом был железный занавес, выехать – проблема. Отца же не выпускали даже в страны социалистического лагеря. Но он обивал пороги высоких кабинетов в надежде на то, что разрешат выехать жене и дочери. На лечение последней требовались большие деньги, но он готов был занимать,

продавать нажитое...

И, как оказалось, предавать родину.

То, что старший Джумаев пошел на государственную измену, выяснилось через несколько месяцев после похорон. За мужчиной явились суровые дяденьки из КГБ и увезли в наручниках из дома. Больше жена и сын его не видели. Свидания с ним были запрещены. Разрешены только письма. Но их от папы пришло всего три, в четвертом, отправленном с привычного адреса, Джумаевым сообщили, что муж и отец расстрелян за измену Родине. Нурлан считал, что произошла чудовищная ошибка и его родителя обвинили ни за что, пока не нашел его дневник. Как оказалось, папа «слил» секретную информацию еще тогда, когда Заре нужна была первая операция. Он продал ее за приличные деньги, и они помогли выкупить место в очереди. Тогда ему все сошло с рук. Отец долго в это не верил, очень переживал и зарекся не преступать закон, но... Его любимая дочь вновь оказалась у края могилы. Что оставалось? Либо безропотно ждать ее смерти, либо действовать. В этот раз отец сыграл по-крупному. Ему требовались не только деньги (они бы не спасли Зару), он желал вывезти семью за пределы СССР. Джумаевы покинули бы Союз сразу после того, как демобилизовался Нурлан. Но Зара ушла слишком быстро. Отец не успел спасти ее, но погубил себя...

Нурлан с мамой остались вдвоем. Тогда-то и начался настоящий ад.

...Джумаев так глубоко погрузился в воспоминания, что не только прослушал историю Чаплина о бабушке, но и не заметил, как тот удалился, а к нему самому подошел племянник.

– Дядя Нурлан, у меня невероятные новости, – тронув старика за руку, проговорил Абзал.

– А? Что? – встряхнулся Джумаев.

– Я нашел девочек.

– Каких?

– Сестер, что вдохновили тебя на написание романа.

– Ты это серьезно? Но как? В газете, напечатавшей историю о них, имена были изменены, фамилия же отсутствовала вовсе.

– Зная год и место рождения, отыскать таких исключительных людей, как сямские близнецы, совсем не сложно. Девушек зовут Таня и Аня. Они живут в Москве, всего в полчаса езды отсюда. Я предлагаю смотаться к ним, чтобы познакомиться.

– Съезди один. Расскажи обо всем: романе, съемках... О моем страстном желании встретиться с ними. Если они заинтересуются, назначь встречу на завтра.

– А если нет?

– Тогда я сам к ним нагряну и покажу тебе, как нужно уговаривать людей. Абзал, ты наследник моего бизнеса. Когда я умру, ты будешь вести переговоры. Учись!

– Я могу, – проговорил Абзал. На самом деле он не очень хорошо контактировал с людьми, если только они не были женщинами, за которыми Абзал собирался приударить. С ними племянник не терялся! – Но тут другое...

– Вот именно. Тебе всего-навсего нужно уговорить двух барышень на встречу.

– Но я даже не знаю, в своем ли они уме.

– Ты мачо, Абзал. Внешне – совершенно точно. Сыграй на их инстинктах. Завлеки бицепсами. Но не забудь о красивых жестах. Явись с цветами, осыпь комплиментами, пригласи в шикарный ресторан. Я поставил перед тобой очень легкую задачу. Сложную я взял на себя.

– Какую, если не секрет?

– Нужно найти черное пианино «Украина», – ответил Нурлан и достал телефон, чтобы выйти в интернет. В отличие от многих своих ровесников, он прекрасно ориентировался в сети. Даже Абзал, ближайший родственник и помощник, не знал о том, что Нурлан Джумаев криптовалютчик. Пока молодежь разбиралась, что такое биткоин, старик их покупал. И теперь он мог похвастаться тем, что имеет их столько, что может купить не только остров... А целый архипелаг.

Только зачем?

Глава 5

Таня расчесывала вымытые и подсушенные феном волосы. При этом смотрелась в зеркало, решая – оставить их распущенными или собрать в хвост. Ей нравились сложные прически. Но без помощи Ани, а точнее, той руки, которой пользовалась она, сделать их было нереально. Даже хвост красивым не получался, если Таня действовала одной левой. Поэтому чаще всего она ходила с распущенными. Но сегодня особенный день, и хотелось выглядеть красиво.

– Ань, не поможешь мне с прической? – робко спросила Таня. Они с сестрой ругались весь вечер, и Анна с ней все утро не разговаривала.

– Давай, – милостиво согласилась та.

Конфликт произошел из-за того, что Таня не хотела ехать на киностудию, тогда как ее сестра жаждала этого. И это Аня, которую нужно было на обычную прогулку уговаривать!

– Как ты хочешь собрать волосы? – спросила она.

– В хвост.

– Давай сделаем тебе «девятый вал»?

– Нет, эта прическа обязывает к платью...

– Мы его и наденем.

– Не джинсы и свитер? – поразились Таня.

Они обычно носили штаны и свободные свитера. Все это покупалось в интернет-магазинах, обычно в разделах для мужчин. Женские джинсы у них не сходились в талии, она была широкой, а грудная клетка тем более. У девушек был низ пятидесятого размера (но дамские модели висели на бедрах и не застегивались на поясе), а верх шестидесятого, при том что они не были полными.

– Поедем в бархатном платье, – решила Аня.

Его девушки сшили последним. Они научились отлично управляться со швейной машинкой и иногда создавали наряды для особых случаев.

– Это уже слишком, – тряхнула головой Таня. – Мы не в Большой театр собираемся, а всего лишь на киностудию.

– Но именно там, на киностудии, мы будем выступать в роли звезд!

– С каких пор ты этого захотела?

– С тех, как узнала, что мы стали прототипами главных героинь будущего кинохита. Пора нам, сестренка, покидать нашу нору.

– Я уговаривала тебя сделать это много лет, – заметила Таня, – но ты...

– Ждала случая. Вот такого, какой нам сейчас подвернулся. Если уж являть себя миру, то под звук фанфар. Мы произведем фурор, поверь, я это чувствую...

– К нам сколько раз приезжали журналисты, хотели снять сюжет или написать статью, ты никого не пускала.

– Это все мышьяная возня, – отмахнулась Аня и взяла с трюмо шпильки. Она твердо решила соорудить на голове сестры высокую прическу. Сама она стриглась коротко. Снимала волосы машинкой раз в месяц. Иногда красила их то в синий, то в зеленый. Сейчас была натурально-русой. – Пусти я журналистов, мы бы привлекли к себе внимание простых обывателей. Сейчас же мы предстаем перед российской богемой. А если фильм получится, то мировая будет мечтать о знакомстве с нами. Мы можем стать музами не только для казахского писателя Джумаева и отечественного режиссера Чаплина, но вдохновить Пауло Коэльо и Джеймса Кэмерона. Мы станем гостями Опры Уинфри и снимемся для обложки какого-нибудь крутого журнала...

– И ведь считается, что из нас двоих я – фантазерка, – усмехнулась Аня.

– Таня, мы стоим на полпути к мировой славе!

– Даже если мы станем известными... И нас начнут звать на передачи и фотосессии, то это только из-за того, что мы не такие, как все. Разве это не то же самое, что выступать в цирке уродов?

– Конечно, нет, – возмутилась Аня. – Мы не жалкие комедиантки, мы – музы. А теперь давай сделаем тебе прическу, облачимся в наше бархатное платье и выйдем в свет!

...За сестрами Сомовыми приехал лимузин. Как оказалось, на этом настояла Аня. Весь двор сбежался посмотреть, кто в него сядет. Дверку перед девушками открыл шофер в фуражке. Они забрались в салон, придержав подол длинного платья.

– Доброе утро, барышни, – поздоровался с ними Абзал. – Вы просто прекрасны.

– Солидарен с тобой, – подал голос старик в тюбетейке, сидящий рядом. – Здравствуйте, я Нурлан Джумаев. А вы... Нет, не подсказывайте, я сам угадаю... Таня, – он указал на одну из сестер, – и Аня. – Палец ткнулся во вторую.

– Угадали, – улыбнулась первая.

– Нетрудно было после того, как нас описал его племянник, – проворчала Аня.

– Характеры, но не внешность, – уточнил Абзал. Затем потянулся к

мини-бару и спросил: – Не желаете шампанского?

– Сейчас девять утра, какое шампанское? – продолжила бухтеть Аня.

– Во многих европейских странах его подают на завтрак, – по привычке сгладила Таня. – Но мы не будем, спасибо.

– Я бы на вашем месте не отказывался, – улыбнулся Абзал. – Шампанское отличное, и мы его только пригубим.

– Все мы?

– Конечно. Событие ведь для всех знаменательное.

– Хорошо, открывайте.

Пока Абзал возился с бутылкой, Таня украдкой наблюдала за Нурланом. Человеком, что написал книгу о них с сестрой. Не биографию, конечно. Биография не заинтересовала бы никого, особенно киношников. Но он придумал им характеры, жизни... Он вдохновился ими. Аня права, они стали его музами. Не исследовательским материалом, как для докторов, а вдохновительницами.

– Я прочла вашу повесть, – сказала она, когда старик поймал ее взгляд. – Нашла в интернете.

– И как она вам? – живо поинтересовался старик.

– Неплоха. Но мне бы хотелось прочитать роман.

– Обещаю, вы будете первыми, кому я вручу его.

– И когда это случится?

– После выхода фильма.

– Дядя держит интригу, – заметил Абзал, подав Тане фужер. – Никому не показывает роман, даже режиссер его не читал.

– Кстати, я смотрела его дебютный фильм. Мне он понравился. Чаплин – талантливый парень, – оживилась Аня. Она любила кино. Могла весь день просидеть за компьютером, прогоняя фильм за фильмом. Таня же больше читала. Но книги не глотала, а смаковала.

– Тогда выпьем за то, чтобы этот талантливый парень снял настоящий шедевр! – предложил тост Абзал.

Все поддержали и, чокнувшись фужерами, пригубили шампанское.

Пузыри защекотали нос, и Таня чихнула.

– Будьте здоровы, – услышала она от старика.

– Она не больна, просто так на шампанское реагирует, – пояснила Аня.

– А вы нет?

– Я любой алкоголь хорошо переношу. Но люблю виски. А у сестры от него голова болит.

– То есть пьете вы, а голова болит у нее?

– Точно. – Аня сделала глоток и игриво спросила у Абзала: – Вы,

надеюсь, останетесь с нами на съемочной площадке?

– Конечно.

– До самого конца?

– Вообще-то мы с дядей хотели пригласить вас на обед. Уже и столик во французском ресторане заказан.

– Чур, вы мой кавалер.

– Почту за честь, – улынулся Абзал.

Он был прекрасно воспитан, интеллигентен, умен, обладал безупречным вкусом в одежде. Эдакий английский денди, но с внешностью, которую трудно назвать аристократической. Абзал был высок, широк в кости, мускулист и волосат. Лицо его с грубыми чертами покрывали оспины, частично спрятанные под бородой. Те азиаты, которых Татьяна видела раньше, были изящными, гладкими, с тонкими щиколотками и красивыми кистями. Руки же Абзала походили на обезьяньи лапы – большие, покрытые шерстью. Именно они заворожили Аню. Она не скрывала от сестры своей страсти к мужчинам с грубыми волосатыми руками. Именно такие казались ей настоящими самцами.

– Танечка, а какое впечатление произвел на вас Адам, главный мужской персонаж моей повести? – обратился к ней Нурлан.

– Неоднозначное.

– Поясните?

– Вы создали очень убедительный образ, я живо представляла этого парня, но... Я ему не сочувствовала. Он нарушил гармонию сестринских отношений и сделал это намеренно. Он не любил ни ту, ни другую, он упивался властью над ними. Поэтому, когда одна из девушек его отравила, я подумала – и правильно сделала.

– Вы поступили бы так же?

– Нет. Я ни за что не причинила бы вреда живому существу.

– А вы, Анна?

– Если вам интересно, способна ли я на убийство, то скажу так – скорее да, чем нет. Мысленно я казнила не один десяток человек. И физическую силу к некоторым применяла, когда мы с сестрой обитали в Центре педиатрии. Но никто во мне не рождал такой ненависти, чтобы я решила замарать руки. Даже доктор Голдблум, который ставил над нами эксперименты. Я не читала вашу повесть, но ознакомилась со сценарием Чаплина, и смею вас уверить, такое ничтожество, как главный герой, не может вызвать ни горячей любви, ни холодной ненависти...

– Я не согласна, – встряла Таня. – Герой подлец. В таких сначала влюбляются, потом начинают их ненавидеть.

– Он закомплексованный засранец, – подхватила Аня. – Девки – дуры, что в него втрескались.

– Видите, как по-разному вы воспринимаете героя, – заметил Нурлан. – Это говорит о том, что он получился живым и неоднозначным. Я к этому и стремился.

– А вы сами как к нему относитесь? – полюбопытствовала Таня.

– Узнаете, когда прочтете роман. Адам в нем главный герой.

– А вы умеете подогреть интерес к своему произведению, – с уважением протянула Аня и залпом выпила шампанское. Она не была пьяницей, но на грудь принимала довольно часто и не всегда могла вовремя остановиться. Головную боль после виски Таня выдумала, чтобы сестра не увлекалась. Но сегодня, как она поняла, Аню ничто не остановит.

Тут в кармане Нурлана зазвонил телефон. Старик достал его и, вытянув руку, глянул на экран.

– Это Эдуард Чаплин, – сообщил он, перед тем как ответить.

Говорил он недолго, меньше минуты. Таня поняла, что режиссер спрашивает, как скоро они приедут.

Так оно и было.

– Без нас не начинают съемку, – сообщил Нурлан. – А точнее, без вас, девочки.

– Долго еще ехать? – спросила Таня, которая сразу занервничала.

– Нет, мы рядом.

– А нам достанется по кусочку тарелочки? – встрепелась Аня. Она выпила свое шампанское и протянула опустевший фужер Абзалу, желая, чтоб он его наполнил. – Я знаю, что ее разбивают перед началом съемок и раздают осколки членам съемочной группы.

– Вы обязательно их получите.

Аня радостно взвизгнула. А Татьяна стала еще мрачнее. Считалось, что посуда бьется к счастью, но она ее пугала. Нет ничего хорошего в осколках... Они острые... Они ранят.

Нет, посуда не бьется к счастью.

Глава 6

Женя сидел на катушке с проводами. На коленях его лежал блокнот, в руке был зажат карандаш. Он записывал свои стихи именно им. Ему нравилось тепло дерева. А еще грызть карандаш приятнее, чем ручку.

Сунув кончик в рот, Женя задумался. Та рифма, что шла, ему не нравилась. Но стихотворение должно быть дописано сейчас, пока не началась работа. Потом у Бородина не будет свободного времени, чтобы его закончить, а блокнот отдавать Кукусе этим вечером. Школьный приятель ознакомился с теми стихами, что поместились в предыдущем, они понравились ему, но он хотел, чтоб Женя написал еще хотя бы несколько.

– Завтра у меня встреча с моим издателем, – сообщил он, позвонив вчера. – Мы в десять встречаемся в «Мертвых поэтах». Думаю показать ему твои произведения, но того, что есть, мало.

– У меня больше сотни опубликованных в интернете стихов, – напомнил Бородин. – Можно их распечатать.

– Издатели, а точнее, люди, что работают на них, редакторы, агенты, просматривают сайты. И если твои работы не приглянулись... Ты, можно сказать, в папке «игнорируемые». Я же представляю тебя как начинающего автора, порекомендую, нахваляю.

– Но если издателю понравятся мои стихи, он узнает, что я тот самый Евгений Бородин, что уже десять лет публикует свои стихи на всевозможных сайтах...

– Ты можешь взять псевдоним. Женя Борода, например. Хотя это не твой случай, ты же лирик. Короче, об этом подумаем потом, когда все, ну, если все срастется. Сейчас от тебя требуются еще стихи, много стихов. Чтоб на сборник хватило материала.

– Но я только начал новый блокнот.

– Женек, у тебя вся ночь впереди, да еще день. Наваешься...

И Бородин «ваял» всю ночь, зная, что день будет занят. Но многое ему не нравилось. Он не привык работать в спешке, только когда посещало вдохновение.

Женя вгрызся в карандаш, как будто это могло помочь. Он почти не спал, утром не ел, так как опаздывал, злился на себя... Поэту требовалось чудо.

И оно свершилось!

Бросив рассеянный взгляд туда, откуда вдруг раздались громкие

голоса, Женя увидел... Татьяну! Она стояла боком, но он узнал ее. Одета девушка была торжественно, будто собралась на прием, и волосы уложила в высокую прическу. Она была не одна. Плечом к плечу с ней стояла еще одна дама. Таня говорила, что у нее есть сестра, наверное, это была она. Барышень сопровождали писатель Джумаев и его племянник. А к ним навстречу спешил режиссер Чаплин и исполнители главных ролей.

Женя подивился тому, как тесен мир. Москва – огромна, а он уже второй раз за сутки встречает Таню. И если вчера он приложил к этому усилия, то сегодня... Да он думать забыл о странной девушке, которая сделала вид, что не знает его, задернув занавеску. И не ответила на Женины сообщения, хоть и прочла их. Бородин оскорбился. И расстраивался бы, не погрузись он в написание новых стихов. Поэзия спасала Евгения от многих переживаний. Но сегодня именно она переживания ему и доставляла. Каллиопа, муза поэзии, покинула Бородина, как будто освободив место для Татьяны, которая вдохновляла не меньше...

Едва он увидел ее, как родились нужные рифмы. Женя торопливо записал их. Перечитал стих. Понял, что он может звучать и лучше. Вырвав лист, переписал.

Когда Женя закончил и поднял глаза, Тани на прежнем месте он не увидел. Впрочем, как и всех остальных – компания переместилась ближе к съемочной площадке.

«Интересно, откуда Таня знает Нурлана? – подумал Женя. – Познакомилась с ним, где и со мной, на литературном сайте? Но почему с ним встретилась, а со мной нет?»

Ответ пришел тут же: «Он печатается, по его повести снимают фильм, а кто ты?»

Обида вернулась. Но поэт не позволил ей завладеть собой. Благодаря Татьяне Евгений дописал стих, и он, похоже, станет лучшим в сборнике. Сунув карандаш за ухо, а блокнот в нагрудный карман рубашки, Бородин встал и направился туда, где сконцентрировались люди. Сначала он увидел Абзала, что естественно, поскольку этот человек-гора сразу привлекал к себе внимание, потом Чаплина, потому что он стоял у треноги камеры с тарелкой в руке. С ним рядом исполнители главных ролей: Марат и Иван. Оба в образе. Первый загримирован под женщину, второй растрепан и одет в какие-то нелепые шмотки – по сценарию Адам, чью роль исполнял Охлопков, чудик. И, между прочим, поэт. Для Чаплина, по всей видимости, это было примерно одно и то же.

Женя продолжал вглядываться в толпу, когда раздался звон. Это разбилась тарелка с названием фильма, именами режиссера, продюсера,

ведущих актеров. Не все, но многие тут же бросились собирать осколки. Тут-то Женя и увидел сиамских близнецов. Сначала он подумал, что это дублер Марата. Для него изготовили специальный костюм с дополнительной головой, чтобы снимать дальние планы, и пошили женские наряды нестандартного размера и фасона – художник по костюмам дал волю своей фантазии. Но близнецы были в классическом бархатном платье синего цвета, точно таком, какое он видел на Тане. И у одной из голов была прическа «девятый вал».

Женя переместился. Занял позицию, с которой смог рассмотреть профиль той, которая, как говорила мама, возвела на башке Вавилон...

Это была Татьяна!

Совершенно определенно она.

И все сразу встало на свои места. Женя понял, почему Таня отказывалась от встречи... И пряталась от него, и не отвечала на сообщения. Не муж был всему причиной. Сестра, с которой Таня делила тело.

...Бородин так пристально смотрел на девушку, что она почувствовала это и повернула голову в его сторону. Попадаться на глаза не хотелось, и Женя спрятался за спинами других. Он был мал ростом, так что это не составило труда.

Таня через несколько секунд отвернулась.

Но этих секунд было достаточно для того, чтобы Евгений влюбился!

Впервые в жизни.

И, как ему казалось, навсегда.

Глава 7

Эд не верил своим глазам!

Перед ним настоящие сиамские близнецы. Не киношные, на таких он насмотрелся, когда готовился к работе. Фильмов о сросшихся братьях и сестрах было снято не так уж и много. Чаплин видел все – и художественные, и документальные. Но одно дело наблюдать за сиамскими близнецами, сидя у телевизора или компьютера, другое – в жизни.

– Какие же вы потрясающие! – в десятый, пожалуй, раз выдохнул Эд, подойдя между дублями к Ане и Тане. Они с интересом наблюдали за кинопроизводством с дивана, что принесли специально для них. – Не могу на вас насмотреться, девочки.

– Поэтому вы два часа бьетесь над одним эпизодом? – усмехнулась Аня, оторвав губы от фужера с шампанским. Она пила все время, и ей принесли уже вторую бутылку.

– Марату сложно, он играет сразу две роли. А до того как вы появились тут, я ставил перед ним другую актерскую задачу, нежели сейчас. Сестры представлялись мне антиподами, соперницами, и я ждал нерва, скрытого раздражения... Но вы не такие.

– Мы абсолютно разные, – заявила Аня, – считай, антиподы, и очень часто друг друга раздражаем. А соперничать из-за мужчины нам не приходится потому, что нам разные нравятся. Так что мы именно такие, какими вам казались раньше.

– Не буду спорить с вами хотя бы потому, что надеюсь на ваши частые визиты к нам, на киностудию. Обещаю обеспечить вам не только транспорт – не лимузин, конечно, обычную машину, – но и питание, и небольшой гонорар. Проведем вас по ведомости как консультантов.

– Мы – за! – обрадовались Аня и Таня.

– Отлично, – обрадовался и Чаплин. – А сейчас прошу меня извинить, нужно вернуться в режиссерское кресло.

Работа возобновилась. Эпизод наконец отсняли. Эд был доволен, но настроение ему испортил продюсер Панфилов.

– Ты отстаешь от графика, – хмуро проговорил он, встав за спиной режиссера.

У Панфилова была кличка Пан Фи. Вроде и с фамилией созвучна, но и отражает суть. Продюсер был донельзя высокомерен с теми, кто от него зависел, и обожал выражать свое «фи». Эд ни за что не стал бы с ним

сотрудничать, если бы не был уверен в нем как в профессионале. Панфилов спродюсировал три самых успешных фильма последней пятилетки. И даже на провале одной из своих картин он умудрился заработать, продав ее Северной Корее как агитационную. Пан Фи никогда не рисковал собственными деньгами, всегда находил инвесторов, но неизменно трясся над каждой копеечкой. Продюсер считал, что давать волю режиссерам нельзя. Иначе они увлекутся, растратят средства, выделенные на производство картины, да еще в долги влезут, но наснимают тягомотину, которую придется резать, чтобы получилось нечто более-менее удобоваримое.

– Почему ты на один эпизод потратил полдня? – не отставал от Эда Пан Фи.

– Так получилось, – бросил через плечо Чаплин. Он включил прогон отснятого и впился глазами в экран. – Наверстаем, не волнуйся.

– Если мы хотим снять коммерчески выгодное кино, то должны работать на износ. Каждую копейку нужно отбить, а еще и приумножить. Чем меньше потратим, тем больше заработаем. Я позволил тебе отложить съемки до тех пор, пока ты найдешь подходящего кандидата на главную роль, но сейчас, когда производство запущено, я не намерен спуску тебе давать.

– Я понял, – буркнул Эд. Он заметил погрешность в съемке и подумал о том, что не мешало бы переснять один эпизод.

– Ничего ты не понял, – взвился Пан Фи. – У тебя нет опыта. Ты снял один независимый фильм и два телевизионных. Ты, считай, сначала почту разносил в огромном офисе. Но делал это великолепно, тебя заметили и перевели в отдел продаж. В качестве менеджера ты зарекомендовал себя с лучшей стороны, и тебе решили доверить по-настоящему ответственное дело. Но одному с ним не справиться, поэтому к тебе приставили наставника. Угадай, кто он?

Чаплин развернулся и посмотрел в глаза Панфилова. Они оказались болотными. И не только по цвету. У самого Эда были каре-зеленые глаза, живые, яркие, а те, в которые он заглядывал сейчас, походили на стоячую болотную воду.

Чаплин мысленно передернулся, представив, как его самого затягивает в топь.

– Аксакал полностью мне доверяет, – проговорил Эд, имея в виду Нурлана. Они так называли его за глаза – Аксакалом. – Мне – не тебе. Так что отвали.

– Почтальон ты, Эдик, – вздохнул продюсер. – Даже не менеджер.

– Я не очень хорошо в аллегориях разбираюсь.

– Так и не научился широко мыслить. Аксакал полностью финансирует проект, это да. Он выделил определенную сумму. До этого дня мы теряли деньги, но по мелочи. А сегодня мы запустили фильм, считай, воронку, засасывающую бабло. В нее можно спустить миллионы. Но я не дам это сделать. Потому что финансы всегда, запомни, почтальон, всегда ограничены. Нет такой бездонной бочки, из которой можно черпать. Даже Аксакал рано или поздно скажет – все, не дам больше ни копейки.

Чаплин мысленно нарисовал на физиономии Панфилова усы с закрученными кончиками, круглые очки и брови «домиком». Он всегда раскрашивал людей, которые его раздражали.

– Пойду поработаю, – сказал он продюсеру. – А то пока говорили, пара тысяч улетела.

– Топай, топай. А то обед скоро. Считай, опять перерыв в съемке.

– Нас, крепостных, даже кормить будут?

– Причем шикарно. Мы наняли классного повара.

– Балуеть ты нас, царь, – нараспев проговорил Эд и отвесил шуточный поклон продюсеру. После чего вернулся к работе. Как бы Пан Фи ни бесил, а в главном он прав. Если режиссера не загонять в рамки, он при наличии средств такого наснимает, что сам же устанет, монтируя, резать лишнее...

Часть вторая

Глава 1

В отделе его все называли Тарантино.

И это не потому, что Костик Марченко любил кино. Просто у него была такая же выдающаяся челюсть, как у знаменитого режиссера. Да и в остальном был он на него похож – высоким лбом, темными волнистыми волосами, длинным носом. Коллеги, что дали Косте кличку, не были хорошо знакомы с фильмами Квентина. Смотрели разве что «Криминальное чтиво» и «Убить Билла», правда, «От заката до рассвета» обожал весь отдел. Это кино знали наизусть все, от начальника отдела до стажера – ведь Квентин Тарантино сам играл в нем. И для Костика все было бы ничего, да только персонаж этот был отвратительным как в самом начале, так и в середине. До конца он не дожил, поскольку превратился в вампира, и его убил собственный брат в исполнении Джорджа Клуни.

Костик всякий раз, когда его называли Тарантино, мысленно вздыхал. Ему бы хотелось быть похожим на Клуни. А с другой стороны, кому бы не хотелось? Такая внешность, как у Джорджа, и женщинам нравится, и мужчин не раздражает. Но Костик, как говорится, рожей не вышел. От чего не страдал лишь потому, что долго над собой работал.

В детстве он был настоящим уродцем. Огромная голова с крупными чертами лица и маленькое, худенькое тельце. Щелкунчик, так его звали в школе. Так что Тарантино – это не просто хорошо – прекрасно. Костик не рос до восьмого класса. А вот его зубы – да. Они были просто-таки лошадиными. Пару пришлось удалить, чтобы остальные встали ровно. Многого натерпелся Костик в то время. Но насмешки его не сломили, и паренек был вознагражден за стойкость. В период полового созревания он вымахал, раздался в плечах. У него росла настоящая борода, а не жалкий пушок, как у одноклассников. А еще зубы, пусть и крупные, не поддавались кариесу. Он не дрожал, а смело улыбался перед плановым осмотром у стоматолога.

В старших классах Костик стал нравиться девушкам. И парни его уважали за кадыкастую шею, покрытую черной щетиной – он брился через день. Но Марченко видел себя Щелкунчиком, башкастым, зубастым... Игрушечным – он стоял на физкультуре предпоследним, за ним только девочка Оля, у которой мама была карлицей.

После школы Костя поступил в университет, благополучно его окончил, потом отслужил в армии и устроился на работу в полицию.

Выбрал для себя ГИБДД. Но, несмотря на то что в форме, а главное, в фуражке, он смотрелся невероятно привлекательно и нравился даже самому себе, перевелся в уголовный розыск. Там меньше платили, больше нагружали и не обещали повышения в ближайшие годы, но Костя Марченко совершенно искренне желал бороться с преступностью. Причем, когда сказал об этом родственникам и друзьям, услышал в ответ смешки. А от двоюродного брата – следующую фразу: «Что, понял, как фигово сейчас гаишникам живется? На лапу не возьмешь, кругом камеры и регистраторы, а за зарплату кому охота горбатиться?» Костя не стал с ним спорить. Какой смысл? Брат, работающий продавцом сотовых телефонов, все равно останется при своем мнении: в органах служат одни взяточники, и в уголовке на лапу дают больше и чаще.

Косте, естественно, предлагали взятки. Как и его коллегам. Но в их бригаде не брал никто. Все были «честными ментами». Примером для всех был старший оперуполномоченный Седых (Седой), человек кристальной честности, невероятного трудолюбия, огромного сыскного таланта. За это его безмерно уважали и... прощали остальное. Седых был грубым, вспыльчивым, драчливым мужиком. Даже Костя, который считался его любимчиком, получал от старшего опера лещей. Но надо сказать, что «прилетало» от него не только подчиненным. Как-то Седых прокурору пинка отвесил. Причем прилюдно. Тот оскорбился и накатал на Седых жалобу. Любого другого уволили бы после подобной выходки, но терять опытного следака начальство не хотело, поэтому он отделался выговором.

Седых ушел на пенсию в позапрошлом месяце. Он готов был сделать это еще три года назад, но не видел того, кто сможет его заменить. Костя Марченко нравился ему больше остальных, но тот был еще зеленым. Не по возрасту – опыту. И когда Тарантино дозрел, Седой отправился на покой. Провожали его всем управлением. Пили столько, что уборщицы наутро бутылки мешками вытаскивали. Естественно, не обошлось без драки, зачинщиком которой стал новоявленный пенсионер. Костя драчуном не был, скорее миротворцем, но и ему досталось, поэтому после проводов неделю ходил с фингалом под глазом.

Тарантино повысили по званию и по должности, он стал майором и старшим оперуполномоченным, поэтому именно он больше остальных переживал за то, что работать приходилось не в полном составе. Одному из бригады, Коле Синееву по кличке Лаврушка (он постоянно таскал ее с собой, чтобы после пары кружек пива, пропущенных после тяжелого трудового дня, отбить запах и избежать нагоняя от жены), пришла пора

уйти в отпуск, но некому было передать его дела. Им обещали прислать человека еще на прошлой неделе, да не стажера, а опытного следователя, переведенного с другого участка, но шли дни, а ситуация не менялась. Лаврушка не роптал, но ходил с таким страдальческим видом, что Костя чувствовал себя виноватым. Он знал, что Колькина супруга каждый день выносит ему мозг. Она была совершенно невозможной женщиной с дурным характером, которым пошла в отца. Лаврушка умудрился жениться на дочери Седого.

* * *

Сегодняшнее утро началось с двух новостей – плохой и хорошей.

– С какой начать? – спросил Лаврушка, встретивший Костика в кабинете. Он дежурил этой ночью, поэтому был изрядно помят, но непривычно весел.

– Давай с плохой.

– У нас новое дело. Охранник склада на киностудии обнаружил в одной из хранимых в нем декораций тело мужчины. Личность пока не установлена. Но причина смерти ясна – отравление. Как считает судмедэксперт, насильственное. Заключение будет готово через час-полтора.

– Быстро, – удивился Костя, подойдя к чайнику, чтобы сделать себе кофе. – Это хорошая новость, да?

– Нет, то всего лишь приятная мелочь. Криминалиста заинтересовал случай, вот он и отправился не домой, а в прозекторскую, чтобы покойника поскорее вскрыть.

– И чем же этот случай так интересен?

– Фотографии с места преступления на твоём столе, глянь.

Костик с большой кружкой бурды, которую они в отделе гордо именовали «кофе», прошел к своему рабочему месту и открыл папку с делом.

– Ой, елки! – не сдержал испуганного возгласа Костик. Он видел много покойников, но этот был самым страшным из них. Лицо перекошено, глаза вылезли из орбит, рот оскален. – Теперь я представляю, как нужно рисовать грешников, которых в аду черти жарят на раскаленной сковороде.

– В каком-то ужастике, не помню названия, жертвы были примерно с такими лицами. Их там что-то потустороннее убивало.

– Но нашего убил яд?

– Да. Смерть была долгой и мучительной. Яд вызвал паралич. Мужчина не мог двигаться и говорить. Его раздирала адская боль до тех пор, пока отек гортани не привел к смерти.

– Какой кошмар...

– Ни один из известных нашему криминалисту ядов так не действует.

– Так, ладно, хватит с меня твоей плохой новости, – передернулся Тарантино. – Выкладывай хорошую.

– Нам прислали человека, – чуть ли не пропел Лаврушка.

– Неужели? А я думаю, чего ты такой довольный.

– Со следующей недели я уйду в отпуск! Полечу в Египет скатов и мурен гонять среди кораллов. Пиво пить с утра до вечера. На верблюдах кататься...

– Закрыт он.

– Чего?

– Не продают путевки в Египет, вот уже года два как.

– Это я, выходит, столько в отпуске не был? Года два как? Потому что я собирался в Египет, когда он был открыт... – Лаврушка поник. – И куда же мне теперь лететь?

– Земной шар большой, курортов море, выберешь. – А про себя подумал: «Точнее, выберет твоя супруга, а ты полетишь туда, куда она скажет!» – И давай вернемся к человеку, которого нам прислали. Что он собой представляет?

– Я не знаю. Шеф звонил, сказал, ждите. Вот я тут и сижу, чтобы посмотреть на нового коллегу, и это вместо того, чтобы домой ехать. А там меня ждет любимая.

– Ты никогда так жену не называл.

– А я и не о ней, благоверная на работе, а о «Балтике». У меня полторашечка нефильтрованного припрятана. Пока душ принимаю, пиво охладится, я выпью его с пряной килечкой и поджаренными на «вонючем» растительном масле гренками из бородинского хлеба...

Он с таким смаком это говорил, что Костя сглотнул слюну. Захотелось если не пива, на службе нельзя, то килечки. Стал прикидывать, в каком из ближайших магазинов может быть самая хорошая, как дверь распахнулась и в кабинет вошли двое мужчин. Одному за пятьдесят, второму в районе тридцати. Первый упитанный, лысый, второй поджарый, с копной темных волос, щедро посеребренных на висках сединой.

Начальник отдела полковник Каюмов и... «человечек».

– Доброе утро, ребята, – поприветствовал оперов Каюмов. – А где все?

– Рано еще, Андрей Рустамович, – ответил Костик. – Или поздно уже,

как в случае с теми, кто ночью дежурил. Один Синеев остался, потому что в отпуск очень хочет, вы уж подпишите ему заявление.

– Без тебя разберусь, Марченко. А теперь знакомьтесь со своим новым коллегой. Аркадий Устинов. Тоже майор, как и ты, Костя. Восемь лет отслужил в уголовном розыске города-героя Волгограда, сейчас в Москву переехал...

– Здорово! – Лаврушка подошел к Аркадию и крепко пожал ему руку. – Добро пожаловать.

– Спасибо, – улыбнулся Устинов. – Надеюсь, сработаемся.

– Даже не сомневайся, – ободрил его Каюмов. – Ребята у меня золотые. Настоящая элита.

– А ты преемник Седого? – спросил новичок у Костика, который тоже пожал ему руку.

– Слышал про него?

– Он легенда.

– Да уж, – хохотнул Лаврушка. – Пинка прокурору прилюдно больше никто дать не осмелился.

– А ну цыц, – посуровел полковник.

– Молчу-молчу, – замахал руками Лаврушка, – я отпуск хочу.

– Смотри у меня, – и полковник Каюмов погрозил пальцем. – Вы все покажите, расскажите новому, не побоюсь этого слова, боевому товарищу, а я пойду.

– И я, – встрепенулся Лаврушка. – Меня же дома любимая женщина ждет.

– Супруге большой привет.

– Передам. – И Лаврушка подмигнул Костику. – Тестю тоже. Звонил вчера, справлялся о вас.

– Брось врать, – фыркнул Каюмов. – Мы с ним в выходные на рыбалку ездили...

За разговором они покинули кабинет. Костик с Аркадием остались вдвоем.

– Я так понимаю, мой стол этот? – спросил «человечек», указав на единственный худо-бедно расчищенный от завалов стол.

– Да, располагайся.

– Слышал, новое дело у нас.

Тарантино понравилось, что новенький сказал «у нас», а не «у вас». Уже считает себя членом команды.

– Да, труп на киностудии. Я сам еще не ознакомился с имеющимися материалами, только фотографии посмотрел.

– Могу и я?
– Конечно. Держи, – и Костик протянул Устинову стопку снимков.
Аркадий удивил. Глянув на первый, он даже не моргнул. Рассмотрел его молча и со спокойным лицом. Так же, как и остальные.
– Что скажешь? – поинтересовался Костик.
– Ужасная смерть. Врагу такой не пожелаешь. Это яд?
– Наш криминалист так считает, – кивнул Костик. – И в ближайший час предоставит результаты вскрытия.
– Дождемся и поедем на киностудию?
– Да, но сначала сделаем несколько звонков. Прозондируем почву, так сказать.

Они склонились над делом, когда в кабинет ввалились Ерш и Карась. Или же Ершов и Карский. Эти двое были закадычными друзьями, и, невзирая на то что первый был лысоватым брюнетом среднего роста, а второй высоченным блондином, все принимали их за родственников. Что-то неуловимое делало их похожими.

– Привет, ребята, – поздоровался с коллегами Марченко. – Хочу вам представить...

– Своего брата, – хохотнул Ерш.
– Сета, – подхватил Карась, хлопнув товарища по плечу.
– О чем это они? – спросил у Марченко Аркадий.
– Сам не пойму.
– Да брось, – еще пуще развеселился Ершов. – Вы же как Тарантино с Клуни в фильме «От заката до рассвета».
– Один в один, – закивал головой Карский. – Или пара в пару?
– Аркадий Устинов, – представился волгоградский майор и пожал зубоскалам руки, – ваш новый коллега.
– А мы думали, чего нам так долго человечка не присылают, теперь понятно, – сказал Ерш и подмигнул Карасю.
– Да, Тарантино в пару Клуни подбирали, – ответил ему тот.
– У нас новое дело, – рявкнул Марченко. – Ознакомьтесь. А мы поехали с Аркадием на место преступления.
– Ты же хотел сделать сначала несколько звонков, – заметил Устинов.
– В машине это сделаю, – ответил Костик. – А то двое из ларца от тебя не отстанут.
– Вы братья? – спросил у Ерша и Карася новичок.
– Да, по разуму, – ответил за них Тарантино и, прихватив сумку и ветровку, зашагал к двери.

Глава 2

Чаплин был не в настроении.

Почему, не мог понять. Работа всегда его радовала. Даже если что-то не получалось так, как хотелось, Эду хватало творческого порыва для того, чтобы сохранять положительный настрой. Он был уверен в себе, поскольку знал, что сможет все исправить и добиться идеального результата. С «Сиамскими» была та же история. После знакомства с Таней и Аней Чаплин понял, что сценарий никуда не годится, но готов был менять сюжет по ходу съемок. Эд даже нового персонажа решил ввести, эпизодического, но яркого, и поручить исполнять роль непрофессионалу. Имелся у них в группе парень с таким заразительным смехом, что, когда он начинал хохотать, к нему присоединялись все. Это был помощник оператора Макс. Именно его Эд намеревался попробовать на роль. Даже не самого Макса, а его смех. Персонаж трижды появится в кадре и будет хохотать, причем два раза над комедией, один – над драмой.

Идея эта пришла Эду по дороге на студию. Она понравилась ему, но... Настроение все равно не улучшилось. Если бы Чаплин верил в дурные предчувствия, то решил бы, что это они не дают ему покоя.

Прибыв на студию, Эд распорядился принести себе двойной эспрессо и найти Макса. Пока ассистент выполнял поручение, Чаплин сидел в своем кресле и просматривал отснятый вчера материал. Он вполне устраивал Эда, но и это не прибавляло настроения. Пожалуй, оно еще больше ухудшилось. Эд начал раздражаться, ему захотелось курить, но он бросил три месяца назад и не собирался срывать. Зависимость от никотина он преодолевал мучительно, ему не помогали ни жвачки, ни пластыри. Немного облегчали страдания леденцы, и Эд сосал их постоянно. В итоге поправился на шесть кило, чему не обрадовался. Кого-то лишний вес не портит, особенно если его немного, но у Чаплина наливались щеки, превращая лицо в луну, и небольшие голубые глаза становились еще меньше. Тот, кто хорошо не знал Эда, начинал предполагать, что он попивает. Но Чаплин не употреблял. Считал, что алкоголь мешает творчеству, и позволял себе лишь символический фужер шампанского.

– Твой кофе, – услышал Эд у себя за спиной и протянул руку, чтобы ассистент вложил в нее стакан. – А Макс в пробке застрял, запаздывает.

– Как приедет, скажи, чтоб пулей ко мне.

– Хорошо. Что-то еще?

– Артисты на месте?

– Гримируются.

– Отнеси им новый вариант сценария сегодняшних эпизодов, пусть переучат текст. Там немного изменений, так что справятся быстро.

Ассистент кивнул и, сунув под мышку бумаги, унесся. Эд принялся за кофе. Не успел сделать и двух глотков, как его окликнули:

– Господин Чаплин.

Эд обернулся и увидел двух незнакомцев. Один из них был объективно привлекателен, второй субъективно. Как Клуни и Тарантино. Именно на этих двух голливудских VIP-персон мужчины и походили. Но Эду с первого взгляда было ясно, что никакого отношения к кинематографу незнакомцы не имеют.

– Майор Марченко, уголовный розыск, – отрекомендовался «Тарантино», сверкнув документом. – Это мой коллега Аркадий Устинов. Тоже майор. Мы можем с вами побеседовать?

– Если только недолго...

– Не беспокойтесь, много времени у вас мы не отнимем, – заверил его «Клуни».

Эд встал с кресла и подошел к полицейским с вопросом:

– Что-то случилось?

– Убийство, – лаконично ответил Марченко.

– Где?

– У вас тут.

– На киностудии?

– Точнее, в этом павильоне. – Он достал из кожаной папки несколько снимков. Первый протянул Эду. На нем был изображен двухстворчатый шкаф. – Это часть ваших декораций?

– Да, – кивнул головой Чаплин и сделал еще один глоток кофе. Он показался противным, хотя до этого Эд пил его с наслаждением.

– Где стоял шкаф и почему его убрали?

Чаплин пригласил полицейских следовать за ним и провел их к декорациям.

– Стоял тут, – указал место Эд. – Но после первого дубля его перенесли.

– Почему? – живо поинтересовался Устинов.

– Из-за него картинка получалась не такой, как мне хотелось. Он перегружал ее. И шкаф убрали. Он постоял в павильоне еще какое-то время, а потом его на склад увезли. – Чаплин посмотрел сначала на «Тарантино», затем на «Клуни», вновь отметил киногеничность их лиц и

спросил: – А что, этим шкафом кого-то придавило?

– Нет, в нем был обнаружен труп, – ответил Марченко и протянул Эду еще одну фотографию. – Узнаете этого человека?

Глянув на снимок, Чаплин едва не вскрикнул. Лицо покойника оказалось просто жутким. Сдержав возглас ужаса, он попытался увидеть в искаженных чертах что-то знакомое... Не получилось.

– Мне этот парень незнаком, – проговорил он сдавленно и поспешно вернул снимок оперу. – А что с ним случилось?

– Его отравили.

Старательно держа себя в руках, Эд задумался, а затем проговорил:

– Шкаф унесли после обеда. Где-то в два-три часа дня, я точно не помню. Может, убийство произошло уже на складе?

– Нет, тут. Время смерти установлено, и скончался несчастный как раз в два-три часа дня. Но до этого не менее двадцати минут мучился. А шкаф, судя по записям в журнале кладовщика, попал на склад в шестнадцать часов.

– То есть шкаф уносили с трупом внутри?

– Похоже на то.

– Как же труп не вывалился?

– Дверки на задвижке. Она была закрыта.

– Но если смерть наступила не сразу, почему отравленный не кричал? Не колотил в дверь?

– Яд обездвижил его и лишил голоса, – объяснил майор Марченко. – Человек умирал в адских муках и ничем не мог себе помочь.

Вспомнив гримасу на лице покойного, Эд передернулся и сдавленно проговорил:

– Каким зверем нужно быть, чтобы обречь человека на такую страшную смерть.

– Этот зверь среди вас.

– Нам нужен список тех членов съемочной группы, что вчера были задействованы в процессе, – подключился Клуни-Устинов.

– Это не ко мне, а к моему помощнику, – с этими словами Эд поспешно указал в дальний угол павильона. – Вон он, в бейсболке.

– Позовите его, пожалуйста.

– Федя, – крикнул Чаплин. – Иди сюда.

Когда помощник режиссера подошел, полицейские представились.

– А вам не говорили, случайно, что вы похожи на Сета и Ричи? – весело спросил Федор, перевернув кепку козырьком назад. – Это персонажи фильма...

– «От заката до рассвета», – закончил за него Марченко. Вопрос как будто его раздосадовал, и майор оставил его без ответа. – Вы знаете этого человека? – он показал снимок, который Эд уже видел, а затем еще два, еще страшнее предыдущего. На них было видно не только лицо, но и тело, и оно все скрючено, как у больного ДЦП.

– Итить-колотить, – вскричал Федор. – Что за ужас? Кадры со съемок ужасника?

– Вопрос повторить? – строго проговорил майор.

– Я этого чувака не узнаю. А прижизненных фоток нет?

– Мы еще не установили его личность.

– По волосам, одежде попробуйте узнать, – подсказал Устинов.

Федя опять повернул бейсболку козырьком вперед. Была у него дурная привычка играть со своими кепками, которых у помощника было огромное количество.

– Он не из съемочной группы, – выдал-таки Федя. – Не из основного состава, я имею в виду.

– А имеется вспомогательный?

– Конечно. Есть рабочие, водители, буфетчики...

– Буфетчики? – заинтересовался «Клуни».

– Мы должны питаться, так что да.

– У парня на футболке пятна от еды. Их много. Возможно, он один из тех, кто вас кормил?

– Если да, то вам с администратором группы нужно поговорить.

– Поможете его найти?

– Да, – кивнул «Клуни»-майору Федя, – пойдете, я знаю, где он.

И Устинов с Федором ушли. Остались Марченко и Чаплин.

– Почему у вашего фильма такое странное название? – спросил вдруг «Тарантино».

– Оно рабочее, еще поменяем. Но мы снимаем историю о сиамских близнецах, так что название совсем не странное.

– Такого кино я еще не видел. С удовольствием посмотрю. Давно работаете?

– Вчера был первый съемочный день.

– Значит, вам не повезло.

– Почему? – напрягся Чаплин.

– Следственные изыскания несколько помешают творческому процессу. А если убийцей окажетесь вы или кто-то из исполнителей главных ролей, и приостановят.

В тот момент Эдик поверил в дурные предчувствия. Именно они его и

мучили!

Глава 3

Женя был сам не свой...

От счастья, переполняющего его.

Оно бурлило, клочкотало и щекотало его изнутри.

С ощущением счастья Бородин лег спать, с ним же проснулся. Под душем пел. Готовя себе на завтрак яичницу, пританцовывал. Дед, который вставал так же рано, наблюдал за ним молча до тех пор, пока внук не оделся к выходу.

– Ты с чего вырядился? – спросил старик, осмотрев внука с ног до головы. На том были брюки со стрелками, голубая в белую полосу рубашка, которую ему подарила мама на 23 февраля, но Женя считал ее слишком нарядной для повседневной носки и ждал особо торжественного случая, чтобы обновить.

– Как я тебе?

– Гарный хлопец, – похвалил внука дед. – Но с чего ты так вырядился? Праздник, что ли?

– Да, дед...

– Какой?

– В моей душе.

– Влюбился? – всплеснул руками старик.

– И это тоже. Но больше ни о чем не спрашивай, пожалуйста. Я пока не готов рассказывать.

– Сглазить боишься, понятно. Ну, удачи тебе, Женька.

– Впервые за долгие годы я уверен, что она со мной! – уверенно заявил Евгений Бородин.

И, обувшись в начищенные до блеска ботинки, Женя покинул квартиру.

Он шел к метро привычным маршрутом. Мерз, потому что не надел куртки. Она не гармонировала с остальной одеждой и обувью, а Жене хотелось выглядеть безупречно. Праздник же!

Вчера он отдал Кукусе блокнот. Тот раскрыл его и тут же начал читать стихи.

– Ништяк, – в привычной манере выразил одобрение он. – Особенно удалось последнее стихотворение.

– У меня появилась муза, – признался Евгений, – так что я готов сочинять и сочинять. Так издателю и скажи.

– Лады. – Кукуся сунул блокнот в карман. Но он был трезв, поэтому Женя не стал беспокоиться о том, что школьный приятель его потеряет. – Привет музе. Я почапал.

– Наберешь меня завтра? – спросил Евгений. – Или нет, давай лучше я сам.

– На созвончике, – бросил через плечо Кукуся и «почапал» в бар.

Звонить ему было еще рано, Данила спал до обеда. Но Женя был уверен, что все хорошо, его стихи понравились издателю и скоро выйдет его первый (брошюра не в счет) сборник.

Бородин домчался до парка за считанные минуты. Он был окрылен, это раз, два – сильно замерз. И то и другое способствует скорости передвижения. Выйдя на свою любимую аллею, Женя начал собирать листья. Вчера не получилось преподнести букет Татьяне, но сегодня он это сделает обязательно. Вручит лично в руки. То есть руку...

Пока Таня с сестрой присутствовали на площадке, Женя не отрывал от нее взгляда. Но ей на глаза не попадался. Даже обедал не со всеми, а – сидя на катушке с проводами. Но девушки только выпили сока и съели по бутерброду. Не хотели портить аппетит перед шикарным обедом в ресторане, куда их пригласили Нурлан с Абзалом.

Последний, по мнению тщедушного и белобрысого Бородина, был просто воплощением мужской привлекательности. Не слащавой, модельной, а животной, первобытной. Именно такие, как Абзал, валили мамонтов и овладевали в пещерах самыми красивыми женщинами. А так как в каждой современной леди живет первобытная самка, то устоять перед мощью доминантных самцов им ох как сложно... Бородин боялся, что Таня не устоит. И испытывал муки ревности до тех пор, пока не понял, что красавец Абзал был ей совсем не интересен, она больше общалась с Нурланом, но в древнем старце Женя соперника не видел. А вот Аня от племянника Джумаева была без ума. И демонстрировала даже не симпатию, а вожделение. Возможно, причиной тому было состояние алкогольного опьянения, но Жене почему-то казалось, что Аня всегда такая... кхм... откровенная. Сказал бы, вульгарная, но разве можно так о сестре любимой девушки?

Бородин собрал букет. Он получился красивым, но не настолько, чтоб сразить девушку наповал. И Женя отправился в другую часть парка, чтоб наломать рябины – ее ягоды на фоне листьев будут смотреться изумительно. Пока шел, сочинял стих. Точнее, строки рождались сами, Женя только фиксировал их в памяти. Был бы при нем блокнот – записал бы, но Женя отдал его Кукусе, а чистый забыл взять.

...На студию Евгений Бородин приехал с прекрасным букетом и готовым стихотворением. Как зашел в павильон, принялся искать глазами Татьяну, но она еще не приехала... Увы... Или, наоборот, хорошо? Он сейчас попьет чаю, отогреется, его щеки и нос станут нормального цвета. Как большинство белокожих блондинов, Евгений легко и ярко краснел. И самому себе с румянцем во все лицо казался дурачком-простачком.

Но чаю попить не удалось. Едва Женя подошел к своему непосредственному начальнику, гафферу, или бригадиру осветителей, если по-русски, тот огорошил его новостью о том, что вчера на площадке произошло убийство, и велел подойти к полицейским, чтобы посмотреть на фото покойника – того пока никто не опознал.

Женя аккуратно положил букет на свою любимую катушку, прикрыл его пакетом, чтоб не привлекал внимание, и направился к одному из оперов, головастому, щетинистому, с выдающейся челюстью. Бородин отнес его к той же категории альфа-самцов, что и Абзала. Да, не так высок и мускулист, но видно, что сильная личность. Такой мамонта сам гнать не будет, сподвигнет на это других, более мускулистых особей.

– Женек, у тебя память отличная, глянь на фото, – обратился к Бородину Чаплин.

Они были знакомы еще до съемок «Сиамских». Как-то в кафе киностудии пересеклись, разговорились и стали общаться. Не плотно, можно сказать, эпизодически, но именно с легкой руки Эда Женя попал в съемочную группу фильма, обещающего стать хитом.

– Я знаю этого парня, – сказал Бородин, мельком глянув на фото.

– Кто он? – живо поинтересовался полицейский.

– Буфетчик. Он нам напитки разливал вчера за обедом.

– Как зовут?

– Не имею понятия, – помотал головой Женя, – я с ним не общался. Запомнил внешность, и только.

– Что именно в ней вы запомнили? – поинтересовался опер. – Черты лица неузнаваемы.

– Посмотрите на уши, – сказал Женя. – Одно острое и торчит, второе обычное. Парень постоянно теребил торчащее. А еще все время был как будто на взводе и постоянно что-то разливал или ронял, отсюда многочисленные пятна на футболке.

– Вы даже не вздрогнули, когда глянули на фото. Вас оно не напугало?

– Я видел много покойников, меня сложно напугать.

– Где видели, можно узнать?

– У него дед в морге работал, – ответил за Женю Чаплин. – И водил

внучка туда на экскурсии...

Это было чистой правдой. Когда деда, проработавшего всю жизнь медбратом в клинической больнице, отправили на пенсию, он устроился санитаром в морг. А так как мама, хирургическая медсестра, постоянно пропадала на работе, а отец их оставил, когда Женя был совсем маленьким, то приходилось таскаться за дедом хвостом. Куда дед, туда и внук. Хоть на рыбалку, хоть в парк, где тот в шахматы играл, хоть в морг. В «морозильник» Женю не пускали, держали в приемном покое, но однажды, будучи третьеклассником, он проник туда без разрешения. Жене было любопытно посмотреть на покойников и совсем не страшно. Дед всегда говорил, что бояться надо живых, а не мертвых...

Вдруг полицейский, с которым Бородин беседовал, ойкнул, а его лицо вытянулось еще больше. Смотрел он при этом за спину Жени. Тот обернулся и увидел исполнителя главной роли Марата Халиева. Он был не только в гриме, но и в специальном костюме с поролоновым торсом и фальшивой головой (не таком костюме, конечно, как у дублера, менее реалистичном).

– Я на секунду забыл, что вы снимаете фильм о сиамских близнецах, – чуть смутился опер. – И удивился явлению двухголового человека...

Женя понимающе улыбнулся, чем явно расположил к себе опера. Который успел побороть испуг и смущение, вновь приняв суровый и деловой вид.

А актер Халиев тем временем подошел к ним. За Маратом, чуть хромая, шагал Охлопков.

– Здравствуйте, – поприветствовал их опер. – Я так понимаю, вы исполнители главных ролей?

– Да, это наши звезды, – кивнул головой Чаплин. – Марат и Иван.

Полицейский на сей раз удержал лицо, но моргнул красноречиво.

– И кто есть кто? – уточнил он.

– Марат, – представился Халиев.

– И вы играете...

– Сестер, это же очевидно.

– Потрясающий грим. Я был стопроцентно уверен, что вы барышня.

– Я Иван, – выдвинулся вперед Охлопков и протянул оперу руку для приветствия.

Тот, пожав ее, воскликнул:

– А я видел вас в каком-то сериале!

– Я очень рад, что вы меня запомнили, – просветлел лицом артист. – Что тут у нас?

– У нас тут труп, – ответил за него режиссер. – Паренек из буфета, Женек опознал его.

Иван с Маратом переглянулись. Это не укрылось от внимания полицейского.

– Вы что-то знаете об этом человеке?

– Нет, – в один голос ответили артисты.

Но когда им под нос сунули фотографии, все изменилось.

– Я же тебе говорил, это он, – воскликнул Марат.

– Но у него другой цвет волос... – бормотал Иван. – И вес. Вспомни, каким он был толстым...

– Перекрасился и похудел, долго ли? А ухо все то же. Он это...

– Кто – он? – встрял Чаплин.

– Большой Ух.

– Кто?

– Мультик такой есть, – начал разяснять Марат. – Про забавное существо, что слышит звуки вселенной... «Мы веселые медузы, мы похожи на арбузы...» Не помните?

– Помним, – нахмурился опер, – дальше.

– Вот этого парня мы прозвали Большим Ухом, сами понимаете почему.

– Кто он?

– Фанат.

– Чей?

– Ванин.

– Не знал, что у тебя есть фанаты, – заметил Чаплин.

– Их и нет, – хмуро проговорил Охлопков. – Один только... был... Большой Ух. И тот сумасшедший.

– С этого места поподробнее, – подобрался полицейский.

– Он появился в моей жизни где-то год назад, когда я играл в сериале «Романтики». Роль у меня, как всегда, была не главная, но интересная. Герой мой нравился зрителю, и я получал в соцсетях комплименты и электронные сообщения с признаниями в любви, но меня не преследовали поклонники в реальной жизни. Больше скажу, даже не узнавали. Честно, было немного обидно. Поэтому, когда у ворот киностудии ко мне подбежал парень и, захлебываясь восторгом, стал говорить, как он рад со мной познакомиться, я обрадовался. Подписал ему свою фотографию, пожелал всего хорошего и в наилучшем расположении духа поехал домой. Когда я встретил его во второй раз, не заподозрил неладного – мой автограф якобы желала получить и мама Большого Уха. Но когда я стал встречать его

постоянно... Сами понимаете... Напрягся. Стал избегать. Но Большой Ух выследил меня. Узнал, где живу, и стал караулить у подъезда. В общем, начались настоящие преследования. Пришлось переехать на другую квартиру, а так как съемки в сериале закончились, Большой Ух не мог меня отыскать... – И Иван добавил после вздоха: – Как думал я.

– Вы не видели его... сколько?

– Четыре месяца. Плюс-минус.

– Выходит, ваш фанат узнал, что вы будете сниматься в «Сиамских», и умудрился найти место во вспомогательной группе?

– Это может быть простым совпадением, – неуверенно протянул Иван, явно о чем-то задумавшись.

– Стоп-стоп-стоп! – взвился вдруг Чаплин. – А откуда Марат знает о Большом Ухе?

– Я рассказывал ему о нем.

– Да ну? Вы так его обсуждали, как будто оба видели.

Артисты вновь переглянулись.

– Пора раскрыть правду, – сказал Марат.

– Да я и так хотел... – Иван виновато посмотрел на режиссера. – Ту встречу я подстроил. Притащил Марата на Арбат, заставил выступать, потом выманил из ресторана тебя... Если б я привел его в офис или студию, ты бы и слушать меня не стал...

– Кто он тебе? – оборвал его Чаплин. – Любовник?

– Боже упаси, я не гей, я же говорил. Мы просто друзья. Но очень и очень близкие.

– Марат же младше тебя лет на десять, – ахнул режиссер.

– Разве разница в возрасте мешает отношениям?

Тут полицейский, внимательно слушавший разговор режиссера и актеров и, главное, следящий за лицами каждого из его участников, отвлекся. Женя проследил за его взглядом и увидел...

Таню!

С Аней. Девушки стояли возле дивана, поставленного специально для них. Они только что приехали и ждали, что к ним кто-то подойдет.

– Это еще один дублер? – спросил полицейский, тронув Чаплина за руку.

– Где? – Тот указал. Обвернувшись, Эд ответил: – Нет, это наши музы. Аня и Таня Сомовы.

– И они...

– Сиамские близнецы.

– Обалдеть, – только и мог выговорить страж порядка.

– Сейчас я вас познакомлю... – Чаплин помахал девушкам, приглашая их подойти.

Женя Бородин тут же ретировался. Он не хотел попадаться на глаза Татьяне сейчас. Пока не время...

Глава 4

Татьяне нездоровилось. Ее слегка подташнивало, и кружилась голова. Она свалила бы все на похмелье (Аня выпила вчера две бутылки шампанского), если бы сестра тоже недомогала, но та отлично себя чувствовала. Сегодня по ее настоянию Сомовы вновь надели платье. Это было не таким нарядным, как бархатное, но сексуальным – с разрезом спереди. Ноги у девушек были стройными и длинными, Аня считала, что их нужно показывать. Таня ее мнения не разделяла, но, когда они шили этот наряд, согласилась на разрез, пусть и не такой высокий, какой предлагала сестра.

– Почему ты не красишься? – спросила она, когда они этим утром готовились к выходу.

– Не хочу.

– Ты бледная, как моль, нарисуй хотя бы глаза.

– Я плохо себя чувствую.

– Рука у тебя двигается, значит, можешь сделать подводку.

– Отстань от меня. Не хочу.

– Ладно... – Аня взяла тушь и принялась яростно ее наносить на ресницы. – Будешь страшной подружкой. В нашем случае – сестрой. Потому что я намерена сегодня выглядеть на все сто.

Таня пожала плечом, ей было все равно, как выглядеть. Не всегда, а именно сегодня.

Ей часто снилось, как их с сестрой разделяют. И каждая имеет свой комплект конечностей и органов. Они два полноценных человека, живущих своей жизнью. Это были самые счастливые сны, за которые Таня цеплялась, а пробудившись, не отпускала их. Когда дрема еще окутывала ее, фантазировала о том, как когда-нибудь случится чудо и их разделят. Наука идет вперед семимильными шагами. Уже умеют создавать искусственные органы и клонировать клетки, так почему бы им с сестрой не дать новые тела или хотя бы их части?

Окончательно проснувшись, Таня понимала, что если такое и случится, то не с ними. Технологии хоть и быстро развиваются, но не настолько, чтобы помочь сестрам Сомовым. Лет через сто, возможно, врачи смогут разделить подобных им. Но скорее они просто не допустят того, чтобы на свет появились сросшиеся близнецы. Уже сейчас серьезные патологии обнаруживаются на раннем сроке, и если бы их мама

забеременела Аней и Таней двадцатью восьмью годами позже, то... Они просто-напросто не родились бы! Женщина сделала бы аборт, чтобы не обрекать и себя, и своих детей на муки...

И не было бы Тани и Ани.

Так что хорошо, что их зачали в девяностые годы прошлого века. Еще лучше, что не в древности, когда появление на свет сиамских близнецов предвещало конец света, поэтому их приносили в жертву богам.

Таня спрашивала у сестры, снятся ли ей подобные сны, и она отвечала утвердительно. Но в подробности не вдавалась. Но этим утром разоткровенничалась:

– Знаешь, чем я занимаюсь, когда мне снится, что мы с тобой существуем каждый в своем теле? – спросила она, пробудившись.

– Чем?

– Сексом.

– Я могла бы догадаться, – пробормотала Таня, которую тоже посещали эротические сны, хотя она о сексе вообще не думала.

– Я была бы шлюхой, Таня. Спала бы со всеми...

– Не выдумывай.

– Нет, ясно, что не с каждым встречным-поперечным, а с теми, кто привлекает.

– А тебя привлекают многие.

– Вот именно, – горделиво заметила Аня. – Я сексуальная штучка. Я, в отличие от тебя, полна огня.

– Во мне он тоже есть, – робко начала Таня, – но...

– Ай, перестань, – фыркнула Аня. – Если б мы существовали в отдельных телах и были обычными близнецами, ты ждала бы принца. При твоём характере – годами, если не десятилетиями. И только дождавшись, вступила бы в половую связь. Я другая. В душе я шлюха. И я не понимаю тех женщин, обычных, я имею в виду, заурядных, которые отказывают себе в удовольствии из-за каких-то принципов. Одна не дает на первом свидании, вторая не спит с женатыми, третья не готова к экспериментам и так далее...

– И это нормально.

– Ненавижу это слово! – вспылила сестра. – Нормально – это никак... Скучно, неинтересно. – Аня сжала грудь, затем провела рукой по животу, опустившись ладонью до их общего с сестрой лона. – Если бы ты знала, как я хочу секса.

– Знаю. – Таня схватила сестру за руку, чтобы не дать ей проникнуть под трусики. – Ты постоянно мастурбируешь.

– Я о полноценном! Нам под тридцать, а мы все еще ни разу не были с мужчиной.

– Ты опять об этом? Мы же договорились...

– Нет, ты поставила условие, я вынуждена была согласиться на него, но сейчас все изменилось! Мы станем звездами, и нас захотят многие. Это не то, что я предлагала...

А предлагала Аня воспользоваться услугами мальчика по вызову. Она готова была заплатить проституту за то, чтобы он переспал с ними. Также сестра была согласна на секс с извращенцем, и за то, чтобы он проник в близнецов Сомовых, уже заплатили бы им. Но Таня категорически отказывалась и от того и от другого. Она хотела заниматься сексом если не по любви, то по большой симпатии. И не сразу, а только после того, как мужчина (даже бисексуальная Аня хотела, чтоб первым стал именно мужчина) станет близким по духу, а на это требуется время.

– В общем так, дорогая сестра, – решительно проговорила Аня. – В этом году мы лишаемся девственности – и точка.

– Я не против, но... Даже если найдется НОРМАЛЬНЫЙ мужчина, не жиголо, не извращенец, не алкаш, которому все равно, в кого тыкать, и это я намекаю на соседа, который к нам приставал, а ты будто бы была не против, который захочет нас обеих, то не факт, что он понравится и тебе, и мне.

– Ничего, я потерплю, – хохотнула Аня. – Ради тебя, моя нежная и трепетная сестричка.

На том они разговор закончили и стали собираться.

* * *

Диван, на котором сестры Сомовы сидели вчера, не убрали, оставили для них. Усадил их на него режиссер Чаплин. Он был не таким, как вчера. Просто другой человек: хмурый, недовольный. Он не восторгался близнецами, не купал их во внимании, не справлялся о том, чего бы им хотелось. Усадив девушек на диван, Чаплин будто забыл о них...

А ведь они его Музы!

– Как я понимаю, шампанским нас сегодня поить не будут, – проворчала Аня, закинув свою ногу на Танину. Ей хотелось, чтоб разрез позволил продемонстрировать колени.

– Не каждый же день.

– Почему нет? Все такие напряженные... – заметила Аня. И тут она

была права. – Шампанское бы не помешало. А лучше – виски.

– Тебе лишь бы на грудь принять.

– И потрахаться.

– Аня, хватит! Человек вчера погиб.

– А мне-то что? Я его не знала.

– При этом ты плакала, когда разбился Пол Уокер из «Форсажа».

– Он был таким красивым и талантливым. Я не просто переспала бы с ним, я бы родила от него детей... Идеальный мужчина. Не то что этот... Который умер.

– Ты знаешь того, кто умер?

– Не знаю, конечно, но помню. А ты нет? Он нам сок наливал. – Таня покачала головой. – Наверное, потому что он не на тебя пролил мультифрут.

– И каким он был, этот парень?

– Да никаким, я же говорю. Ни кожи, ни рожи, ни воспитания – даже не извинился передо мной. И вообще, что это за мужик, который в тридцать с лишним лет соки в буфете разливает?

Таня хотела напомнить сестре о том, что о покойниках плохо не говорят, но Аня схватила ее за руку и хихикнула на ухо:

– Смотри, какое чудо... в листьях. – И указала глазами на приближающегося к ним парня.

Сначала Таня увидела именно их – листья. Желтые, оранжевые, красные, они были собраны в огромный букет и дополнены ягодами рябины. Нес это великолепие парень с взъерошенными светлыми волосами. Лицо его, сильно покрасневшее, показалось ей знакомым, но откуда, девушка не могла понять, пока их взгляды не встретились...

Женя Бородин!

Талантливейший поэт, замечательный человек, симпатичный, пусть и по-своему, мужчина, в которого Таня была влюблена вот уже два года...

И которому не собиралась показываться на глаза.

Вчера, когда Женя явился под ее окна, она едва не умерла от ужаса. Она не могла показаться ему! Таня не сомневалась, что как только Бородин узнает, какая она на самом деле, тут же отвернется от нее и, как следствие, перестанет ей писать, а она, можно сказать, жила их общением. Он поэт, тонкая натура, тянущаяся к красоте и изяществу. Ему нравятся чистые линии, гармония, легкость. В том числе в девушках. И Женя считал, что Татьяна красивая, изящная, гармоничная... А она...

Поэтому Таня спряталась от Жени. И не ответила на его послания. Она хотела выждать время. Придумать какую-нибудь правдоподобную легенду,

а потом снова возобновить общение с Евгением.

И вот он здесь... Надвигается на нее, неся перед собой пламенеющий осенний букет, как горящий факел, огнем которого собирается ее поджечь!

Таня зажмурилась.

– Добрый день, – услышала она мягкий мужской голос. Женин!

Затем Анин:

– Привет, чудо в листьях. Что это у тебя за икебана?

Бородин не отвечал. Когда Таня открыла глаза, поняла почему – он смотрел на нее и хотел говорить именно с ней.

– Это тебе, – Женя протянул букет. – Прости за вчерашнее. Я был навязчив, бестактен и совершенно невозможен.

– Это кто? – любопытствовала Аня.

– Мой виртуальный друг. – Таня приняла букет. – Женя, что ты тут делаешь?

– Работаю. Я осветитель.

– Все равно что буфетчик, – хмыкнула сестра и оторвала от рябиновой грозди ягоду. – А что Женя вчера сделал такого невозможного, что я не заметила?

Татьяна не стала ей отвечать. Ей было не до сестры. Женя не убежал в страхе, увидев ее? Он подошел к ней с букетом и извинениями? Она не отвратительна ему?

– Ты и вчера работал? – продолжила диалог Таня.

– Да, но держался в тени. Не хотел тебя смущать или расстраивать, не знаю точно, какие чувства вызвал бы, если б во второй раз за день вторгся в твое пространство.

Грамотная речь, приятный голос, Таня с удовольствием Женю слушала. И смотрела на него с тем же чувством. Он нравился ей и на фото, но в жизни был лучше: глаза распахнуты, рот готов к улыбке, а этот трепетный румянец... он так идет его щечкам. И мягкая желтая щетина... И родинка.

– Я тоже должна извиниться перед тобой, – тихо проговорила Таня. – За то, что скрывала правду. Теперь ты знаешь ее...

– И все понимаю.

Женя сделал резкое движение. Он хотел взять Таню за руку, но не решился. В итоге нервно сорвал ягоду. Если так пойдет, и рябину будут пожирать и Аня, и Женя, от букета ничего не останется.

– Я написал новое стихотворение и посвятил его тебе, – сообщил Бородин.

– Прочтешь?

– Обязательно, но попозже, мне надо вернуться на рабочее место.
– Он осветитель, без него никак, – скривила рот в скептической улыбке Аня, но и ее реплика, и гримаса остались без внимания.
– Ты будешь тут до какого времени? – спросил Женя.
– Не знаю. А ты?
– Пока Чаплин не скажет: «Все свободны».
– Мы никуда не торопимся, тоже можем посидеть до конца рабочего дня.

– Вот уж нет! – взвилась Аня. И этот ее вопль нельзя было проигнорировать. – Сейчас я позвоню Абзалу и скажу, что мы не можем обедать на студии, где травят людей. Думаю, он пригласит нас в ресторан. Только во французский я больше не хочу. Мне больше итальянская кухня нравится.

– Спишемся, – шепнул Женя и чуть сжал Танино плечо.

Прикосновение было приятным и даже интимным. Таня засмушалась. В отличие от сестры, она редко вспыхивала от желания, но сейчас произошло именно это...

– Только не говори мне, что это чудо в листьях тебе нравится, – проговорила Аня, когда Женя удалился.

– Очень.

– Чем?

– Всем.

– Он малахольный.

– Умный, тонкий, талантливый.

– Страшненький.

– Симпатичный, – не сдавалась Таня.

– То есть вот этот белобрысый чудик с тонкими ножками, облаченными в брюки с выпускного бала, тот самый принц, которого ты ждала?

– Поживем – увидим, – блаженно улыбнулась Таня.

Аня зыркнула на сестру, вытащила из сумки телефон и начала набирать Абзала.

Глава 5

Сегодня Нурлан чувствовал себя хорошо. Он выспался, поел гречневой каши с молоком, сделал зарядку (если так можно было назвать два наклона вперед и три маха руками) и вышел на балкон с чашкой зеленого чая. Утро выдалось теплым и солнечным, таким же, как вчера, так что Нурлан наслаждался и погодой, и панорамой. Так и хотелось уподобиться герою фильма «Иван Васильевич меняет профессию» и проговорить: «Красота-то какая... Лепота!»

– Доброе утро, – услышал он голос племянника.

– Доброе.

– Как ты себя чувствуешь сегодня?

– Отлично.

– Новые таблетки творят чудеса, как я тебе и говорил. – Абзал в шелковом халате, распахнутом на волосатой груди, подошел к дяде. – Ты принял утреннюю пилюлю? – За сутки Нурлан выпивал три таблетки: после завтрака, в обед и на ночь. Абзал следил за тем, чтоб он не пропускал приема чудодейственного препарата.

– Да. А ты свои витамины?

– С них начинается мой день.

– Ты молодой, здоровый, ведешь правильный образ жизни, ешь фрукты и овощи, зачем тебе витамины, не пойму?

– Чтоб оставаться молодым и здоровым как можно дольше, – пожал мощными плечами Абзал. – Ты же знаешь, я планирую жить до девяноста, минимум.

– Твой дед дотянул до ста двух лет без всяких витаминов.

– Он жил в горах, там воздух чистый. И не подвергался стрессам.

– Конечно, нет. Какие на войне стрессы? Забыл, что он Великую Отечественную прошел? И это я еще не припомнил тебе бабку. Она была пострашнее войны, настоящая ведьма. Но дед ее пережил.

Нурлан залпом допил остывший чай и вернулся в комнату, потому что озяб. Абзал двинулся следом. Он был в полтора раза выше старика, а весил больше, чем в два. Многие принимали его за телохранителя Джумаева и очень удивлялись тому, что у Абзала кембриджский диплом и он больше умник, чем силач. Рост и мышцы не делают из мужчины богатыря. Тот же Нурлан в молодости гнул подковы и побеждал почти во всех драках, а он и тогда был худым.

– Если ты переживаешь, что экология и стрессы раньше времени сведут тебя в могилу, – продолжил разговор Нурлан, – переезжай в горы и живи там в свое удовольствие.

– Не могу, я нужен тебе.

– Я собираюсь продавать фирму. Как только избавлюсь от нее, у меня появится столько денег, что хватит и мне, и тебе, и еще половине голодающей Африки.

– Ты серьезно сейчас?

– Ты же знаешь, я никогда не шучу, когда речь идет о бизнесе.

– Но почему я впервые об этом слышу?

– Хотел сюрприз сделать. – Нурлан уселся на диван и накинул на плечи плед из шерсти альпака. – Мне недолго осталось... – Абзал собрался протестовать, но старик жестом заставил его замолчать: – Только не надо про чудо-таблетки, которые меня вылечат, я в них не верю. Пью, чтоб тебя порадовать.

– Но тебе же стало лучше! Ты сам сказал.

– Бывают дни, когда я не рассыпаюсь, и сегодня один из таких. Мне осталось недолго, я чувствую. И пока старуха с косой меня не забрала, я хочу осуществить два плана: снять фильм по своей книге и продать фирму. Первое я делаю для себя, второе для тебя.

– Для меня? – опешил Абзал. – Но мне этого не нужно.

– Ты мой единственный наследник, и ты это знаешь. Все, чем я владею, станет твоим. Это недвижимость и бизнес... МОЙ бизнес. Понимаешь?

– Нет.

– Я хочу, чтоб ты унаследовал деньги, на которые сможешь открыть СВОЙ бизнес.

– Но мне нравится то, чем мы занимаемся.

– Ты не можешь знать наверняка, потому что ничего другого не пробовал. И не попробуешь, если я тебя не подтолкну.

– А если я так и не решусь?

– Уедешь в горы, подальше от смога и стрессов, заведешь семью и будешь безбедно жить на те деньги, что унаследуешь.

– Ошарашил ты меня...

– Я думал, ты обрадуешься.

– Нет, мне не нравится эта идея, – после паузы проговорил Абзал. – Если ты стараешься для меня, то не продавай фирму. Я сам это сделаю, как только пойму, что хочу заниматься чем-то другим. К тому же я считаю, что тебе рано уходить на пенсию. У тебя тело сдает, а мозг функционирует на

сто двадцать процентов. Без работы он зачахнет, как и твоя оболочка. Ты говоришь, осталось немного, но если ты ошибаешься и впереди долгие годы... Что ты будешь делать, когда уйдешь на покой? Дегradировать в своем шале?

– Не обязательно. Я могу вернуться к творчеству, и тогда мой мозг не зачахнет.

– Ты не писал двадцать с лишним лет. И тебя, как ты сам говорил, не тянуло. А почему, напомни?

– Я утратил наивность и перестал верить в чудеса, а без этого нельзя творить, можно только сочинять тексты, – процитировал Нурлан самого себя.

– Ты уже так не считаешь?

– Мне уже не тридцать, как раз тогда я запретил себе писать, и я не столь категоричен... Теперь я думаю, что творчество многогранно. Сомневаюсь, что Эдгар Алан По был наивным мечтателем, но он настоящий мастер. И я не мог читать его в молодости, а сейчас – с удовольствием. «Ворона» я знаю наизусть. Хочешь послушать это стихотворение?

– Нет, спасибо. – Абзал рывком запахнул халат. Шелк, из которого его сшили, скользил по телу, обнажая племянника до пояса за считанные секунды. И все равно он носил его, потому что был немного самовлюблен, а в нем самому себе казался похожим на хана в часы отдохновения. – Чего бы мне действительно хотелось, так это помочь тебе найти покупателя, уж если ты твердо решил продавать бизнес.

– Он уже найден. Мы вступили в стадию переговоров. Как только придем к соглашению, я сообщу тебе. – Нурлан прислушался. – Кажется, твой телефон звонит, пойдь ответь...

И, откинувшись на подушки, прикрыл глаза. Абзал стремительно удалился. Он был шокирован и немного обижен. Шок не скрывал, обиду пытался. Привык к тому, что дядя делится с ним своими планами и спрашивает совета. А как иначе, ведь Абзал его правая рука!

«Вот именно, рука, – мысленно проворчал Нурлан. – А не полушарие мозга...»

Абзал был всего лишь исполнителем, но исполнителем, которому дают понять, что он тоже многое решает. На самом же деле Нурлан контролировал абсолютно все. Но если бы не племянник, он бы справлялся с большим трудом.

Абзал же без Нурлана не справился бы вообще...

Правая рука повисла бы плетью без импульсов, посылаемых мозгом.

Нурлан много чего сказал сегодня Абзалу. И что-то из этого было правдой. Но не все... Далеко не все. Еще не время посвящать племянника в свои планы. А пока пусть дуется.

* * *

Нурлана не приняли в институт, потому что его отец предал Родину. В техникум тоже. Возможно, ПТУ распахнуло бы перед ним свои двери, но пробовать парень не стал. И не потому, что считал рабочую специальность недостойной себя, просто если бы и в училище его зарубили, он впал бы в отчаяние.

Стал искать работу. Но с этим тоже оказалась беда. При приеме требовалось заполнить анкету, один из пунктов которой требовал указать ближайших родственников, осужденных по политическим статьям. Нурлан честно сообщал об отце и получал от ворот поворот. Попробовал схитрить. Его взяли, но через два месяца уволили.

У мамы тоже начались проблемы с работой. По той же причине. Пришлось уволиться. Так как жить было не на что, сдали комнату в своей прекрасной трешке. Жилец обоим показался приличным, но оказался валютчиком. В те годы покупка и продажа долларов считалась преступлением, за эти операции сажали. Посадили и жильца Джумаевых. И снова на них упала тень... Жена и сын изменника Родины сдали комнату преступнику! Да не карманнику или домушнику – валютчику. Не иначе сами имели доллары, за которые старший Джумаев продал Советское государство. Никто не верил в совпадение, ни милиционеры, ни соседи, ни даже родственники...

Но Нурлан с мамой держались. И умудрялись находить деньги на жизнь. Она мыла подъезды, он ухаживал за больной старухой. Та была бабкой крупнейшего мафиози Казахстана по кличке Булат. Мафиози обожал ее и во всем угождал. А сделать это было ох как сложно. Старуха не подпускала к себе остальных родственников, хотела, чтобы любимый внук сидел с ней. Но у того была своя жизнь, причем бурная, и так совпало, что Нурлан очень внешне на него походил. Из-за этого его и наняли. Бабка их путала, и все были счастливы.

Джумаеву доставалось от старухи. Да и внук ее не был приятным человеком. И все же Нурлан был работой доволен. Ему хорошо платили, и находилось время на то, чтобы писать. Он с детства сочинял и хотел бы поступить в Литературный институт, но раз путь туда заказан, то Нурлан

забыл думать о том, чтобы посвятить себя писательству. Решил, что будет баловать себя рассказиками и повестями, давая выход фантазии. Как-то старуха заметила, что он строчит что-то в общей тетради. Спросила что. Нурлан ответил:

– Пишу рассказ.

– Ты никогда не проявлял творческих способностей. Все твои сочинения тянули не больше чем на тройку.

Зная, что подопечная путает его с внуком, Нурлан пожал плечами:

– Я и сейчас просто балуюсь.

– Прочти то, что написал, – повелела бабка.

Нурлан не стал спорить, с этой женщиной не мог спорить даже крупнейший мафиози Казахстана, и начал читать.

Старуха слушала внимательно. Иногда шевелила губами, проговаривая понравившуюся фразу. Когда Нурлан замолк, она недовольно воскликнула:

– Все?

– Да. Концовки еще нет.

– Пиши скорее.

– Завтра закончу.

– Нет, сегодня. Иначе я не усну, а ты знаешь, как отражается на моем здоровье бессонница.

– Вам понравилось?

– Нет, совершенно дурацкая история, но любопытно, чем она закончится.

– Я могу сказать вам.

– У тебя хороший слог. Ты умеешь правильно подбирать слова, а сюжеты строить – нет. Подумай об этом, когда сядешь за следующий рассказ, но сначала допиши этот и прочти мне, – скомандовала бабка.

Нурлан, который торопился домой, быстро закончил произведение, скомкав концовку. За что получил подушкой по лицу. Бабка прицельно метнула ее парню в голову.

– Сколько раз мне тебе говорить: делаешь что-то, делай хорошо! – рявкнула она. – А теперь подними подушку, подложи мне под голову и начинай заново...

В тот день Нурлан вернулся домой за полночь. А на следующий – взялся за новый рассказ. Теперь он не торопился, писал вдумчиво. Когда результат его удовлетворил, познакомил с произведением старуху. Сюжет ей опять не понравился, а герои – да:

– Не такие дураки, как предыдущие. Но что ты все о молодых пишешь. Про нас, стариков, столько можно рассказать. Порадуй бабушку, сочини

рассказ про меня.

Нурлан так и сделал. А что ему оставалось? Тот рассказ старухе не понравился, сказала, слащавый, и снова запустила в парня подушкой. Пришлось дважды переписывать, пока подопечная не одобрила.

Спустя полгода бабка умерла. Но перед тем как отойти в мир иной, сделала доброе дело. У нее перед кончиной наступило прояснение рассудка. Она поняла, что Нурлан не ее внук, а посторонний парень, и именно он писал рассказы.

– Талант у тебя, – проскрипела умирающая едва слышно. – Нельзя зарывать... Я, можно сказать, только благодаря твоим историям последние месяцы жила.

– Я напишу еще, вы только не умирайте, – попросил Нурлан. Он привязался к этой сердитой, вечно недовольной старухе и был ей благодарен за внимание к своим произведениям и дельные советы.

– Хватит, нажилась. Внук мой где?

– Позвать?

– Да, и побыстрее. – Когда Нурлан сбегал за Булатом, бабка повелела: – Хочу, чтоб ты этому мальчику помог выпустить книгу. Считаю, это моя последняя просьба.

Она скончалась через несколько часов. Сборник рассказов, вышедший благодаря стараниям крупнейшего в Казахстане бандита, Нурлан посвятил его бабушке.

...Успех к Джумаеву пришел не сразу. Книга продавалась плохо. Она шла «в нагрузку» к популярным. Но Нурлан не унывал. Он писал и писал, и рассылал свои рассказы в литературные журналы. Некоторые печатали. Гонорары за публикации были смешными, но Джумаевы привыкли к бедности и радовались тому, что Нурлан посвящает себя любимому делу.

Прошло два года, прежде чем оно начало приносить прибыль. Тогда же пришло признание. В Казахстане Джумаев стал довольно известным писателем. Правда, публиковался под псевдонимом. Ему прочили общесоюзный успех, но начался развал СССР, и все полетело в тартарары.

Нурлан продолжал писать. И его читали, но не массово. Люди бросились скупать детективы и фантастику. Чейза и Стаута, Брэдбери и Гаррисона. Эротические книги тоже пользовались большим спросом. «Эммануэль» била все рекорды продаж (тогда-то Нурлан и выпустил урезанных, переделанных, переименованных в «Горячих сестреноч» «Сиамских»). Следом пошла волна боевиков. Сначала американских, потом отечественных. Бандитская тема стала популярной. О разборках и залитых в цемент должниках читали даже домохозяйки.

Как-то вечером, когда Нурлан выгуливал пса, к подъезду их дома подкатили три джипа. Из среднего вышел тучный мужик с тростью. Не сразу Джумаев понял, что перед ним Булат.

– Что, не узнаешь благодетеля? – проворчал он, ткнув в грудь Нурлана тростью.

– Вы немного поправились, – пролепетал он.

– Немного, – хрюкнул тот. – Я разжирел. А еще несколько лет назад был таким же худым, как и ты. – Да, Булат, которого Нурлан помнил, был строен, грациозен, похож на ласку. – Все диабет проклятый. Развился на нервной почве.

– А с ногой что? Ранение? – Тогда бандиты «валили» друг друга почему зря.

– Тоже диабет. Он меня в могилу загонит скорее, чем пули братвы. И пока этого не случилось, хочу, чтоб ты про меня книгу написал.

– Боюсь, у меня не получится.

– Правильно, бойся, что не получится. Потому что, если она мне не понравится, накажу. Зато если угодишь, озолочу.

– А не могли бы вы кому-то другому это поручить? – робко предложил Нурлан. – Я не писал ни биографий, ни боевиков...

– Пора начать. Аже, – с теплотой в голосе проговорил Булат (по-казахски это слово означало «бабушка»), – считала, что ты талант, а она никогда не ошибалась. Так что собирайся, со мной поедешь.

– Куда?

– Ко мне. Я же должен тебе о жизни рассказывать, а ты описывать ее так, чтоб я не полным говном казался. Убеди меня самого в том, что я не такой, и тогда тебе все поверят.

– Я не могу работать под давлением.

– А ты думай о гонораре, который получишь. Десять тысяч долларов тебя устроит? – Сумма была по тем временам огромной. За такие деньги можно было купить трехкомнатную квартиру. Но Нурлан не хотел связываться с Булатом. – Мало? – Он по-своему расценил замешательство Джумаева. – Хорошо, пятнадцать. И полное обеспечение. Будешь жить как принц: кушать деликатесы, пить дорогое вино, плавать в бассейне. Девочки понадобятся, вызовем.

– Я предпочел бы остаться дома, не хочу оставлять маму.

– Ее тоже захватим с собой.

– Нет, я не позволю взять ее в заложники...

– Она будет гостьей моей мамы, – смягчил тон Булат. – Они примерно ровесницы, найдут общий язык. Моей скучно, твоей трудно. Может,

подружатся?

И Нурлан согласился. Потому что с такими, как Булат, лучше по-хорошему.

В тот же день они с мамой переехали в усадьбу Булата, на территории которой стояло несколько домов: один для родственников, второй для самого хозяина и его семьи, третий для гостей. Все они находились за высоким забором. Выйти за него без разрешения Булата не имели права даже жена с детьми. Он боялся за их безопасность, поэтому держал под присмотром.

Нурлана поселили в домике для гостей. Одного. Ему ничто не должно было мешать. Раз в день, после завтрака, Булат являлся к нему и рассказывал о жизни. Потом уезжал по делам, оставляя своего биографа наедине с пишущей машинкой. Нурлан обычно тут же вставал и отправлялся в гости к мамам – своей и Булата. Или играл с детьми, купался в бассейне, лакомился сладостями, в общем, хорошо проводил время. А вечером садился за машинку. Булат заставлял его за ней, когда возвращался домой, и требовал прочесть то, что написано. Как правило, ему все нравилось. Что не удивительно – Нурлан угождал заказчику. Обелял его образ. Бабка Булата раскусила бы фальшь в два счета и запустила в писателя подушкой, но внук не был таким же проницательным.

Это было хорошее время... Они с мамой ни в чем не нуждались. Нурлан работал: кроме биографии Булата, он писал еще трогательную повесть о дружбе двух немолодых женщин, познакомившихся в тюрьме, где одна забирала прах мужа, а вторая приехала на первую свиданку с осужденным за убийство сыном.

Нурлан мог уложиться в полтора месяца, но не торопился. Жить на всем готовом, не заботясь о пропитании, проезде, бытовых вещах, – это так здорово. Особенно если ты до этого только тем и занимался, что заботился обо всем этом. Когда Булат спрашивал, когда он допишет, тот цитировал бабушку: «Если берешься за что-то, делай хорошо!», и тот кивал. Да, все правильно. Аже была мудрейшей из мудрых, и она рассмотрела талант Нурлана, благодаря которому Булат станет легендой.

Джумаев был очень собою доволен. Он считал себя манипулятором. Да, прогнулся под Булата – и что? Сейчас живут припеваючи, а когда книга будет отдана в тираж, заживут еще лучше. Нурлан получит пятнадцать кусков, и они с мамой отправятся в путешествие по Европе. Она давно мечтала о Париже, он о Сицилии, и они решили, что потратят гонорар на вояж, а потом будь что будет.

Потом... После того как произошло то, что произошло... Нурлан

думал о том, что их погубила жадность. И его, и маму, ведь она поддакивала сыну. Ей тоже не хотелось возвращаться в их убитую квартиру и искать на полупустых полках магазина съедобные продукты. Они зажирили и расслабились. Забыли, у кого гостят и на кого работают.

Толстый и хромой Булат, сидящий на инсулине, перестал вызывать уважение у братков. А так как сам он уходить с «поста» не хотел, его решили скинуть. Нурлан видел голливудские фильмы о том, как виллы наркобаронов подвергаются масштабным нападениям, и думал, что это всего лишь фантазия режиссеров, желающих снять зрелищные сцены. Оказалось, что нет. Как-то ночью Нурлан проснулся от странного звука, выглянул во двор и увидел, как над усадьбой навис вертолет. Из него высовывались автоматчики. Через несколько секунд они начали стрелять...

В ту ночь погибло пять человек, среди них мама Нурлана. Она могла бы выжить, автоматчики не стреляли в «мирных», но пуля срикошетила. Сыну Булата оторвало три пальца. Его же самого буквально нашпиговали свинцом. Он валялся посреди двора и напоминал Нурлану очищенный и помятый гранат. С тех пор он возненавидел этот фрукт...

Глава 6

Костя Марченко сидел за своим рабочим столом и уплетал кильку. Он вывалил ее из банки на большую плоскую тарелку, чтобы на край складывать отходы, и вооружился влажными салфетками. Обглодав одну рыбку, Тарантино откидывал кости и голову, протирал пальцы, брал бородинский хлеб, откусывал, прожевывал, затем хватался за очередной хвостик. Это было похоже на ритуал, за которым следили коллеги.

– Кто же так ест кильку? – первым не выдержал Ершов. – Целиком надо.

– Не, я тоже кости выплевываю, – не согласился с ним Карский. – Но голову проглатываю. – И потянулся, чтобы стянуть одну рыбешку, за что получил по руке.

– Стыдно есть себе подобных, Карась, – усмехнулся Костя, продолжив трапезу.

– Стыдно жрать в одно лицо и не делиться с голодными друзьями.

– Можешь доесть головы, тебе же они нравятся.

– Обьедки с барского стола предлагает, – ткнул друга локтем в бок Ерш. – Не зря говорят, власть портит людей. Казалось бы, еще вчера Тарантино был простым опером, как и мы, но уже сегодня он смотрит на нас сверху вниз.

– Заткнитесь, – беззлобно огрызнулся Марченко, – и дайте мне спокойно насладиться обедом.

Распахнулась дверь, и в кабинет влетел Аркадий Устинов с ворохом бумаг.

– Чем там вкусно пахнет? – спросил он.

– Килькой пряного посола, – ответил ему Карась.

– Терпеть не могу рыбу. Чем-то другим.

– Ты ж из Волгограда, как ты можешь...

– Вот так. Тошнит меня от рыбы, – сморщился Устинов. – Даже осетрину не ем, не говоря уже о кильке. О, понял! Хлебом свежим!

– Его тоже Тарантино точит. Но ты у него не проси, он не даст.

– Не даешь? – посмотрел на Костю Аркадий.

– Неа, – честно ответил Тарантино. – Потому что я у всех спрашивал, что купить в магазине. У тебя у первого, так как ты был со мной, когда мы заехали.

– Справедливо, – Аркадий положил бумаги на стол и направился к

чайнику. – Ребят, кто из вас уважает охоту? – спросил он, включив его.

– Все, но никто не ходит, потому что нет времени, – ответил Ершов.

– Я выкраивал. Поэтому у меня имеется вяленое мясо лося и кабанье сало. Приглашаю вас всех на дегустацию сегодня вечером.

– Вот это тема! А водка будет?

– Нет.

– А я только размечтался...

– Будет дедов самогон. В роду Устиновых никогда не было пьяниц, но гнали все.

Пока они болтали, Марченко доел. Он насытился и получил удовольствие от трапезы, но теперь нестерпимо хотел пить. Вспомнилась нефильТРованная «Балтика», которую Лаврушка уже употребил под ту же килечку. Она сейчас бы бальзамом если не на душу, то на желудок легла. Но еще только середина рабочего дня, так что придется баловать себя обычной минералкой.

Тарантино попил, затем убрал за собой. В кабинете имелась раковина, и Костя умылся, почистил зубы. После этого вернулся за стол.

– Что там у нас по мертвому фанату? – спросил он, имея в виду отравленного буфетчика, Филиппа Королева.

– Тот еще тип, – ответил Аркадий. – До того как увлечься Иваном Охлопковым, не давал житья ведущему новостей Шилову и певцу Чадаеву.

– Ни того, ни другого не знаю.

– Большой Ух, так его прозвал последний объект преследования, – разъяснил Ершу и Карасю Аркадий, – не был охотником за крупными звездами. Фанател от малоизвестных личностей.

– Проявлял оригинальность? – предположил Ершов.

– Или шел по пути наименьшего сопротивления, – высказал свое мнение Карцев. – К крупным звездам не прорваться, а эти открыты для общения, не избалованы вниманием.

– Заметьте, все объекты – мужчины, – заострил внимание коллег Тарантино.

– И телеведущий, и певец писали на него заявления в полицию, – продолжил Аркадий. – А Охлопков нет. Почему?

– Он сменил место жительства, и Большой Ух перестал его доставать.

– Или у них были какие-то шуры-муры, и он просто жалел бывшего любовника.

– Иван уверял, что не гей.

– Рикки Мартин тоже, – фыркнул Ерш. – А сейчас у него муж и двое детей.

– Охлопков не Мартин, по нему бабы не писают кипятком, – возразил Карась.

– Но поклонницы есть. Зачем их разочаровывать? После выхода фильма, где Иван играет героя-любовника, их будет еще больше...

– Согласен с предыдущим оратором, – кивнул Аркадий. – Думаю, между артистом и его фанатом что-то было. Это, естественно, не указывает на то, что Охлопков убийца, но я бы не исключал. – Он плюхнулся на кресло и закинул ноги на стол. Точно как герой голливудского кино. – Наш судмедэксперт до сих пор пытается понять, что за состав у яда, которым Большого Уха отравили. Говорит, все компоненты растительного происхождения. Комбинация сложнейшая. Кто-то серьезно заморочился, чтобы приготовить отраву. Артист на это способен?

– Ерш занимается им, Карась жертвой, – распорядился Тарантино. – А мы с Аркадием...

– Пусть пока будет Аркадий, – встрял Карась. – Мы еще не решили, Джорджем или Сетом его назвать. Вечером, за самогонкой и салом, определимся. Тогда и «От заката до рассвета» посмотрим.

– А мы с Аркадием, – с нажимом проговорил Марченко.

Но ему снова не дали закончить.

– Постреляем в вампиров? – загоготал Ерш, и Карась тут же к нему присоединился.

Тарантино хотел было наорать на них, но сам не удержался от смешка.

– Идите работайте, зубоскалы.

– Пожрем сначала. У нас, между прочим, обед.

И друзья покинули кабинет.

– Что у вас за культ дурацкой киношки про вампиров? – полюбопытствовал Аркадий, оторвав глаза от бумаг, в которых продолжал копаться.

– Ты осторожнее с такими заявлениями. Мы тут все фанаты «От заката до рассвета».

– Почему не «Улиц разбитых фонарей» или какого-нибудь «Полицейского с Рублевки»? – удивился Устинов.

– Так уж получилось.

– Тебе тоже нравится этот фильм?

– Ты знаешь, да. Не с первого раза я полюбил его, но теперь он для меня как «Ирония судьбы» на Новый год, хоть и знаю каждый эпизод, но смотрю с удовольствием... – Марченко покосился на Аркадия. – Тебе до этого говорили, что ты похож на Джорджа Клуни?

– С тех пор как поседел, слышу это постоянно.

- Это прикольно.
- Наверное, – равнодушно пожал плечами Аркадий.
- Ты женат?
- Был, развелся четыре месяца назад. Поэтому и переехал. В Волгограде уже ничто не держало.
- А дети?
- Дочка шести лет. Улетела вместе с мамой в Швейцарию.
- Отдыхать?
- Жить. Моя бывшая второй раз вышла замуж. Пока я работал с утра до ночи, она крутила виртуальный роман со швейцарцем. Винить ее за это глупо, она красавица, которую оставлял без внимания муж, поэтому я считаю, что сам виноват во всем. Но я не могу простить ей того, что она сразу не рассказала о своем женихе. Полетела в Прагу на четыре дня, чтоб, как сказала, развеяться, а на самом деле там у нее была назначена встреча с кавалером.
- Оставила пути к отступлению на случай, если что-то пойдет не так.
- Именно. Но это же нечестно, – с болью проговорил Устинов. – Если бы не сложилось, она вернулась бы ко мне, сделав вид, что ничего с другим мужчиной у нее не было. Изменила и забыла, так? Как будто пукнула нечаянно, а никто этого не заметил?
- Если бы этот швейцарец ей не понравился, не было бы и измены.
- Они занимались виртуальным сексом до того, как переспали в реальности. Она влюбилась в него до встречи в Праге. Они обсуждали совместное будущее, когда мы были еще женаты... – Аркадий разволновался. Тема, по всей видимости, была больной для него, и Марченко уже пожалел о том, что ее затронул. Но, с другой стороны, рано или поздно это случилось бы. – Я не изменял жене. Хотя возможности были. Я воздерживался и от романов на стороне, и от одноразового секса. Несовременно? Глупо? Не по-мужски, ведь принято считать, что мы полигамны. Может, и полигамны, но я вот такой... Не мачо, хотя выгляжу как он. Один из моих коллег вслух высказал предположение, что я веду себя как целка, потому что импотент. Пришлось набить ему морду. – Аркадий шумно выдохнул, затем вскочил, чтобы налить себе воды. – Если бы я влюбился в другую, я сообщил бы об этом жене, и она сама бы решала, оставаться со мной, ожидая, когда пройдет мое помешательство, или уходить.
- А если б просто переспал? По пьяному делу или куражу?
- Это не по мне. По молодости да, трахал все, что движется. Но, когда повзрослел, понял, что хочу заниматься сексом с одной-единственной и

любимой.

– Где ж вас таких идеальных делают-то? – пробормотал Тарантино. Он тоже был женат. И имел ребенка, только мужского пола. Супругу он обожал, но изменял ей, пусть и не часто. Имелась давняя подруга, к которой Костя заезжал иногда, появлялись и случайные барышни. Тарантино не считал секс на стороне чем-то зазорным. Главное, чтоб дома не узнали.

– Давай закроем тему, а то я работать не смогу, – решительно заявил Аркадий и потрянул своей красивой головой. – Передо мной список всех, кто был вчера на площадке во время убийства. И он, скажу тебе, большущий. Только посторонних шесть человек.

– Писатель с племянником, сестры... А кто еще?

– Продюсер юную любовницу привел, да оператор – сына-первокурсника, в ГИТИСе учится по той же специальности, что и батя. Посмотришь список? – Костя кивнул, и Аркадий протянул ему листок. – На данном этапе, кроме исполнителей главных ролей, подозревать некого.

– Согласен. Хотя и эти двое мне кажутся безобидными.

– А что, если Большого Уха отравили не на студии?

– Ты же сам разговаривал с криминалистом, который зуб дал за то, что яд хоть и не сразу начинает действовать, но первые симптомы появляются через двадцать-тридцать минут. Мы проверили журнал, потерпевший уже в одиннадцать был в павильоне. Он расставлял столы, доставал одноразовую посуду и прочее.

– Сам он что пил?

– То же, что и все.

– Посуда?

– На свалке. Ее не найти.

– Надо попытаться.

– Ты меня туда посылаешь?

Тарантино растянул рот в акульей улыбке:

– Новичкам достается все самое лучшее.

Аркадий тяжело вздохнул, но спорить не стал и направился к двери.

– Как приедешь, хорошенько помой руки. Нам из них сало кушать, – вдогонку крикнул Тарантино.

Глава 7

Большой черный автомобиль подкатил к подъезду, и через пару минут из него показались Таня и Аня. Бабули, что сидели на лавочке, переглянулись. Обычно сестры Сомовы днями напролет сидели в квартире, редкий раз выбираясь куда-то, и, если дорога предстояла дальняя, вызывали такси. Но за последние двое суток близняшки умудрились покататься на нескольких машинах. Самым, конечно, запоминающимся был белый лимузин, но и этот черный автомобиль производил мощное впечатление. Тем более дверь перед сестрами открывал водитель в костюме и форменной фуражке... Как в кино, право слово!

– Добрый вечер, – поприветствовала бабушек Таня. Она была милой девочкой, вежливой, не то что сестра. Та если не грубила, то игнорировала соседей.

– Здравствуйте, девочки, – первой откликнулась баба Шура, она жила через стенку от Сомовых. – Откуда это вы прибыли?

– Из итальянского ресторана, – надменно проговорила Аня. Снизойшла до ответа, ишь ты.

Тут сверкающая дверь авто распахнулась, и из салона показался... Кхал Дрого! Баба Шура, в отличие от товаров, смотрела не русские сериалы, а «Игры престолов», и всех героев знала. Имена некоторых, особенно трудные, записывала. Вождь кхалов ей особенно нравился. Жалко, умер быстро.

– Анечка, ты забыла сумку, – крикнул здоровяк и бросился к сестрам.

– Ой, какая я растеряша, – не своим голоском прочиркала Аня. Что до мужиков охоча была, поговаривали, но баба Шура до сегодняшнего дня в этом сомневалась. – Спасибо, Абзал.

– Не за что, звоните, девочки... Доброй ночи. И вам, – Абзал повернулся к бабулям и чуть склонил голову.

Бабушки расплылись в улыбках. Особенно широко растянула рот баба Шура.

– Видишь, даже старухи равнодушны к нему, – шепнула на ухо сестре Аня.

– Я не спорю, он обаятельный мужчина...

– Он просто чудо.

– Аня, Таня, а это кто? – не смогла сдержать любопытства баба Шура.

– Наш друг.

– И где вы познакомились?

– Не ваше дело, – отбрила ее Аня. – Но привыкайте, скоро будете видеть его часто.

– А вчера под вашими окнами другой какой-то ходил...

– Малахольный?

– Нет, нормальный парень. Не такой, конечно, красавец, как этот, но тоже ничего. Не басурманин опять же, наш.

– А вот вам, баба Шура, кто из этих двоих больше понравился?

– С каких это пор тебе мое мнение интересно, Анька? – удивилась баба Шура.

– Ответьте, пожалуйста, – снизошла до просьбы Аня.

– Внешне сегодняшней. Аж дух захватило, когда глянула на него. А замуж бы за вчерашнего пошла, видно, что парень положительный и гулять не будет, в отличие от Тхала... Как бишь его? Абзала, кажется.

Аня многозначительно посмотрела на сестру.

– А что, это женихи ваши? – заинтересовалась баба Шура. – Если да, то блондин Танюшкин. Я угадала?

Но Аня потеряла интерес к беседе с соседкой и повлекла сестру в подъезд.

– Видишь, даже у старухи от Абзала дух захватило, – проговорила она сердито, когда дверь за ними закрылась.

– А Женю она назвала положительным и надежным, – заметила Таня.

– Мы выбираем того, кто станет нашим первым! При чем тут человеческие качества?

– А как без них?

– Очень даже просто. Нам нужен самец, а не бесполое чудо в листьях.

– Тебе – не нам.

– Так уж получилось, что у нас с тобой одно тело. Или ты забыла?

Аня отперла дверь в квартиру и толкнула ее своей ногой. Тане пришлось схватиться за стену, чтобы они обе не упали. Они давно научились координировать свои движения, но если одна из них резко выбрасывала одну из конечностей, баланс нарушался. Обе знали об этом и старались избегать таких движений, но Аня была на взводе и забыла об осторожности.

– Успокойся, пожалуйста, – попросила Таня.

– Я хочу выпить, – заявила сестра.

– Но мы уже сделали это в ресторане... – Под пасту с морепродуктами сестры пропустили по фужеру дивного флорентийского вина. Абзал воздержался и от него, и от сытной еды, скушал салат с рукколой и выпил

стакан минералки – он собирался на тренировку сразу после того, как отвезет Сомовых домой.

– Мне нужен крепкий алкоголь, чтобы успокоиться, – заявила Аня. – Ты бесишь меня весь день, и я ничего не могу с собой поделать.

– Ты выпила все, что было в доме из спиртного.

– А вот и нет, у меня есть заправка – четвертачок водочки, – с воодушевлением проговорила Аня.

– Я как будто с алкоголиком разговариваю, – вздохнула Таня.

– У алкоголиков бухло не залеживается, а я храню водку уже пару месяцев.

– Ты же ее не любишь.

– Мы с тобой собирались настой на мухоморах делать, помнишь? Для суставов. С тех пор и лежит. Да, я водку не люблю, но коль больше ничего нет...

– Ты несколько минут назад напомнила мне, что у нас одно тело, поэтому я прошу тебя бережно к нему относиться. Ты губишь НАШУ печень своими возлияниями.

– А ты клюешь МОЙ мозг. Изо дня в день.

Аня распахнула настенный кухонный ящик, достала из него четвертную бутылку водки с сомнительной этикеткой. Для настойки они взяли самую дешевую, но пить ее, как казалось Тане, было опасно. Однако сестра смело налила водку в стакан и разбавила ее соком.

– Может, сначала умоемся и переоденемся?

Аня махнула на нее рукой и сделала добрый глоток своего коктейля.

Таня же взяла лейку и стала поливать растения, стоящие на подоконнике. Детское увлечение цветами не прошло, а переросло в страсть. Сначала они, потом поэзия, далее все остальное – кино, театр, этническая музыка. Таня выращивала не только цветы, но и другие растения: папоротники, мхи, даже карликовые деревья. Большинство из них продавала через интернет. Но любимцев оставляла. На данный момент ее фаворитом был псевдолитос, больше похожий на морской камень, поросший водорослями и кораллами, чем на растение.

– Все, я готова вернуться к разговору, – услышала она голос сестры, а когда повернулась к ней, уловила резкий запах... ацетона. По ощущениям Тани, дешевый алкоголь вонял именно так.

– Закуси, пожалуйста, – попросила она, – от тебя несет.

Аня запустила руку в вазочку с сушками и взяла целую горсть.

– Мы переспим с Абзалом, и точка, – заявила она, отправив в рот первую сушку.

– Нет.

– А потом, так и быть, с твоим чудом.

– Еще раз повторяю – НЕТ, – повысила голос Таня. Аня была удивлена. Обычно именно она покрикивала на сестру, а та старалась ее умиротворить. – Я всегда мечтала подарить свою девственность любимому. А тебе просто хочется трахаться. Поэтому если мы и займемся сексом, то сначала с Женей. Ты сама говорила, что готова ради меня потерпеть...

Сестра нахмурилась. Она стала заложницей своих же обещаний, и это ей не нравилось. Допив свою алкогольную бурду, она выпалила:

– Хорошо, я согласна на твоего кандидата, но только не на Женю.

– Почему?

– Он какой-то недоделанный. Не хочу я его.

– Соседа-алкаша хотела, а его нет?

– И соседа не хотела. Но тогда у нас выбора не было, понимаешь? – Сестра сдерживала эмоции, хотя это давалось ей тяжело. Пыталась убедить Таню, думая, что получится. Но та свое решение приняла и отступать не собиралась. – Появись твое чудо в листьях еще месяц назад, я бы рукой и ногой за него была...

– Ты влюблена в Абзала? – прервала ее Таня.

– Да.

– Не ври.

– Я прусь от него.

– Это другое, – твердо заявила Таня, пристально глядя на сестру. – Испытываешь ли ты к нему чувства?

– Да я его не знаю...

– Вот именно. А я знаю Женю два года. И могу сказать совершенно определенно, что люблю. Поэтому или он, или никто.

– Да он не знает, как к обычной женщине подойти, а уж к нам... – Аня начала распалиться. – Таня, он будет писать тебе стихи и дарить кусты, но под юбку не полезет. И если тебя эти платонические отношения устраивают, то меня нет. Давай переспим с Абзалом, а потом води хороводы со своим Женей. И если у вас дойдет до секса, ты смело скажешь ему, что он первый. Потому что Абзал – мой. Можешь просто лежать рядом, накрывшись покрывалом, будто и нет тебя. А девственной плевы у нас давным-давно нет.

– Как нет? – ахнула Таня.

– Сестренка, когда ты спишь, я удовлетворяю саму себя разными способами.

У Тани увлажнились глаза.

– Какая же ты мерзкая, – прошептала она, не скрывая отвращения.

– Какая есть, – пожалала плечом сестра и налила себе водки. Без сока.

– Абзал не захочет тебя!

– Он уже... хочет.

– Ты себе это придумала.

– Как ты придумала себе любовь? – сморщилась Аня. – Признайся, уже мечтаешь о романтических отношениях с чудом в листьях, представляешь ваши шуры-муры, даже свадьбу...

– Что в этом плохого? Каждая мечтает о простом женском счастье, и такие, как мы, находили его. Нурлан Джумаев рассказывал мне истории о сиамских близнецах, которые выходили замуж, рожали детей.

– Они были звездами фрик-шоу. Я гуглила. Наверняка мужья просто жили за их счет. Или были извращенцами. Спать с ними – одно, а любить – другое. Я призываю тебя пользоваться моментом и получать удовольствие от жизни, а не тешить себя иллюзиями.

– Женя посвятил мне стихотворение после того, как узнал, какая я. В нем столько чувств... – мечтательно вздохнула Таня. – Хочешь, я прочту тебе?

– Нет, – отрезала Аня. – Пойдем умываться и раздеваться. Я мечтаю лечь и посмотреть какой-нибудь ужастик.

Татьяна кивнула, и они отправились в ванную.

Через двадцать минут Сомовы были в кровати. Аня снова намешала себе коктейля и, потихоньку допивая его, смотрела «Ходячих мертвецов», а Таня перечитывала стихи Жени и ждала, когда он появится в сети. Друг с другом сестры не разговаривали.

Часть третья

Глава 1

Чаплин проснулся за пять минут до звонка будильника. Открыл глаза и покосился на барышню, что спала рядом. Как ее звали, Эд не помнил. Они вчера познакомились и спустя два часа поехали к нему домой. Вообще-то Чаплин воздерживался от половых контактов, когда приступал к съемкам. Он верил в сублимацию и копил, а затем направлял всю свою нерастраченную сексуальную энергию на творчество. Но вчера выдался такой паршивый день, что Чаплин не смог отказать себе в маленькой радости.

Он протянул руку к тумбочке и взял в руки телефон, чтобы отключить будильник. Барышня завозилась. Эд не хотел тревожить ее раньше времени, поэтому замер. Старался не для нее – для себя. Проснется сейчас, начнет щебетать, шастать по квартире, а то и завтрак ему готовить. Ни одна из бывших Эда не умела пожарить приличной яичницы, но каждая пыталась это сделать, чтобы заработать плюсик. Чаплин не скрывал того, что любит вкусно покушать, особенно утром. И ставил в пример свою матушку, которая поднималась раньше своих мужчин, чтобы приготовить им завтрак. Обычно яйца, но всегда по-разному пожаренные, иногда кашу, в выходные оладьи, блины, ленивые вареники.

Мама вообще была для Эдуарда олицетворением женского идеала. Если бы он встретил девушку, хотя бы частично на нее похожую, тут же повел бы в загс.

– Доброе утро, – услышал он сонный голос.

– Доброе.

– Пора вставать?

– Ты можешь еще полежать минут двадцать, пока я моюсь, бреюсь, – быстро проговорив это, Эд спрыгнул с кровати, чтобы с обнимашками к нему не лезли. Не любил Эдик этого.

– Дай мне минутку, я в туалет сбегая, – проговорила девушка (санузел в квартире режиссера был совмещенным). – Потом мойся, брейся.

– Даю две.

– Какой щедрый, – коротко рассмеялась девушка и помчалась в туалет.

– Красивая попка, – сделал комплимент Чаплин. Вчера он не обратил особого внимания на фигуру своей подруги. Понравилось лицо и зазывная улыбка.

– Мерси, – крикнула она уже из прихожей.

Чаплин накинул халат и прошел на кухню, чтобы попить. Пока наливал воду в стакан, прислушивался к себе, стараясь понять, гложет ли его вчерашнее дурное предчувствие. Вроде нет! Но и подъема не чувствуется...

– Ванная свободна! – донеслось до ушей Эда.

– Спасибо.

Он тут же направился к санузелу, радуясь тому, что барышня сразу ускользнула в комнату. Если она еще и квартиру его покинет, пока Эд принимает душ, будет просто чудесно.

Чаплин долго мылся и брился. Не из-за гостьи, просто задумался и потерял счет времени. Идея снять в фильме Аню и Таню пришла на ум еще вчера. Пока он не знал, как это обыграть, вот и ломал голову, стоя под льющимися на нее тугими водяными струями.

– Эй, ты там не уснул? – донеслось из-за двери.

– Выхожу, – ответил Эд.

Не ушла! Какое разочарование...

Когда Чаплин покинул санузел, то застал девушку полностью одетой и причесанной. У нее были темные волнистые волосы, которые она собрала в хвост. На лице ни грамма косметики, но без макияжа она Эду понравилась даже больше... Как и без зазывной улыбки. Не так сексуальна, но невероятно мила.

– Я похозяйничала немного на твоей кухне, – сообщила девушка. – Это ничего?

– Завтрак приготовила? – понял Эд.

– Да. Из того, что нашла в холодильнике.

– Там вареники в морозилке есть.

– До нее я не добралась. Пожарила тебе яйца и сделала гренки.

– Мне или нам?

– Я сразу после пробуждения только чай пью. На работе позавтракаю.

– А где ты работаешь?

Девушка рассмеялась, запрокинув голову.

– Я говорила. Не помнишь, да?

– Мы познакомились у ворот киностудии... Наверное, там?

– В яблочко. А как меня зовут?

– Лена, – Эд выдал первое имя, что пришло в голову.

– Почти угадал. Карина. – Девушка как будто не обиделась: ни губ не надула, ни лоб не нахмурила. – Если ты трезвый все забываешь на следующий день, что ж с тобой пьяным творится?

– Я не пью. Алкоголь мешает моему творческому восприятию.

Карина поставила перед Эдом две тарелки. На одной омлет, на второй гренки. И, пожелав приятного аппетита, стала заваривать чай.

Чаплин сначала понюхал омлет и подковырнул его вилкой. Его все устроило. Попробовал. Оказалось, вкусно. Даже очень. Но когда очередь дошла до гренок... Он едва язык не проглотил.

– Ты фея? – пробормотал Эд, впившись зубами во второй кусок поджаренного хлеба – первый он умял за секунды. – И посыпаешь гренки волшебной пылью?

– Я поджарила их на сале и луке, ничего особенного, – ответила Карина.

– Тебе поваром работать надо.

– Я им и работаю, Эд. То, чем вас вчера кормили в обед, я настряпала.

– Слышала о том, что один из ваших умер?

– Естественно, нас всех допрашивали.

– Ты хорошо его знала?

– Хорошо я даже себя не знаю... – Карина резко встала. – Извини, я на секунду, нужно сделать звонок. – С этими словами она вышла из кухни.

Эд проводил Карину пристальным взглядом. Что-то в ней было не так. Вечером она вела себя как легкодоступная пустышка, утром как понимающая, ироничная, своя в доску подружка, но она была не той и не этой. Другой...

– Ты из дома сразу на студию? – спросила Карина, вернувшись.

– Да.

– Подвезешь?

– Конечно.

– Если тебе в тягость мое общество, скажи, я не обижусь, у тебя метро в ста метрах от дома, доберусь.

– Карина, хватит говорить глупости, – поморщился Эд. – Я с удовольствием тебя захвачу.

– Хорошо. – Девушка плюхнулась на табурет и стала пить чай, шумно втягивая его и громко проглатывая. Звуки эти приятными не были, и Эд поморщился. – Я тебя раздражаю, – усмехнулась Карина, вновь став своей в доску. – Ты уже и не рад, что притащил домой девушку. Но я тоже не в восторге от того, что притащилась. Но нам обоим вчера было нужно выпустить пар. Вообще-то я планировала уехать сразу после секса, но не смогла заставить себя встать с кровати. Когда открыла глаза, было уже утро.

Разговоры по душам в планы Эда не входили. Поэтому он, сделав пару глотков чая, встал из-за стола.

– Спасибо за завтрак, – сказал он. – Я одеваться. Через пять минут выходим.

Карина кивнула и стала собирать посуду. И делала это не потому, что хотела заработать плюсик, а на автомате. То ли профессия ее этому научила, то ли мама в детстве.

Когда Эд оделся и вышел из комнаты, Карина поджидала его в прихожей. Она заплела волосы в фигурную косу и покрыла блеском губы.

– Хорошо выглядишь, – заметил Чаплин.

– Ты тоже. Тебе идет гладкое лицо, брейся почаще.

Они обменялись улыбками и покинули квартиру. Спускались молча, но неловкости не испытывали, просто каждый думал о чем-то своем.

У Эда зазвонил телефон. Он достал его из кармана и глянул на экран. Иван Охлопков!

– Да, – бросил Чаплин в трубку.

– Доброе утро, Эд.

– Привет.

– Ты где?

– Из дома выхожу, собираюсь на студию.

– Поговорить бы.

– Там и поговорим.

– Нет, без свидетелей и помех. Не заедешь за мной?

– Слушай, я не один.

– Это важно.

– Хорошо, жди через двадцать минут. – И уже Карине: – Прости, но у меня появились дела.

– Без проблем, как я и сказала.

– Давай я тебе денег на такси дам?

– Я прекрасно доберусь на метро. Пока! – прощбетала Карина и, взмахнув на прощанье ручкой, унеслась. Она не бежала, но шла очень быстро.

Эд сел в машину и поехал. Тачка у него была хоть и не новая, но статусная – S-класса. Отец подарил. Если б Чаплин сам себе авто выбирал, купил бы уродский внедорожник. При больших деньгах «гелик», при малых – старый «крузак». Он сам не понимал, чем его привлекали эти машины. Ладно бы охотником или рыболовом был, имел дачу в деревне, до которой по раскисшей дороге не доедешь, так нет же, Чаплин по городу только катался.

Подъехав к дому Охлопкова, он посигналил. Ваня, живущий на первом этаже, вышел меньше чем через минуту.

– Я должен тебе кое в чем признаться, – выпалил он, заняв пассажирское сиденье.

– Слушаю, – осторожно проговорил Чаплин.

– Большой Ух не просто мой фанат.

– Я так и знал! – Эд в сердцах шарахнул по рулю. – У вас что-то было?

– Как же я устал от подозрений в гомосексуализме. Нет, было у меня с его сестрой. Через нее я познакомился с Маратом.

– «Санта-Барбара» отдыхает, – закатил глаза Чаплин.

– Нет, на сериал наша история не тянет, но я хочу рассказать тебе ее. В общем, так. Большой Ух меня преследовал, тут я не наврал. Как-то за ним под окна моего дома приехала девушка. С руганью загнала парня в машину, увезла. На следующий день вернулась, чтобы мне отдать браслет, что этот чудик у меня стащил. Обычный, из кожзама. Ух его просто как трофеем с моей руки сорвал. Познакомились. Оказалось, я с сестрой Уха дело имею. Они не родные, сводные, но девушка, хоть и была младше, чувствовала свою ответственность за брата. Она мне понравилась, мы начали встречаться.

– С сестрой своего ненормального фаната? – взревел Чаплин. – Ну, ты даешь.

– Его как раз в больничку положили, он нам не мешал, – отмахнулся Охлопков.

– В дурку?

– Да. Но в платное отделение, там щадящий режим, хороший уход... Почти санаторий. Большого Уха туда регулярно отправляли, чтоб он совсем с катушек не слетел.

– У них с сестрой богатые родители?

– Да, отчим Уха не бедный. И пляшет под дудку жены, а у той единственный сыночка, ради которого она готова на все.

– Об этом тебе его сестра рассказала?

– Да. Она бывала очень разговорчивой, но могла и молчать весь вечер. Я даже сомневаться начал, не родные ли они брат с сестрой. Думал, что и у нее расстройство личности. Но, оказалось, она просто не знала, как мне сказать, что дочь имеет. Типа я артист, сам в душе ребенок, и мне чужие дети не нужны...

– То есть у вас все было по-серьезному?

– Она думала так. Я же просто кайфовал. Мне рано жениться. Но если бы я захотел, ребенок не стал бы помехой. Тем более это очаровательная девочка... Сонечка. Мы познакомились. И отправились на любительское кукольное представление, где встретили Марата.

- Тогда зародилась ваша дружба?
- Да, мы как-то сразу поладили. И когда девушка предпочла его, я не бил ему морду, а спокойно ушел в сторону.
- Они до сих пор встречаются?
- Нет, Марат ее быстро бросил. Большого Уха из дурки выписали, но не долечили, что ли... В общем, он стал Марату досаждать, и тот ретировался. Жить ему было негде, я приютил, это нас еще больше сблизило.
- Так вы еще и живете вместе?
- Нет, сейчас разъехались. А ты опять не о том, – с досадой проговорил Иван. – Я к чему веду? Большой Ух нашел нас. Меня или Марата, не знаю. Может, обоих. Но не это меня удивляет, а то, что нас нашла его сестра.
- Не понял? – нахмурился режиссер.
- Она является вспомогательным членом съемочной группы, Эд!
- И кем же она к нам устроилась?
- Поваром. Готовит для нас обеды. И это шеф модного ресторана. У нее куча дипломов поварских, а она у нас в столовке макароны с котлетами готовит.
- Чаплин ушам своим не поверил.
- Поваром, говоришь? И как зовут сестру Большого Уха?
- Карина.
- Брюнетка с большими глазами?
- Ты тоже обратил на нее внимание? Интересная женщина. Манящая.
- «Да уж, заманила так заманила, – пробормотал Эд про себя. – Сама, можно сказать, ко мне в койку прыгнула... Но зачем? Нимфоманка? Не похоже. Коллекционер творческих единиц? Тоже не вариант. Чего-то от меня хочет? Но чего?»
- Как она могла устроить своего больного на голову брата на киностудию? – продолжил рассуждения Иван. – Зная, что там два его бывших или настоящих кумира...
- «Как она могла бросаться в объятия первого встречного, зная, что ее брат убит? – совсем другой вопрос задавал себе Эд. – Так переживала горе?»
- Мне кажется, она хотела отомстить нам.
- Что? – не расслышал Чаплин.
- Я быстро сдался, Марат вообще бросил ее... Карина могла точить зуб на нас и, чтобы поквитаться, притащила на площадку чокнутого братика, способного испортить нам жизнь.

- Ты рассказывал обо всем этом полиции?
- Нет, – пригорюнился Охлопков. – Поэтому и попросил тебя о встрече. Давай подумаем вместе, стоит ли.
- Утаить эту информацию – значит помешать следствию.
- А открыть ее – значит помешать съемкам.
- Если Карину прижмут, всегда найдется другой повар.
- Я о ней меньше всего думаю, – отмахнулся Иван. – Марат себя ведет странно. Нервничает и что-то недоговаривает. А он исполнитель сразу двух главных ролей.
- Давай тогда сделаем так, – предложил Чаплин, – я поговорю с ним, а потом вместе решим, как нам поступать.
- Да, правильно, – быстро-быстро закивал Охлопков. – Тебя она уважает и немного боится, значит, все расскажет.
- Чаплин глянул на часы, пора ехать. Он завел мотор и тронулся.
- А с Кариной ты говорил? – спросил Эд.
- Искал ее по окончании съемочного дня, но она как испарилась...
- Ее допрашивала полиция, значит, следствие знает, что Большой Ух ее сводный брат.
- Отец Карины и мать Уха официально не женаты, но... – протянул Иван. – Все равно же она сообщила о своем пусть не кровном и документально не подтвержденном родстве с ним?
- Скорее всего.
- Значит, мы можем ничего не предпринимать, полицейские сами все раскопают.
- Решим после разговора с Маратом...
- «И с Кариной», – добавил Чаплин про себя.

Глава 2

Нурлан этой ночью спал всего четыре часа. Лег в три, пробудился в семь. Причем легко. Точно как в молодости! Когда-то ему хватало четырех-пяти часов для того, чтобы полностью восстановить силы. Он мгновенно отключался и по внутреннему щелчку включался. Тогда Нурлан не понимал сонь, считал, что они впустую растрачивают жизнь. В последние же годы он им завидовал. Его измученный болезнями организм нуждался в покое, а Джумаева одолевала бессонница. Он мог всю ночь ворочаться и хватать за хвост дрему, но не удерживал ее дольше чем на несколько минут или проваливался в тягостное десятичасовое забытие после приема снотворного. И то и другое его выматывало больше, чем расслабляло. Нурлан пробовал прибегать к народным средствам: пил, перед тем как отправиться в кровать, теплое молоко с медом, совал под подушку травы, массировал виски эфирными маслами, но стойкого эффекта не получал...

Сегодня же он отлично выспался без каких-то вспомогательных средств. Включился и выключился, как в лучшие свои годы.

Приняв контрастный душ, Нурлан оделся и приготовился к выходу.

– Ты куда? – опешил Абзал, застав дядю в прихожей. Сам он только встал с кровати и даже халата накинуть не успел – остался в одних трусах.

– Хочу прогуляться.

– Пешком?

– Естественно, это же прогулка. – Нурлан присел на диванчик и стал обуваться.

– Можно узнать, куда ты собрался?

– Никуда конкретно. Просто имею желание пройтись. Когда устану, зайду в ресторан и позавтракаю. Хочу сырников. Как думаешь, подают их в ближайших к дому заведениях?

– Если немного подождешь, я составлю тебе компанию.

– Нет, я хочу побыть один.

– Какой-то ты странный сегодня, агасы, – разговор велся на русском языке, и Абзал воспользовался казахским «агасы», что означало «дядя».

– Нет, сегодня я ОБЫЧНЫЙ, – с нажимом произнес Нурлан. – Такой, каким ты меня не знал.

– Что это значит? – растерянно протянул Абзал.

– Я снова пишу!

– Это здорово... Наверное. – Племянник был начисто лишен

творческих способностей, поэтому плохо понимал таких, как дядя. – В смысле, если тебе от этого хорошо, то...

– Я писал до трех ночи и не мог остановиться. Усталость меня сморила, и я выключился. Вспомни, когда такое было? Я на износ работал, перенапрягался, но все равно мучился бессонницей. Тело и мозг уставали, а душа нет... Хотя она обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь...

– Почему это?

– Стихотворение такое есть. Ладно, я пошел, – поднявшись с диванчика, проговорил Нурлан. – Позвоню, когда найду место для завтрака. После поедем на киностудию.

– Буду ждать.

Нурлан снял с вешалки сумку с деньгами и документами, перекинул ее через плечо.

– Пилюлю принял? – спросил Абзал.

– Нет, взял пузырек с собой.

– Правильно, их нужно после еды пить.

Джумаев вышел за дверь. Вспомнил о том, что забыл взять с собой рукопись (писал от руки, как в самом начале своей творческой деятельности), но возвращаться не стал. И не потому, что плохая примета, просто он всегда может начать с чистого листа, а бумага в сумке имеется. Как и ручка.

Оказавшись на улице, Нурлан растерялся. Он не знал, куда идти. Обычно сразу садился в поданную к подъезду машину и доезжал на ней до нужного пункта. В окно, как правило, не смотрел, поэтому слабо представлял, куда лучше двинуться, чтобы получить удовольствие от прогулки. Хотелось насладиться архитектурой, атмосферой, запахами – каждый город пахнет по-своему... Заметить мелочи, до этого ускользающие от внимания... Всмотреться в лица прохожих... Влюбиться в то, что оставляет других равнодушными...

Так бы и стоял в нерешительности, если бы не группа китайских туристов. Их можно было встретить в любой точке мира и в самое, казалось бы, неподходящее для экскурсий время. Шумные, бесцеремонные, обвешанные гаджетами, они раздражали Нурлана. Поэтому он пошел в обратную сторону. Метров через триста увидел фонтан. Он не работал, но был полон воды. Ее не спустили, и образовалось что-то вроде болотца. Джумаев остановился возле него, достал из кармана пузырек с чудодейственными лекарствами и... Высыпал таблетки в воду.

Он начинает (в который уже раз) новую жизнь!

...Похоронив маму, Нурлан заперся дома и не выходил оттуда две

недели. Он исхудал, потому что почти ничего не ел (когда желудок сворачивался от голода, варил рис или пшено на воде – ничего, кроме круп, соли, сахара и чая, в доме не было), зарос и, можно сказать, запаршивел. Из-за стресса на теле Нурлана расцвели «розы» псориаза. Их нельзя было мочить, и он мылся частями и не каждый день.

Первое время он пил. Сосед предложил ему спирт по сходной цене, Нурлан приобрел его на последние деньги. Развел водой, из семисот миллилитров получилось два литра. В подарок сосед преподнес сухую смесь для приготовления соков под названием «Инвайт», сказал, добавишь в напиток, получится ликер. Нурлан так и сделал. Получившуюся бурду пил с отвращением, но она туманила мозг, и остальное не имело значения. Двух литров хватило на три дня. Сосед принес еще. Уже в долг. Нурлан выпил и эту бутылку, уже за сутки. Думал, умрет, но нет. Его только рвало несколько часов кряду, а голова болела так, будто сейчас лопнет. Нурлан так живо представлял, как она разлетается, что лег спать в ванне. Ему не хотелось, чтобы его мозги попали на стены, на которых висели портреты его умерших родственников.

Последующие дни проходили так же, как и предыдущие, только без алкоголя. Нурлан лежал, сидел, ходил. Он смотрел в телевизор, в книги, в альбомы с фотографиями, но ничего не видел. Пытался писать, но в лучшем случае марал бумагу. В худшем – она оставалась девственно чистой.

Неизвестно, чем бы все кончилось, помешательством или смертью от голода, если бы не пришло письмо от армейского друга Алана. Того самого, что не позволил Нурлану дезертировать. Тот приглашал Джумаева к себе в гости. Это было довольно странно, потому что парни практически не общались последнее время. Сначала писали друг другу письма, но уже через несколько месяцев прекратили. На 23 февраля присылали друг другу открытки – и только. О том, что произошло в семье Джумаева после смерти Зары, Алан не знал – Нурлан не посвящал его в свои беды.

Подумав немного, он решил ехать в Чечню. Денег не было (естественно, он остался без пятнадцати тысяч долларов), пришлось продать последнюю оставшуюся в доме ценность – дедушкин кинжал. Дав телеграмму другу, Нурлан отправился в путь.

На вокзале Грозного его встречал Алан. Он так сильно изменился с армейских времен, что Нурлан его не сразу узнал. Крупный, бритый наголо, но с окладистой бородой, он выглядел очень по-взрослому. Джумаев на его фоне смотрелся мальчишкой. Алан привез гостя в родное село, накормил, напоил, спать уложил...

Проснулся Нурлан не в кровати, а на земляном полу. Рядом с ним лежало еще трое. От всех жутко воняло. К запаху невымытых тел примешивался смрад экскрементов – ведро с ними стояло тут же.

Нурлан потряс за плечо лежащего рядом мужчину, тот вздрогнул.

– Где мы? – спросил Джумаев. – Что происходит?

– Новенький? Добро пожаловать в ад.

– Скорее уж в чистилище, – подключился к разговору другой. – Мы между раем и адом... Ожидаем своей участи.

– Я не понимаю.

– Джумаев, ты же умный, включи мозги.

– Мы знакомы?

– О да. – Мужчина, лежащий до этого спиной к Нурлану, развернулся. Лицо его было грязным, губы покрывала корка, если бы не небесно-голубые глаза, он слился бы им с землей. – Узнал?

– Леша? – неуверенно протянул Нурлан. – Климов?

– В яблочко.

Леша Климов был еще одним сослуживцем Нурлана. С ним он дружил постольку-поскольку, больше ему Алан нравился. Алексей был москвичом, сыном какого-то крупного чиновника. Отец отправил его в армию, чтобы она избалованного мальчишку научила жизни.

– Тебя тоже Алан в гости зазвал? – спросил Нурлан.

– На свадьбу. Я в подарок видеокамеру припер. На нее мое обращение и снимали.

– Какое обращение?

– К отцу. Алан хочет получить от него пятьдесят тысяч долларов. Если тот заплатит, меня оставят в живых.

– У твоего отца есть такие деньги?

– Найдет. Только мы с ним в ссоре, причем давно... Не знаю, захочет ли.

– Не сомневаюсь, что он сделает все, чтобы выволить тебя из плена.

– А твой?

– Что – мой?

– Отец. Он заплатит?

– Моего отца давно нет в живых.

– Но Алан об этом не знает?

– Нет.

Алексей сокрушенно покачал головой:

– Зря ты не сообщил ему об этом когда-то. Тебя и похитили лишь потому, что твой батя – большой человек. Насколько я помню, он

возглавлял какой-то сверхсекретный НИИ.

– Он был там ведущим специалистом.

– Его не на деньги обменять хотят, – снова вступил в разговор ближайший сосед. – А на технологию или что-то похожее. Сейчас такой бардак, что можно хоть сведения своровать, хоть оружие. Мой старший брат – командир ракетной части, он поставлял боевикам боеприпасы, но, когда они потребовали ракетную установку и он отказал, они взяли в заложники меня.

– А этот парень? – Нурлан указал на того, кто лежал прямо возле ведра и никак не реагировал на голоса.

– Русский солдатик. Такой, как мы когда-то, – ответил Леша. – Влюбился в чеченскую девушку. Она ответила взаимностью. Ее отец, когда узнал, сразу хотел горло ему перерезать, но Алан отговорил. С паршивой овцы хоть шерсти клок, сказал он. За него тоже требуют выкуп, но даже если родственники и заплатят, его все равно убьют.

Тут дверь в землянку, сколоченная из грубых досок, отворилась, и Нурлан увидел двух мужчин. Они тоже были наголо бриты и бородаты. Один из них прошел внутрь и взял за шкирку солдатика. Тот повис в его руке, как котенок. На лице парня живого места не было, одна сплошная рана. Казалось, он не понимает, что происходит. Но Нурлан заметил слезы в глазах мальчишки. Он знал, что его ведут на смерть...

Через десять минут Джумаев услышал автоматную очередь.

– Я буду следующим, – сказал он.

– Если за тебя заплатят, они отпустят. У них есть кодекс чести, которого мы не понимаем.

– За меня некому платить. Я один остался. И гол как сокол.

– Тогда молись... Если умеешь.

Но Нурлан не умел. Его родители были атеистами, и дети не проходили никаких религиозных обрядов типа мусульманского имянаречения или христианского крещения. Нурлана даже не обрезали в детстве. Ему дали право выбора. Решили, если захочет, сам уберет крайнюю плоть. Нурлан не захотел. Они жили в квартире со всеми удобствами, и вопросы гигиены решались при помощи теплой воды и мыла.

В тот же день увели Алексея и племянника вора-вояки. Нурлан долго прислушивался к звукам внешнего мира, но выстрелов не услышал. Это обнадежило. Единственного оставшегося пленника не покормили, но напоили. Еще ему сменили ведро. В диалог с ним никто из боевиков не вступал. Когда Нурлан обращался к ним, мужчины делали вид, что его

попросту не существует.

Когда в следующий раз дверь открылась, он увидел Алана. Бывший армейский приятель велел ему встать и следовать за собой.

Прошли в дом. Алан позвал одного из бойцов и велел надеть на Нурлана наручники.

– Помню, какой ты сильный, – сказал он. – Хотя с виду глиста глистой.

– За что ты со мной так, Алан?

– Ничего личного, Нурлан.

– Не думал я, что ты станешь террористом.

– Я патриот, – спокойно возразил Алан. – Сражаюсь за землю свою. А на войне все средства хороши.

– Ты предал дружбу.

– А ты предал религию своих предков. Отверг ислам. Я не дружу с неверными. – Алан открыл ящик и достал из него видеокамеру. – И если б Аллаху было угодно, ты не попался бы в ловушку. Тебя никто насильно сюда не тащил. Как и Алексея. Кстати, с ним все в порядке, едет домой сейчас. Мы не звери.

– А как же тот солдатик, которого вы расстреляли?

– Он обесчестил пятнадцатилетнюю девушку. За это был наказан.

– Только не говори мне, что он единственный, кого вы убили.

Алан тяжело посмотрел на Джумаева.

– И следующим буду я.

– Отец не выкупит тебя?

– Его давно нет в живых. Как и мамы.

– Ты не писал, что он умер. А я спрашивал, как у тебя дела. Ты отвечал, все хорошо.

– Формальный вопрос, такой же ответ, – хмыкнул Нурлан. – А вы, прежде чем похищать людей ради выкупа, наводили бы о них справки. Нельзя же так... на авось. Глупо.

– Твой приезд мне ничего не стоил, – пожал плечами Алан. – Но он в любом случае принесет прибыль. Ты из обеспеченной семьи, к тому же именитой – сам говорил, что отец из древнего рода, – поэтому наверняка найдется тот, кто заплатит за тебя: дед, дядя, кузен.

– Моего отца расстреляли за измену Родине. Как думаешь, сколько родственников после этого продолжили общение с вдовой и сыном предателя?

– Но ты еще и известный в Казахстане писатель...

– Который сидит без гроша. – Нурлан указал подбородком на видеокамеру. – Так что она тебе не понадобится: не для кого записывать

обращение. Бери автомат, и покончим с этим. Я готов к смерти.

Он кривил душой, когда говорил это.

Еще три недели назад, когда Нурлан вливал в себя литры алкоголя, он хотел умереть. Вернее, ему так казалось. Уснуть бы и не проснуться, бормотал он, закрывая глаза. Но и тогда Нурлан не был готов к смерти. Как атеист он был убежден, что умирая... умирают. Нет никакого продолжения. Нет рая и ада. Как и реинкарнаций. Нет перехода из одного мира в другой. Он не станет тенью или облаком, не растворится во вселенной, не обретет иную форму или восприятие.

Он просто умрет! Выключится навсегда...

– Ты не готов, – услышал он голос Алана. – Я вижу это по твоим глазам...

– Это не важно. Так ведь?

– Как знать.

– Если ты хочешь, чтоб я умолял тебя сохранить мне жизнь, то вынужден тебя разочаровать, я этого делать не буду. Хочу уйти достойно. Ты прав, мой род пошел от Чингисхана. Мой прапрадед был султаном и мог бы стать ханом, если бы ханство не упразднили в девятнадцатом веке. В моих жилах течет кровь великого воина. Я не буду умолять. Убивай.

– Уважаю.

– Мне все равно.

– Если ты согласишься принять религию своих предков.

– Мои предки были изначально шаманистами. Ислам пришел к нам гораздо позже.

– Примешь его, останешься в живых.

– И вы меня отпустите?

– Нет, позволим присоединиться к нам. Ты сильный, умный, в тебе течет кровь великого Чингисхана. Такие, как ты, нужны нам.

– Я не умею убивать.

– Научим. Убивать не сложно. Сам это поймешь.

– Я не замараю рук кровью... Никогда! Так что убивай.

Алан разразился бранью, затем выкрикнул какой-то приказ на своем языке. В комнату вошли два бойца и схватили Нурлана под мышки.

– Я надеялся, ты сделаешь это сам, – выпалил он.

– Сделаю, как только придет время, – сумрачно проговорил Алан.

Джумаев удивился тому, что его ведут не на расстрел. Его вернули в землянку и даже накормили черствым лавашем и подгнившим помидором. Через какое-то время (трудно вести его счет, когда не только часов – окон нет) к Нурлану «подселили» соседей. Мужчину и женщину. Худого старика

и средних лет пампушку. Он был гражданином Германии, она – его переводчицей. Бюргер приехал в Чечню к невесте, которую ему нашла международная сваха, но попал не в ее мягкую постель, а в плен. Немца целенаправленно заманили в ловушку, а переводчице «повезло» оказаться с ненужным человеком в ненужном месте.

Самого же Нурлана вскоре увезли в лагерь боевиков, располагающийся высоко в горах. На ноги надели кандалы и заставили убирать за скотиной и мыть нужники. Если Джумаев хорошо справлялся с этим, его кормили, нет – оставляли голодным. Можно сказать, поступали справедливо...

Алан сделал для бывшего армейского друга все что мог.

Через пару недель к ним привезли переводчицу. Нурлан узнал ее только по голосу. От симпатичной пампушки ничего не осталось. Перед ним предстала изможденная тетка с синими мешками под глазами и разорванным ртом. Как оказалось, немец спас только свою шкуру. За освобождение переводчицы с него дополнительно потребовали жалкие десять тысяч долларов, но он платить отказался. Кто она ему? Даже сыну-наркоману денег на реабилитацию не дал, сам ввязался, сам пусть выкручивается... А тут какая-то посторонняя!

Ночевали Нурлан и Катя (так звали женщину) в одном подвале. Днем работали. Он возился с навозом и человеческим дерьмом, она обслуживала боевиков. Имели ее только новобранцы. Для командиров Катя была не слишком хороша...

Она покончила с собой через два месяца. Умудрилась стянуть у одного из бойцов пистолет и пустила себе пулю в рот.

А Нурлан продолжал существовать. Он не собирался кончать с собой или провоцировать бойцов на то, чтоб его прикончили. Достаточно было плюнуть одному из них в лицо, чтоб лишиться жизни. Но Нурлан ходил, опустив глаза. Старался казаться невидимкой. Если его толкали, падал и лежал лицом вниз. Даже если оно погружалось в навоз. Он копил в себе ярость.

Алан говорил, что убивать не трудно. И Нурлан все больше склонялся к тому, что он был прав. Но одно дело лишать жизни того, кто тебе ничего дурного не сделал, а другое – уничтожить врага. На первое Джумаев не подписался бы и сейчас, а вот второе уже казалось заманчивым. В списке тех, кого бы он без сожаления прикончил, было три человека. В принципе, Нурлан каждого по отдельности мог лишить жизни в любое время. Да, боевики с оружием, а у него на ногах кандалы, но они не ждут нападения от Вонючки (его так называли, и он обязан был откликаться) и не

подозревают, насколько он силен. Но Нурлану мало было умертвить одного, даже всех трех – мало, он еще и в живых хотел остаться. Иначе какой смысл в убийстве врагов? Секундное удовлетворение? Нет, этого мало. Нурлан хотел наслаждаться победой над ними значительно дольше, поэтому пока копил ярость.

А заодно знания. Нурлан учил чеченский, пытался разобраться в географии места, где находился, запоминал имена командиров. Когда язык был более-менее освоен (не без помощи детского учебника русского языка для местных школьников, страницами которого подтирали задницы боевики), Джумаев начал записывать на подкорку все, что слышал. К нему относились как к дерьму, которое он убирал, поэтому не опасались. При нем обсуждали многое, если не все. Враги Вонючки недооценили его, за что и поплатились...

Нурлан мог снять с себя кандалы за минуту: он давным-давно научился открывать замок при помощи ножа. Да, у него был нож. А еще с десяток патронов, бутылка чистящего средства (им он заливал нужники) и спички. При помощи всего этого можно было устроить взрыв. Но Джумаев не торопился. Ждал момента. И он наступил.

В лагерь пригнали пусковую установку. Возможно, именно ту, ради которой похитили того парня, что обитал в землянке вместе с Нурланом, Алексеем и солдатиком. Ее оставили под присмотром шестерых бойцов. Остальные «патриоты» уехали в село, то, где обитал Алан.

Караул несли по двое. В первой паре не было тех, кого бы Нурлан без сожаления прикончил. Поэтому он дождался, когда в караул выйдут два шакала. Он именно так называл их про себя. Оба были жалкими и злобными. Шавками, бросающимися на более слабых, потому что сильные им не по зубам.

Нурлан освободился от оков, открыл дверь. Ее запирали на обычный засов, который отодвигался ножом. Покинув подвал, он вышел на воздух. Конвоиры не спали. Они сидели у костра и курили гашиш. Один говорил другому о том, что дурь действует на него весьма странно, после дозы нестерпимо хочется по большой нужде. Нурлан отошел к уборным и стал ждать. Когда шакал ввалился в туалет, он прыгнул на него сзади и сжал согнутой в локте рукой горло. Когда противник обмяк, сунул его головой в дырку. Хотелось бы утопить в дерьме, да времени на это нет. Если что, потом вернется.

Второго он убил сразу. Подкрался и перерезал горло. Горячая кровь хлынула на руку Нурлана, но он не испытал омерзения...

Алан был прав, убивать не сложно.

Далее события развивались стремительно. Нурлан предполагал, что у него есть время на то, чтобы обдумать последующие действия, но он услышал рев мотора. В лагерь кто-то ехал. Возможно, раньше времени возвращались его обитатели. Пусть не все, но некоторые.

Нурлан бросился к пусковой установке. Она не была заряжена. Но и без снарядов представляла угрозу. Машина на восьми колесах. Нурлан, подхватив автомат покойника, запрыгнул в кабину. Вскоре увидел открытый «УАЗ». В нем сидели четверо. Среди них Алан. Как понял Джумаев, его привезли для того, чтобы показать установку.

Мужчины оставались в машине некоторое время, что-то обсуждали. Нурлан мог снять их очередь из автомата. Но он поступил иначе. Завел мотор и дал газу. Пока боевики соображали, что к чему, гигантский бронетранспортер врезался в морду внедорожника. Послышался скрежет металла, показавшийся Нурлану писком мыши, попавшей под лапу слона. «УАЗ» был подмят за считанные секунды. Водитель и двое пассажиров погибли на месте. Алан смог выпрыгнуть. Но далеко не ушел. Его ногу придавило сиденьем, судя по всему, серьезно, потому что он не бежал, даже не шел, а полз. Автомат остался в «УАЗе», и он мог отстреливаться только из пистолета...

Пули отскакивали от бронированного стекла.

На шум выскочили остальные обитатели лагеря и тоже принялись палить. Нурлан не стал на них отвлекаться. Ему нужен был Алан. Именно его он хотел убить в первую очередь. Не шакалов, что издевались на нем и смешивали с дерьмом, а своего спасителя... Ведь если бы не он, другого не было бы. И он не об ужасах рабства думал, когда проклинал Алана, а о своем падении. Он при жизни рухнул в ад, научившись люто ненавидеть, и тем самым потерял себя.

Нурлан наехал на Алана левым передним колесом. И медленно расплющивал его тело, пока не погреб его под тоннами металла. После этого он выехал из лагеря и покатил вниз по горному серпантину. Нурлан знал, куда нужно двигаться, но понимал, что установку нужно бросать. Спустившись в предгорье, он поджег ее, а дальше двинул пешком. И все равно шансы на спасение были ничтожны.

Однако Джумаеву повезло. Но дороге он встретил машину Красного Креста. Изможденного путника подобрали и увезли в Грозный. А через две недели Нурлан вернулся к себе в Казахстан.

Глава 3

За сестрами Сомовыми киностудия прислала «Рено-Логан». Даже не вчерашний «Форд». Аня, глянув на машину, поморщилась.

– Завтра будет «Запорожец»?

– Перестань выпендриваться, – осадила Аню сестра, – до недавнего времени мы на «логанах» и ездили, потому что вызывали такси-эконом.

– К хорошему быстро привыкаешь.

– За раз? – хмыкнула Таня.

С сестрой она разговаривала сегодня как ни в чем не бывало. Давным-давно, еще в детстве, они договорились не переносить ссоры на завтра. И как бы ни были злы друг на друга вечером, утро начинали с улыбки. Пусть и натянутой. Два человека, живущих в одной квартире, вынуждены идти на компромисс друг с другом... А что говорить о тех, кто заперт в одном теле?

– Сегодня на студию поедет и Нурлан, – сообщила Аня сестре. – Абзал прислал мне СМС.

– Это хорошо.

– Что именно? То, что Абзал...

– Что Нурлан будет, – прервала ее Таня. – Он мне очень нравится.

– Надеюсь, не как мужчина? – напряглась сестра.

– Как человек. Он такой глубокий и интересный.

– Загадочный.

– Разве?

– Я пыталась нарыть на него сведения, но безрезультатно. Ничего, кроме сухих официальных данных. Да и их крайне мало. Как и не жил...

– Просто не хочет выставлять напоказ свое прошлое.

– Значит, есть что скрывать.

Тренькнул Танин телефон. Она достала его из кармана, глянула на экран и улыбнулась.

– Только не говори мне, что это чудо в листьях тебе пишет с утра пораньше, – насупилась Аня.

– Да, это Женя. Прислал поэтическую зарисовку.

– Одними стихами сыт не будешь. Когда мы станем звездами, он так и останется осветителем.

Таня залиvisto рассмеялась. Аня помрачнела еще больше.

– Ты же знаешь, я ненавижу, когда надо мной смеются, – процедила она.

– Я не над тобой, – поспешила успокоить сестру Татьяна. – А над твоим прогнозом. Евгений Бородин вот-вот прославится. Его протезирует друг, Данила Кукуся, ты должна его знать, хоть и не увлекаешься поэзией...

– Он пишет классные тексты к песням, – оживилась Аня.

– Да. И этот человек позавчера, кажется, познакомил своего издателя с творчеством Бородина.

– А он тебе не врет?

– Женя? – удивилась Таня. – Ты что, обалдела? Он самый искренний и честный человек из тех, кого я знаю.

– Ты его не знаешь.

– Ошибаешься.

Снова сработал сигнал, оповещающий владельца телефона о доставке сообщения.

– Опять чудо в листьях? – поинтересовалась Аня.

– Нет. Это Чаплин. Хочет, чтобы мы сразу, как приехали на студию, нашли его.

– Зачем, не говорит?

– Спросить?

– Не стоит. На месте разберемся, – махнула рукой Аня. – Но я, кажется, знаю, что он задумал.

– И?

– Снять нас в кино. Я слышала, как он говорил о том, что костюм не дает нужного эффекта реалистичности.

– Да, но будет еще компьютерная обработка.

– Зачем, если есть мы? Да, мы не актрисы. Сыграть не сможем, но выступить дублерами... – Аня пристально уставилась на сестру. – Только не говори мне, что ты откажешься от этого, иначе поругаемся так, как никогда.

– Я соглашусь, – Таня успокаивающе похлопала сестру по руке. – Не вижу ничего плохого в том, чтобы работать дублером. Это гораздо лучше, чем тупо просиживать на диване весь день и изображать талисман.

– Хоть в чем-то наши мнения совпали, – с облегчением вздохнула Аня. – А то мы с тобой в последнее время постоянно спорим.

– Потому что ты привыкла к тому, что я тебе уступаю, но сейчас этого делать не намерена.

Аня закатила глаза и отвернулась к окну. А Таня стала представлять их первое свидание с Женей, но не в радужном свете... Куда бы они ни пошли, с ними будет третий лишний.

В подростковом возрасте, когда все девушки упиваются

романтическими грезами, Таня, ничем от остальных не отличающаяся, фантазировала на тему прекрасного принца. Она представляла его примерно таким, как Женя Бородин. Не внешне (обычно герои ее романов имели лица популярных артистов), но по внутреннему содержанию. Он писал стихи, видел прекрасное в обыденном, хорошо ладил с людьми. Был немного старомоден, начитан, предан семье. С таким мужчиной Татьяна мысленно гуляла осенью по парку, тому самому, через который Женя ходит к метро, зимой сидела в уютном кафе и пила грог, весной отправлялась в лес за подснежниками, а летом плескалась в ласковых морских волнах...

Татьяна уносилась в мечтах далеко, но неизменно обжигала крылья, как мифический Икар, и падала вниз. А лучше сказать, натыкалась на бетонный потолок реальности и падала на землю...

Никогда... никогда-никогда... не будет так, как ей мечтается. Потому что куда бы Таня ни пошла и ни поехала, ее будет сопровождать сестра. А коль так, не получится идиллии. Аня будет все портить хотя бы из вредности. Была бы она похожа на Таню, было бы проще, но сестра прямая ее противоположность...

– Приехали, барышни, – услышала она голос водителя.

– Спасибо вам.

– Не за что, красавицы.

Мужчина широко улыбнулся. Он старался не пялиться на Сомовых, но взгляды в зеркало кидал.

Девушки вышли из машины.

– Симпатичный чувак, да? – обратилась к сестре Аня. То, что их называли красавицами, миг улучшило ее настроение.

– Обычный.

– Нет, у него такие глаза яркие-зеленые... А ресницы аж до бровей достают.

– Я не заметила.

– Наверное, потому, что свои прекрасные глазки он строил именно мне.

– Кто бы сомневался, – пробормотала Таня. Тут она заметила ассистента Чаплина и помахала ему рукой.

– Привет, девочки, вас ждет Эд, – выпалил он, подбежав к сестрам.

– Абзал с Нурланом еще не приехали? – поинтересовалась Аня.

– Пока нет.

– А Женя? – спросила Таня.

– Какой еще Женя?

– Осветитель. Женя Бородин.

– Понятия не имею.

Аня многозначительно посмотрела на сестру.

Ассистент провел Сомовых в павильон. Обе чувствовали себя в нем комфортно. Никакой неловкости, которую они испытывали в первый день. Все знакомое, почти родное. И люди уже не таращатся на них. Привыкли. Улыбаются приветственно и тут же возвращаются к своим делам.

– А вот и мои принцессы! – Чаплин, увидев сестер, распростер объятия. – Как всегда, сногшибательные! – Он обнял их и каждую поцеловал в щеку. – Мне нужно с вами кое-что обсудить.

– Ты хочешь, чтоб мы стали дублерами? – высказала свое предположение Аня. Она с первых минут начала обращаться к Эду на «ты».

– Нет. Вы достойны большего. Хочу сделать вас своим пожизненным талисманом.

– Это как?

– У многих режиссеров есть фишки. Например, у Леонида Гайдая в кадре всегда появляется черная кошка. Рязанов снимал самого себя в эпизодах. А Тарантино...

– Уму Турман, – проявила эрудицию Аня.

– Не совсем. Зои Белл, каскадершу. Она работала с ним на пяти фильмах.

– Мы согласны, если ты будешь брать нас на вручения премий, которые получишь за свои шедевры, – заявила Аня.

– Только с вами и буду на «Ники» и «Оскары» ходить, – со смехом пообещал Эд.

Пока Аня упивалась своим статусом талисмана, Таня осматривалась. Она искала глазами Женю. Людей в павильоне было много, они все двигались, говорили, взаимодействовали друг с другом и напоминали ей ос. Их Таня боялась. Когда-то в детстве они ее покусали. Сестру тоже, но она получила по заслугам – сама разворошила осиное гнездо, а Таня не смогла ей помешать.

– Доброе утро, – услышала она знакомый до сладкой боли голос.

– Привет, – Таня повернулась и встретилась взглядом с Женей. Они были одного роста, то есть Бородин был невысоким мужчиной. А по сравнению с тем же Абзалом – гномиком. – Это тебе... – Он протянул руку, в которой было зажато огромное желто-красное яблоко, только недавно снятое с дерева.

– Спасибо, – Таня поднесла его к носу и втянула аромат. – Какой запах дивный. Обожаю осенние яблоки.

– Я помню, – улыбнулся Женя. – Поэтому принес целый пакет. Сама

поешь и угостишь сестру.

– Женек, здорово! – Бородина заметил режиссер, и Тане было приятно от того, что Чаплин знает имя ее парня. – Ты чего к одной из моих нимф пристаешь?

– Он к ней подкатывает, – громким шепотом ответила за него Аня.

– Я за ней ухаживаю, – поправил ее Женя. Не смутился, не разозлился... Корректно осадил.

– Если намерения серьезные, я только «за», – Чаплин говорил это полушутя. Он явно симпатизировал сестрам Сомовым, но, как казалось Тане, не верил в то, что кто-то из них может по-настоящему заинтересовать мужчину. Для Эда они – диковинный талисман, крутая фишка, и только.

Чаплина окликнули. Сообщили, что актеры загримированы и готовы к съемке. Он тут же сосредоточился и направился к своему креслу. Женя тоже ушел, но перед этим поцеловал Танину руку.

– А если я скажу тебе, что влюблена в Абзала? – выпалила Аня. – И он ко мне равнодушен... Что будем делать?

– Но ты же не влюблена в него. Сама говорила.

– Я кривила душой. Теперь признаю, я без ума от него. И, мне кажется, это взаимно.

– Давай закроем эту тему. Хотя бы на время, – взмолилась Таня.

– Хорошо, – покладисто согласилась Аня. – Но ты уясни, что мы в одинаковом положении – обе влюблены и обе девственницы. Но для меня секс важен, а для тебя не особо...

Если бы Таня могла подчинить себе обе руки, то заткнула бы уши. Тема секса ей обрыдла. Будь ее воля, она отдала бы их вагину в полное пользование сестры! Как и печень – пусть гробит ее своими возлияниями. Татьяна воспринимала их тело как храм, а Аня... как вертеп. Она даже за гигиеной не следила. Если бы не Таня, ходила бы несколько дней немойтой.

– А вот и он, мой хан, – воскликнула сестра. – Посмотри, как он прекрасен!

Абзал, приближающийся к ним, на самом деле был хорош. Ему очень шли строгий костюм и белоснежная рубашка. Но Тане приятнее было смотреть на Нурлана в мешковатом пиджачке и тюбетейке просто потому, что он ей нравился, а Абзал нет.

Глава 4

Тарантино ненавидел себя. Не всегда, только сегодня.

А все из-за того, что проснулся не в своей кровати, и даже не на диване в кабинете, а у дознавателя Селезневой, которая ему очень нравилась, поэтому Костя старался держаться от нее подальше.

Вчера Устинов проставлялся. Кроме обещанного самогона и сала, было пиво и ведро пряной кильки. Еще овощи, в том числе консервированные, кастрюля картошки в мундире и несколько сортов хлеба – у Аркадия разбежались глаза, когда он зашел в частную булочную, что располагалась неподалеку от отделения, так что он захотел попробовать ВСЁ.

Сначала сидели вчетвером. Чуть позже к ним присоединились начальник отдела Каюмов и еще пара ребят-оперов. За ними подтянулись – Лаврушка с тестем (Седого всегда звали на сабантуи, но он впервые явился). Естественно, когда все пришли в кондицию, включили «От заката до рассвета». Предполагая, что начнется, когда дело дойдет до первой же сцены, в которой появятся Сет и Ричи – Тарантино и Клуни – Марченко и Устинов, Костя покинул кабинет. Он сходил в туалет, покурил на лестничной клетке, высунувшись в форточку. Самогон был ядреным. По шарам давал сразу, и Тарантино, выпивший стопок семь, был изрядно пьян. В таком состоянии его и застала Селезнева, покидающая свой кабинет на два часа позже, чем ее коллеги. Разговорились. Перекурили еще разок. Костя вызвался барышню проводить до дома – она жила на соседней улице. Пошли. Она позвала на чай, но выставила вино. Выпили. Поговорили по душам, но затронули и рабочие моменты. С женой не получалось такого диалога. Она работала старшим лаборантом в санэпидемстанции, у нее были свои «головняки», которые она оставляла за порогом их дома, того же ждала от мужа. А еще исполнения обещаний: сделать ремонт, отвезти ребенка в парк на качели-карусели, сводить ее наконец в ресторан. Тарантино все понимал. Он не самый лучший муж на свете. И это его печалило. Обычно сильно, до угрызений совести...

Но вчера он почувствовал себя свободным от печалей и обязательств. Поэтому, вместо того чтобы вернуться в отделение, как планировалось, он остался у Селезневой. Секс был вечером, ночью и утром. Последний, правда, уже омрачался угрызениями совести, но... как говорила матушка Константина... все равно уже нехорошо!

От дознавательницы Тарантино сбежал, даже кофе не попив. Надеялся, что будет первым, явившимся на службу, но не тут-то было. Марченко встречал Лаврушка.

– И куда это мы вчера пропали? – пропел он, хлебнув минералки из полуторалитровой пластиковой бутылки.

– По делам уехал срочным.

– Каким таким делам?

– Тебя не касается. – Костя заглянул в холодильник в надежде, что там есть что-то съестное, но он был пуст. – Вы что, все вчера сожрали, даже хлеб?

– Мы еще пиццу заказывали. Потому что Джорджи еще за самогоном съездил. Классный он мужик. Уважуха.

– Ты об Аркадии?

Лаврушка кивнул, затем открыл ящик стола и достал из него коробку лапши быстрого приготовления.

– На, поешь, – сказал он и кинул «доширак» Марченко. – Раз тебя не покормили там, где ты решал свои срочные дела. Кстати, мы в окно видели, как ты направлялся в соседний дом... К одной особе, которую мы все знаем. – Тарантино полоснул по коллеге взглядом. – Но ты не волнуйся, если что, мы подтвердим твое алиби. Ты только скажи, что за дела, чтоб версии совпадали. А то супруга твоя моей звонила вчера, уточняла, правда ли мы все в отделении...

– Коль, смилуйся, без тебя тошно, – взмолился Тарантино.

– Да ну тебя! – сердито отмахнулся Лаврушка. – Как будто другого времени не нашел, чтобы Селезневой под юбку залезть. Так хорошо сидели... Седой пришел в кои-то веки. А ты нас на бабу променял.

Марченко тяжело вздохнул. Вот что он за гад? И жене изменил, и коллег, можно сказать, боевых товарищей, обидел.

– Устал я, Коля, от ответственности. Перед всеми. Семей, вами... Только сейчас Седого понимать начал. Еще пара лет, и я начну прокурорам пинков давать.

– Тебе не простят, так что терпи еще как минимум лет десять. – Он встал с кресла, подошел к Косте и подвинул его бедром. – Я запарю тебе лапшу, а ты сходи, позвони жене. Успокой.

Тарантино с благодарностью кивнул и вышел из кабинета.

Разговора с супругой не получилось. Она была занята или обижена, а скорее и то, и другое, поэтому быстро отключилась. Костя в сердцах пнул стену, хотя правильнее было бы вlepить самому себе затрецину. Но и Селезнева – хороша! Заманивает женатых коллег к себе на якобы чай, как

будто холостых мало!

– Не виновата она, пощади, – услышал он голос Аркадия, а затем увидел его самого.

– Кто? – испугался Тарантино, решив, что озвучил свои мысли.

– Стена, – усмехнулся Устинов. – Здорово, – он подошел и протянул руку. Костя пожал ее. – Зря ты вчера свинтил, отлично посидели.

– Так получилось. Извини, если что.

Аркадий отмахнулся, и они вместе двинули к кабинету.

– А мы с тобой реально похожи на братьев Гекко.

– Тебя уже прозвали Джорджи, – сообщил Костя.

– Мои волгоградские коллеги так не заморачивались и нарекли меня Устином, по фамилии. А в школе дразнили Кирпичом.

– Почему?

– Я ходил на карате пару месяцев и всех уверял, что умею ребром ладони кирпичи разбивать. Как-то решил это продемонстрировать и сломал руку.

Марченко не стал озвучивать свое школьное прозвище. Открыв дверь, он пропустил Устинова, затем зашел в кабинет сам. Запах приправ защекотал ноздри, и Тарантино тут же бросился к коробке с макаронами.

А Лаврушка и Джорджи, поприветствовав друг друга, принялись делиться впечатлениями от вчерашнего сабантуя.

Марченко их не слушал. Он ел и думал. И думал на сей раз не о всяких глупостях – о работе.

– Нелепое какое-то убийство, – сказал он, доев макароны и выпив весь бульон.

– Если ты о последнем, то да, – живо отреагировал на его реплику Лаврушка. – Седой того же мнения. Мы вчера его ввели в курс дела.

– И что он думает?

– Считает, что Большой Ух погиб по ошибке.

– Выпил или съел то, что ему не предназначалось, – добавил Аркадий. Пластиковую посуду с киностудии на свалке отыскать не удалось, и было не ясно, с чем яд попал в организм: с едой или питьем. – Но я с ним не согласен.

– Почему?

– Да, он был немного ку-ку и сильно нервничал, когда разливал напитки, но убийца должен был контролировать емкость, в которую добавил яд. Это не крысиная отравка, которая бутылками продается, а редкое смертельное оружие. Будь я отравителем, я бы проследил за тем, чтоб оно попало точно в цель.

– Просто что-то пошло не так, – пожал плечами Лаврушка. – Такое часто случается. Поэтому так мало идеальных убийств.

– Как и жертв. На эту роль больше подходит Нурлан Джумаев. Богатый и загадочный. Или продюсер Панфилов, явно злоупотребляющий своей властью в мире кинематографа. Даже режиссер Чаплин, у которого может быть толпа завистников, в том числе среди членов группы. Но убили простого буфетчика.

– Его сестра уверяет, что у него нет врагов, – припомнил Тарантино. – Даже те, кого он преследовал, не особо страдали от его внимания. Да, он надоедал своим кумирам, но тем самым тешил их самолюбие.

– Слушайте, а если на самом деле убить хотели Нурлана? – вышел из недолгой задумчивости Лаврушка. – Он темная лошадка, возможно, казахский дон Корлеоне.

– Он же писатель.

– Был... В молодости. Где потом его носило, неизвестно. И вдруг бац – появляется, да не с пустыми руками. В них пачки денег, на которые он открывает масштабный бизнес, покупает виллы и даже острова...

– Откуда ты все это знаешь?

– Порылся в интернете.

– Если б его захотели убрать, то выбрали бы другое место.

– А вот не скажи. В толпе легче затеряться. На площадке была уйма людей, суматоха...

– И сиамские сестры, приковавшие к себе всеобщее внимание, – вставил свои пять копеек Тарантино.

– Слушай, а они какие? – тут же забыл о деле Лаврушка.

– Милые. Точнее, одна из них. Вторая не очень приятная, но более нормальная, что ли.

– Адаптированная, я бы сказал, – помог ему Аркадий. – Без нее милая пропала бы. Хотя, я уверен, она уверена в обратном.

– Так хочется посмотреть на них. Костян, дай я на киностудию сгоняю? – попросил Лаврушка. – Все равно же надо.

– Тебе перед отпуском нужно все отчеты написать и сдать. Так что садись за компьютер. На киностудию поедет Аркадий, а я Нурланом займусь.

– И его племянником, – подсказал Аркадий. – Если отравить хотели Джумаева, он первый подозреваемый.

Глава 5

Чаплин был доволен отснятым материалом. Радовало еще и то, что от графика сегодня не отстали и продюсер Панфилов, он же Пан Фи, не выражал свое «фи».

Пришло время обеда. Эд стал искать глазами Карину.

– Ее нет, – услышал он голос Ивана.

– Не явилась на работу?

– Нет, просто не вышла из кухни.

– Почему ты так уверен?

– На обед лазанья с баклажанами и петрушкой, это одно из ее фирменных блюд.

– Ладно, я пойду поищу ее.

Где кухня, Эд не знал, но ассистент проводил. Зайдя в жаркое, пропахшее соблазнительными запахами помещение, он увидел Карину. Она была взмокшей и усталой. Сидела на низком пластиковом табурете и пила что-то из пузатой кружки в шотландскую клетку.

– Привет, – сказал Эд.

Карина вздрогнула.

– Напугал, – пробормотала она и вытерла лоб фартуком. – Только оказалась одна, присела, расслабилась, а тут ты со своим «привет».

– Извини.

– Хочешь выпить?

– Чаю?

– «Каберне», – она протянула ему свою кружку, в ней оказалось красное вино.

– Нет, спасибо.

– Что, рассказали тебе обо мне? – спросила она, сделав добрый глоток. – И кто – Иван или Марат?

– Охлопков.

– Конечно, кто еще, если не обиженный мужчина.

– Ты что, коллекционируешь творческих личностей?

– Меня от вас тошнит. Хочу обычного мужика с золотыми руками и стальными яйцами.

– Тебе не на киностудию нужно было поваром устраиваться, а в столовую металлоперерабатывающего завода.

– Я подумаю над этим. – Карина протянула руку к ящику, достала из

него бутылку и налила себе еще вина. – На прежней работе проблемы возникли, пришлось уволиться. Искать новое престижное место можно долго, а у меня дочь. Обзвонила всех знакомых, спросила, не может ли мне кто помочь, откликнулся Марат. Иван же даже трубку не взял. Сказал, попробует пристроить. Смог. Брата уже я подтянула. Столы расставлять и соки разливать любой дурак сможет, а Филиппу нужен был хоть какой-то заработок.

– Его Филиппом звали?

– А ты думал, в паспорте «Большой Ух» записано? – недовольно проворчала она.

– Ты не боялась, что брат начнет купать Марата в фанатской любви?

– Ты как маленький, честное слово. На это и был расчет. Не мой – Марата. Я спросила, можно ли мне пристроить Филиппа, тот за это ухватился клещами. Сказал, даже нужно. Намекнул на то, что пиар ему не помешает.

В кухню ввалились люди с подносами, быстро наставили на них контейнеры и удалились. Карину и Эда как будто не заметили.

– Почему ты заманила меня вчера? – спросил Чаплин, взяв у нее кружку и ради интереса сделав глоток. Как он и предполагал, вкус у недорогого, теплого, налитого в неподходящую емкость вина был неприятным.

– Я выбрала первого попавшегося симпатичного мужчину. На твоём месте мог оказаться другой. Когда мне плохо, я хочу секса. Он меня отвлекает. Можно сказать, что я трахаюсь, чтобы не сойти с ума.

– Ты вела себя не как человек, которому плохо.

– Ты еще слишком молод, – заявила Карина, – чтобы видеть внутреннюю боль...

– Как будто с Аксакалом Джумаевым разговариваю, – досадливо протянул Эд. – Ты не хватилась Филиппа в тот день, когда он умер? Его же нашли только на следующий.

– Мы же не Аня с Таней. У него своя жизнь, у меня своя. Мы часто виделись лишь потому, что мне постоянно приходилось выручать его. Звонил отец, я ехала, помогала... Когда я пристроила Филиппа на работу, сказала папе, все, с меня хватит. Это последняя услуга. Поэтому, отработав, поехала домой. Правда, позвонила брату. Но он не взял трубку, и я переключилась...

– Как мама Филиппа?

– Плохо. Рыдает постоянно.

– А ты?

– Я нет. Разучилась плакать давным-давно. Теперь я либо пью, – Карина подняла кружку, – либо занимаюсь сексом.

– Кто мог убить твоего брата?

– Никто. Он просто сожрал что-то на улице.

– В смысле?

– У меня была собака. Породы кавалер-чарльз. Красивая, ласковая, но тупая... Я давала ей дорогие корма, прививала, мыла гипоаллергенным шампунем, а она однажды сорвалась с поводка, слопала какую-то гнилую кость у бака и сдохла.

– Твой брат питался на помойках? – ужаснулся Чаплин.

– Нет, но в рот тащил все что угодно. Он не был брезгливым. Мог за кем-то подъесть, попить из стакана, который предназначался другому. А уж когда нервничал, то даже не замечал, что хватает.

– То есть он умер по ошибке?

Карина пожала плечами и уткнулась в свою клетчатую чашку.

– Пойду покушаю, – сказал Эд. – Мне сообщили, что сегодня на обед будет фирменная лазанья.

– Приятного аппетита.

– Спасибо. – Эд сделал несколько шагов в сторону двери, но притормозил и обернулся. – Мы еще встретимся?

– Конечно. Я же ваш повар.

– А вне работы?

– Не думаю, что стоит, – покачала головой Карина.

Чаплин ожидал именно этого ответа. Поэтому бодро помахал барышне ручкой и поспешил на обед. Какой бы странной ни была Карина, но готовила она отменно.

Глава 6

Женя звонил Кукусе уже в пятый раз. И это только за сегодня. Данила не отвечал!

В принципе в этом не было ничего странного, а тем более страшного. Кукуся мог не брать трубку по неделям, а потом объявлялся как ни в чем не бывало. Но Жене хотелось узнать, понравились ли его стихи издателю. И чем скорее, тем лучше, ведь он уже сказал Татьяне о том, что надеется на скорую публикацию.

Было время обеда. Все члены съемочной группы с аппетитом уплетали салат и лазанью. Женя бывал на многих съемках, но так хорошо еще нигде не кормили. Он ел и поглядывал на Татьяну. Они с сестрой сидели на «своем» диване с Нурланом и Абзалом. Им тоже принесли еду и столик, на который всю еду и поставили. Джумаев же с племянником от обеда отказались.

Таня, почувствовав Женин взгляд, обернулась. Он улыбнулся ей. Она ответила тем же.

«Какая же она невероятная, – подумал Же-ня. – Не просто чистая и светлая, а по-настоящему красивая. У нее тонкие черты лица, нежный румянец, мягкие, чуть волнистые волосы... Сестра – ее противоположность. Все твердят, что они похожи, но это не так: у Ани нос крупнее, губы тоньше, выпирают скулы и подбородок, она выглядит старше и злее. Последнее неудивительно, поскольку она настоящая ведьма...»

Женя невзлюбил Аню с первого взгляда. Еще до того, как она начала на него фыркать. Женщины с недобрыми лицами вызывали у него отторжение. Даже больше, чем красотки, похожие на кукол из секс-шопов. Когда он поделился этим с Кукусей, тот засмеялся:

– Ты просто их боишься.

– Кого именно?

– И тех, и других. Первые твои яички раздавят двумя пальчиками, а вторые к ним даже прикасаться не захотят, ты им неинтересен, а это сильный удар по самолюбию...

В общем-то Данила был прав. Женя одинаково боялся быть порабощенным и отвергнутым. Поэтому все еще ходил в холостяках. Но не это самое печальное, а то, что у него ни разу не было полноценных отношений. В школе он встречался с девочкой. Милой, скромной, музыкально одаренной – она прекрасно пела, играла на гитаре и домре. С

девятого по одиннадцатый класс они ходили за ручку и даже целовались. На выпускном балу собирались сделать ЭТО, но барышня сильно захмелела с фужера шампанского, разбавленного водкой (над ней подшутил одноклассник, влил в шипучку беленькой, чтобы получился убойный коктейль), и Женя решил, что будет некрасиво пользоваться ее состоянием. Или, как сказал Кукуся, снова сдрейфил.

Они потерялись сразу после школы. «Невеста» уехала в Питер, поступила там в консерваторию, которую бросила ради карьеры поп-певички – Женя видел ее на телеэкране с одним клипом и был несказанно удивлен преобразованием милой скромной девочки в агрессивно-вульгарную женщину.

Учился Бородин на филологическом. Казалось бы, оказался в малине. Девушек восемьдесят процентов и почти все питают тягу к литературе, интересуются искусством. Некоторые Жене нравились, кому-то нравился он, но чтобы взаимно... Такого не случилось.

На последнем курсе к нему прониклась преподавательница философии. Женщина красивая, модная, но много курящая (от нее за километр несло ментоловыми сигаретами) и годящаяся Бородину в матери. С ней он потерял невинность. И предавался радостям секса полгода, пока не начал испытывать отвращение к самому себе. Он же не животное, чтобы совокупляться без чувств...

Расстался. Первое время страдал от нехватки секса, к которому привык. Но смог с собою справиться. Нашел отвлечение в работе – его как раз дядя на киностудию пристроил.

Кроме девочки и очень зрелой женщины, у Жени была еще одна пассия. Не невинная и не потасканная, обычная разведенка примерно одного с ним возраста. Но и с ней не получилось построить полноценных отношений, в которых присутствовали бы и романтика, и секс. А все потому, что Женя оказался клином, должным вышибить другой. Дамочка с его помощью пыталась забыть своего мужа. И все было как будто не взаправду: и романтика, и секс.

Больше Бородин ни с кем не встречался. Знакомился – да. Но дело ограничивалось одним-двумя свиданиями. Дальше дело не шло. И проблема была в Евгении. Он хотел любви... Нет, он жаждал ее! И вот свершилось чудо... Он встретил ту, которая подняла в его душе ураган.

То, что к любимой прилагалась злобная сестра, Женю хоть и расстраивало, но не пугало. Главное, он видел отдачу: на его чувства отвечали, и это значит, что все получится.

Он доел обед и собрался за чаем. Направляясь к прилавку с напитками

(теперь за ним никто не стоял), приостановился возле дивана, чтобы перекинуться с Таней парой слов.

– Это он? – спросил у нее Нурлан.

Та кивнула.

– Одобряю. Люблю людей с добрыми лицами, – добродушно проговорил Нурлан. И обратился уже Бородину: – Танечка рассказала мне о вас. Повела и о двухгодичных виртуальных отношениях, и о том, как вы пытались штурмовать ее дом, и о стихотворении, посвященном ей вами. Я просил прочесть его, но Таня воздержалась. Сказала, что сначала должна спросить у вас, можно ли поделиться им с окружающими.

– Конечно, можно. Теперь все лирические стихи я буду посвящать ей.

– Как бы не блевануть, – кашлянула Аня.

Все сделали вид, что не услышали ее реплики.

– Я за чаем, – сообщил Женя, – кому что захватить из напитков?

– У нас уже сок, спасибо, – улыбнулась ему Таня.

– А я бы не отказался от воды, – проговорил Нурлан.

– Сейчас принесу.

Пока ходил за напитками, думал о том, что знакомство с Нурланом тоже можно отнести к тем счастливым и, по ощущениям, судьбоносным моментам, на которые стала богата его жизнь в последние несколько дней.

Взяв себе чая, а Нурлану воды, он вернулся к дивану.

– Присядете? – спросил Джумаев, поблагодарив его.

– Если вы не против.

Он ждал, что Аня возразит, но она в этот момент была увлечена Абзалом и остальных просто не замечала.

На диване больше не было места, а за стулом бежать не хотелось, поэтому Женя уселся на пол, сложив ноги по-турецки.

– Прочтите что-нибудь из своего, – попросил Нурлан. – А чтобы не смущать Танечку, выберите не личное... Стих о природе, например.

– Об осени. Из последних... – И начал декламировать стих, но так увлекся, что выдал еще несколько.

Джумаев слушал, чуть склонив голову набок. Но на Женю не смотрел. Взгляд Аксакала был устремлен куда-то в бесконечность.

Закончив читать, Бородин спросил:

– Как вам? Только не щадите меня, я спокойно отношусь к критике.

– Мне очень понравилось... – проговорил Нурлан. – Сам я не умею рифмовать. И по-доброму завидую таким, как вы, поэтически одаренным.

Тут Абзал, вырвавшись из плена всепоглощающего внимания Ани, обратился к дяде:

– Пора принять таблетку.

– Точно. – Нурлан подтянул к себе сумку, которая висела поперек тела, и начал в ней рыться.

– У вас что-то болит? – участливо спросил Женя.

– Легче сказать, что не болит. Я старая развалина, сынок.

– Мы починим тебя, агасы, – перегнувшись через сестер Сомовых, Абзал похлопал дядю по коленке, которую он легко мог обхватить большим пальцем с мизинцем.

– Ты-то пилюли свои принял?

– Ты тоже болен? – всполошилась Аня.

– Нет, я просто принимаю витамины, – успокоил ее Абзал.

– И еще какую-то фигню для стимуляции мозговой деятельности и нормализации... Как там?

– Эмоционального фона. – Абзал сунул руку в нагрудный карман своего роскошного пиджака и достал пластину с крупными плоскими таблетками. – Вот, кстати, и «фигня». Между прочим, специально для космонавтов разработана. Отличная вещь. – Абзал закинул одну «пуговицу» в рот. Попытался проглотить, не вышло. И он попросил у дяди воды. Нурлан сделал приглашающей жест в сторону воды, и его племянник запил таблетку.

– К нам едет ревизор! – донесся до честной компании вопль режиссера.

– Кого он имеет в виду? – обратился к Жене Нурлан.

– Думаю, полицию. Только ее представители так нервируют Эда.

– Все по местам, – продолжил орать Чаплин. – Начинаем съемки эпизода под номером сто два прямо сейчас.

– Побегу... – Бородин поднялся с пола, но не успел сделать и шагу, потому что увидел лицо Абазала. Оно резко побледнело и напряглось. – С вами все в порядке? – обеспокоенно спросил он.

Племянник Нурлана попытался ответить, но у него не получилось. Широко открылся рот, из него вырвалось только хриплое дыхание.

– Врача, – закричал Бородин. На площадке всегда дежурил медик.

А Абзал тем временем начал падать. Его пытались удержать на диване сестры Сомовы и Нурлан, но где девушкам и старичку удержать махину весом более ста килограммов. Парень рухнул на пол, сбив переносной столик, за которым ели близняшки. Контейнеры и стаканы полетели в разные стороны. Женя бросился к Абзалу, чтобы перевернуть его на спину. Если у него эпилептический припадок, то нужно засунуть в рот ложку, чтоб язык не прикусил.

– Что случилось? – услышал Бородин над своим ухом и узнал голос Чаплина.

– Человеку плохо, – ответил он. – Где врач?

– Черт его знает. Что ты пытаешься сделать?

– Перевернуть его. Помогай.

Эд склонился над бившимся в судорогах Абзалом. К ним пыталась присоединиться Аня, но только мешала, пришлось на нее прикрикнуть. Вдвоем мужчины смогли перевернуть здоровяка.

– Свят, свят, свят, – прошептал Эд, увидев его лицо.

Девушки вскрикнули. Нурлан судорожно вздохнул. Спокойным остался только Женя. Ничего нового, похожую гримасу он видел на лице другого покойника, буфетчика, пусть не вживую, а на фото.

Подбежал мужик в белом халате. Краснолицый, одышливый. Велел всем расступиться.

– Вы врач? – схватила его за руку Аня.

– Я врач, – как-то неубедительно проговорил он. Женя понял, что мужик, скорее всего, фельдшер, которого к тому же попросили уйти со «Скорой помощи», потому что он много пил.

– Так сделайте что-нибудь! Не видите, он задыхается?

– Но что? У меня в аптечке только шприцы, таблетки и бинты, а нужен набор для реанимации...

– Трахеотомию! – рявкнула Аня. – Нужно проткнуть шею и вставить в нее трубку, чтобы воздух мог поступать в легкие.

– Вы что, врач?

– Нет, но я люблю медицинские сериалы.

– А я приключенческие, но если самолет будет падать, я не брошусь в кабину пилотов, чтобы давать советы командиру, – огрызнулся врач. – «Скорую помощь», надеюсь вызвали?

Абзал резко перестал хрипеть и дергаться. Но не обмяк, а как будто заостенел. Глаза, в которых полопались сосуды, закатились.

Все поняли, что он умер!

Глава 7

Когда выяснилось, что Нурлан Джумаев находится на киностудии, Марченко отправился туда вместе с Устиновым.

– Сет и Ричи снова вместе, – не удержался от шуточки Лаврушка, на которую «Сет и Ричи» никак не отреагировали.

Когда Костя с Аркадием зашли в павильон, то чуть не оглохли.

– Почему все так орут? – спросил у напарника первый.

– Может, этого требует сценарий? – предположил второй.

– Как хорошо, что вы так быстро приехали, – закричал ассистент режиссера Федор, увидев полицейских. Его голову, как обычно, покрывала кепка, но сидела она криво и, казалось, вот-вот свалится. – Пойдемте же!

– Вы говорите так, будто нас вызывали, – заметил Аркадий.

– Да, звонили в полицию пять минут назад, и тут вы.

– Что-то случилось?

– Да вы посмотрите сами, – и подвел оперов к орущей толпе, взявшей кого-то или что-то в кольцо. – Дайте пройти, – сказал он крайнему, но тот и ухом не повел. – Позвольте, – Федор попытался отодвинуть его соседа, но тот стряхнул с себя его руку.

– Разойдись! – гаркнул Аркадий.

Все замолкли и расступились.

Костя увидел лежащего на полу молодого, очень крупного мужчину азиатской наружности. Он был мертв. И в том, что его отравили тем же ядом, что и Большого Уха, Тарантино не сомневался.

– Где охрана павильона? – спросил он у Феди.

– Где-то тут.

– Найдите немедленно и поставьте у дверей. Скажите: никого не выпускать, а впускать только медиков и полицейских. – Затем переключил свое внимание на мужика в белом халате. – Вы доктор?

– Он кусок бесполезного дерьма, – вскричала Анна Сомова. – Даже не попытался спасти умирающего.

– Я не мог ему помочь, – парировал тот.

– Что вообще произошло?

Снова поднялся галдеж. Костя вслушивался в него до тех пор, пока не почувствовал прикосновение к своему плечу. Обернувшись, увидел осветителя, которого в детстве дед брал с собой в морг (его имени, к сожалению, Марченко не запомнил).

– Я вам расскажу, но давайте отойдем, – услышал от него Марченко. – Тут невозможно разговаривать...

– Нет, сделаем по-другому. – Тарантино со значением посмотрел на коллегу. У него самого был довольно тихий голос. А у Аркадия командный, поэтому толпу разогнать он поручил ему.

– Всем немедленно отойти от места преступления минимум на три метра, – пророкотал Джоржи.

– Нам можно остаться? – спросила одна из сестер, Татьяна. – Все на наших глазах произошло.

– Вам можно. Остальные свободны! – Он сунул руку в сумку и достал из нее ярко-желтый маркер. – Оградительной ленты у меня нет, но сойдет и это... – Аркадий откинул колпачок и начертил на полу линию. – За нее заходить нельзя, поняли? Хотите сообщить что-то важное, маякните нам.

На диване остались сестры Сомовы, Нурлан Джумаев и Евгений Бородин – Тарантино все же вспомнил, как его зовут.

– Он был в полном порядке до тех пор, пока не принял какую-то пилюлю, – сообщил осветитель оперу. – Упаковка в нагрудном кармане. Приступ начался через пару-тройку минут после того, как она была проглочена.

Аркадий присел возле трупа. Натянул на кисть рукав своего свитера, забрался в карман и вытянул из него пластину с таблетками.

– Это обычный препарат из группы ноотропов, – сказал он. – Применяется для профилактики переутомления и повышения устойчивости к стрессам.

– Абзал говорил, что его изобрели для космонавтов.

– Возможно. Я принимал эти пилюли, когда разводился. Они еще и от депрессии спасают. Умереть, принимая их, невозможно. А тем более так... – Он покосился на Абзала, затем сорвал с себя куртку и накрыл покойника ею. – Как долго он мучился?

– Пару минут, – ответил Женя. – И я понимаю, почему вы задали этот вопрос.

– Почему? – обратилась к нему Татьяна.

– Предыдущая жертва страдала значительно дольше, – ответил за Бородина Тарантино.

– То есть вы хотите сказать, что Абзал и тот буфетчик... Жертвы одного убийцы?

Естественно, Марченко не стал отвечать Татьяне, за него это сделал Женя:

– Не факт. Но, похоже, их сгубил один и тот же яд, но в разных

дозировках.

– И он в таблетках?

– Нет, в воде, – вскричала вдруг Аня. – Абзал запивал их... – Где стаканчик? Именно в нем отравка!

Костя вопросительно посмотрел на Евгения. Именно с ним, как с самым адекватным, он хотел вести диалог.

– Вон он валяется, – ответил он на немой вопрос Тарантино. – Абзал снес столик, и все попадало.

– Жидкость разлилась, – отметил Аркадий, глянув на перевернутый стакан. – Но если яд был, он остался на стенках. Где Абзал взял воду? В буфете?

– Ее принес я, – сообщил Женя. – И да, из так называемого буфета. Вон там прилавок с напитками. Они разлиты по стаканам. Я пошел за чаем, а господин Джумаев попросил меня захватить ему воды, что я и сделал.

– Разве у Абзала такая фамилия?

– Нет. Он Садыков, – впервые нарушил молчание Нурлан. – А воду Евгений принес для меня.

– Вы пили ее?

– Нет. Поставил на столик. – Нурлан говорил спокойно. И лицо его оставалось невозмутимым. Но что-то рвалось изнутри... Это невозможно было увидеть, только почувствовать. – Я хотел запить водой таблетки, но вспомнил, что не имею их при себе.

– И Абзал взял ваш стакан?

Джумаев кивнул:

– Если яд был в воде, мой племянник погиб вместо меня.

Сказав эту фразу, Нурлан схватился за сердце.

– Вам плохо?

– Мне плохо, – прошептал старик. – Вызывайте «Скорую» – у местного доктора нет реанимационного набора...

* * *

Тарантино сидел на диване и рассматривал улики, запечатанные в полиэтиленовые пакеты. К нему подошел Евгений.

– Ну что, жить будет наш Аксакал? – спросил, опустившись рядом.

– Хорошо, что карета «Скорой» была на подлете к студии...

– Значит, все в порядке?

– У старика большое сердце, и никто не дает стопроцентно положительных прогнозов, но меня заверили в том, что это не инфаркт, а небольшой приступ.

– Последнего родственника потерял бедняга.

– Как вы выбрали стакан?

– Взял первый попавшийся.

– Значит, дело не в воде.

– В таблетках?

– Узнаем после экспертизы.

Евгений потерел челку, упавшую на лоб. По мнению Кости, она была слишком длинной. Нельзя отращивать волосы, если ты не собираешься за ними ухаживать. Когда чуб имеют метросексуалы, укладывающие его при помощи фена и геля, это одно, а неопрятные патлы – другое.

– Вы говорили, что яд имеет очень медленное действие, – неуверенно начал он. – Но Абзал через две минуты, после того, как попил, свалился. Он раза в два тяжелее буфетчика.

– Другая дозировка, вы сами это предположили.

– Если так, то отравленной должна быть вся вода, а остальные здоровы.

– Стакан стоял на вашем столике какое время?

– Опять же несколько минут. Пять, семь.

– Кто-то его трогал?

– Я читал свои стихи Нурлану, он слушал. Таня тоже. Аня с Абзалом о чем-то шушукались. Нет, никто.

– Точно?

– Нет, стойте. Какая-то девушка подошла. Хотела забрать контейнеры и стаканы, но ее отогнал Нурлан, потому что она мешала.

– Что за девушка?

– Работница кухни, наверное.

– Она прикасалась к посуде?

– Да, но на миг.

– Покажите мне ее.

Бородин стал озираться.

– Не вижу ее среди присутствующих.

– Опишите.

– Я был весь в поэзии, даже не обратил внимания.

– Евгений, вы очень наблюдательный человек. Я отметил это еще при нашем знакомстве. И если вы сейчас напряжете память, то...

– Брюнетка. С волосами вот тут. – Он приставил кулак к макушке.

– Что-то еще?

– От нее пахло едой. Как от человека, который готовил. Я даже уловил аромат жареной петрушки, которая была добавлена в лазанью.

Карина, понял Марченко.

– Я подойду чуть позже, вы пока не уходите, – сказал он Бородину.

– Куда ж я уйду, если вы нас не выпускаете?

Тарантино подошел к Устинову. Тот вводил в курс дела Ерша с Карасем, они прибыли на место десять минут назад.

– Сестру Большого Уха видел? – спросил он у него.

– Нет.

– Она крутилась возле столика, за которым сидел Абзал.

– Понял, – коротко бросил Аркадий. – Сейчас поищу. – И удалился.

К Косте тут же подступили Ерш с Карасем.

– Можно, мы их допросим? – спросил первый.

– Нас двое, их тоже, – подхватил второй.

– Если вы о сестрах Сомовых, то я с ними уже беседовал.

– Блин, – в один голос выругались Ершов и Карский.

– Хватит тарашиться на девушек, займитесь делом.

– Уж и посмотреть нельзя, – проворчал Ерш. – Я, может, всю жизнь мечтал такое чудо природы увидеть в реальности, а не по телику. Моей маме, между прочим, когда впервые УЗИ сделали, сообщили, что будет двойня. А потом бац – и я один остался.

– Как так?

– Поглотил брата или сестру, прикинь? Такое случается, я этим вопросом интересовался. Более сильный близнец поглощает эмбриональную ткань другого...

– Да ты акула, а не Ерш, – Карский хлопнул товарища по плечу.

Тот отмахнулся.

– Я когда узнал, обалдел. Это ж прям история из фильма ужасов. Мне казалось, что живет во мне этот поглощенный брат и ждет момента, когда сможет расквитаться со мной. Но эти страхи я в детстве преодолел. А как подросток, стал фантазировать, что было бы, если бы... И разные варианты представлял. В том числе такой, – он ткнул пальцем в сестер Сомовых, хорошо, что они сидели спиной и не видели этого. – Одно время очень хотел сиамского брата, пока не начал встречаться с девочками и не понял, что без приросшего к тебе братца познакомиться с ними гораздо легче...

– Скажи уж, побоялся конкуренции, – хохотнул Карась. – Брат мог быть красивее и умнее тебя. Поэтому ты его и поглотил.

– Да пошел ты.

– Идите оба, – Костя махнул рукой. – Работать. И мне пора делом заняться. – Он увидел Аркадия, ведущего за собой сестру Большого Уха Карину.

– Нам нужно побеседовать, – сказал ей Марченко.

Девушка молча кивнула.

Выглядела она уставшей. Что неудивительно, приготовить обед на такую ораву, пусть и с помощниками, не просто.

Тарантино увел Карину в ту часть павильона, где никого и ничего не было. Пусто, тихо, прохладно.

– Не ожидал увидеть вас сегодня на работе, – сказал Костя.

– Почему? – Девушка опустила на пол, поскольку сесть было не на что. – Извините, мне тяжело стоять, я без сил...

Марченко присел рядом. Джинсы пачкать не хотелось, поэтому он, как говорят те, кого он чаще всего задерживает, «встал на корты».

– Ваш брат погиб.

– Сводный.

– Но вы любили его, не так ли?

– Он был мне дорог. – Она достала из кармана трехсотграммовую бутылочку с соком. Открутив крышку, протянула Косте. – Хотите попить?

– Нет спасибо. – И про себя добавил: «Только не на вашей съемочной площадке!» – Вы повар, так?

– Ага. – Карина сделала жадный глоток сока. Только сейчас Костя уловил запах алкоголя. Девушка недавно пила, это очевидно. – Но мы лишились одного работника – сами знаете кого, и рук не хватает. Поэтому я помогла убирать посуду. Вы ведь из-за этого меня вызвали на разговор? Я крутилась возле дивана и столика... А через несколько минут Абзал рухнул на пол... – Она передернулась. – Я видела это. И так испугалась, что убежала... Признаюсь вам сразу! Я УБЕЖАЛА!

– Куда?

– Намеревалась покинуть территорию киностудии, но когда оказалась на улице, подышала воздухом, поняла, что так сделаю только хуже себе, и вернулась. – Карина допила сок и швырнула пустую бутылку в стену. Она отскочила от нее и вернулась к девушке, упав на ее колени. Та хмыкнула. – Я не видела, как умирает брат. Никто не видел... Но если верить вам и фотографиям, он невероятно мучился. Мне страшно было это представлять... И когда на моих глазах человек начал биться в судорогах... – Она всхлипнула и закрыла лицо руками. – Я не могла на это смотреть, понимаете? Поэтому убежала.

– Успокойтесь, пожалуйста. – Костя легонько погладил девушку по руке. – Я все понимаю.

– Это какое-то сумасшествие. Как два человека, находящиеся среди десятка людей, могут с разницей в два дня погибнуть от одного и того же яда, тогда как остальные в порядке? У вас вообще есть версии?

– Будут.

– Может, это маньяк?

– Только не начинайте, – простонал Костя. Он давно ожидал появления «маньячной» темы. И был удивлен тому, что ее еще никто не поднял. Как-никак на киностудии люди мрут, а фильмов об убийцах-психопатах снято немало.

– Что, если это русская рулетка? Только вместо патрона – стакан с ядом. Кто выпьет его, тот проиграл.

– Перестаньте фантазировать, вы же повар, а не сценарист, – с укором проговорил Костя. – От вас я такого не ожидал...

– Иногда самая абсурдная версия оказывается правильной.

– А обычно неверной.

Карина промолчала.

Тарантино рывком поднялся.

– Никуда не убегайте, вас могут еще раз допросить мои коллеги, – сказал он и собрался уходить, но Карина его остановила вопросом:

– Вы верите в жизнь после смерти?

– Не задумывался над этим.

– Задумайтесь сейчас.

Костя закатил глаза, чтобы изобразить работу ума, и выдал:

– Да, верю.

– А я нет. Поэтому увольняюсь. Лучше быть безработной, чем мертвой. – Карина вскочила на ноги. – Пойду собирать свои ножи. Нужно валить отсюда, пока убийца-психопат не засунул в обойму третий патрон.

– Лучше бы вы в рай верили, чем в маньяков, – крикнул вслед торопливо шагающей Карине Марченко.

– Повторюсь: самая абсурдная версия оказывается правильной, – откликнулась она перед тем, как скрыться из виду.

Тарантино нахмурил свой высокий лоб. Затем потеревил нижнюю губу. Куснул палец...

В общем, серьезно подумал и решил, что маньяки хоть и существуют, но орудуют, как правило, в фильмах жанра хоррор, сериалах типа «Мыслить как преступник», «Декстер» и детективных романах, а в реальности убийцами оказываются самые обычные люди, без особых

талантов, но с мотивами. И ему, майору Марченко, нужно понять, кто их имеет...

Дальше будет легче.

Глава 8

Такой Таня свою сестру еще не видела...

Любой другой, взбешенной, злой, ненавидящей, готовой растерзать...
Хмурой, подавленной, печальной, сжатой в комок...

Но не раздавленной!

– Заварить тебе чаю? – спросила Таня. Аня покачала головой. – Может, желаешь виски? Мы можем заказать доставку.

– Ничего не хочу.

– А я бы выпила.

Они сидели в кухне. Аня тупо смотрела в стену, Таня рыхлила цветы. Ей нужно было чем-то заняться.

– Мне очень жаль Абзала, – сказала она. – До сих пор не верится, что его нет. Такой молодой, сильный, красивый... Ему бы жить и жить.

– Я тебе не верю, – тускло проговорила Аня.

Татьяна ошарашенно посмотрела на сестру. Такого она не слышала от нее...

Они верили друг другу безгранично на протяжении всех лет!

– Я никогда тебя не обманывала, ты же знаешь, – воскликнула Таня.

– И вот решила начать?

– Зачем ты говоришь такое? Чтобы обидеть меня? Если тебе станет от этого легче, обижай, но не так... Подобные заявления меня ранят в самое сердце.

– Признайся, что испытала облегчение, когда Абзала не стало. Не радость или торжество, ты же не монстр... – Сказав это, Аня задумалась. Как будто пыталась понять, правильно ли она выразила свою мысль. – Да, именно облегчение ты испытала, поняв, что у твоего чуда в листьях больше нет конкурента. Я потеряла своего принца. Остался только твой.

– Это чудовищно несправедливое обвинение.

– Да брось ты святошу из себя корчить, – раздраженно проговорила сестра и сморщилась так, будто ей в рот попал душистый перец. Аня его терпеть не могла. Ее начинало тошнить от одного его запаха. – Если б отравился твой Евгений, я не расстроилась бы.

– Я – не ты, – сказала Таня, из последних сил сдерживалась.

– Ты – я, – не согласилась с ней сестра. – Мы отражение друг друга. Это тебе только кажется, что мы разные. Впрочем, не только тебе – всем... А я знаю, что мы думаем и чувствуем одинаково. Просто ты слишком

труслива, чтобы признать себя не очень хорошим человеком, поэтому строишь из себя паиньку, зная, что твоя сестра возьмет на себя все бремя ответственности за дурные мысли или поступки. Если б не ты, я не была бы такой дрянной. Мы разделили бы пороки поровну. Но ты всю жизнь изображаешь из себя ангела, чистого, безгрешного, эфемерного, обрекая меня на роль беса. Ты так же, как и я, хотела кидаться игрушками и кусать медсестер, когда мы были маленькими. Но ты сдерживалась, потому что так себя не ведут хорошие девочки. А я видела, как тебе тяжело, и брала все на себя. Я буйствовала за нас двоих. А потом выслушивала твои нравоучения, хотя знала, что ты получала большее удовольствие, чем я, поскольку таскала каштаны из огня чужими руками.

Татьяна решила прекратить этот диалог. Да, она могла многое сказать в свое оправдание, но...

Все эти слова были бы немного фальшивы?

Что, если Аня права, и Таня была такой позитивной только потому, что весь негатив брала на себя сестра?

Как более сильная, она защищала близняшку.

– Ты все еще хочешь выпить? – спросила Аня.

– Да.

– Тогда давай закажем виски.

– Или сходим в супермаркет, он в двадцати метрах.

– Сейчас там очень много людей. Вечер, все возвратились с работы и идут покупать продукты к ужину.

– Плевать. Пусть таращатся.

– Нет, я никуда не пойду, – отказалась Аня. – Не сегодня...

– А сейчас ты ничего не хочешь сказать о том, что беру на себя я? – спросила Татьяна, закончив рыхлить цветы и впервые за вечер взглянув сестре в глаза. – Ты трусиха. Окружающий мир тебя пугает до жути. Ты прячешь свой страх за агрессией или презрением. Бунтуешь ты только тогда, когда находишься в зоне комфорта. Срываешься на врачей, социальных работников, соседок. Еще любишь ругаться по телефону и оставлять нелестные отзывы в интернете. Ты готова пойти на новый контакт, но только в том случае, если уверена в том, что к тебе, то есть к нам, будет особое отношение. Поэтому ты согласилась бы на секс с извращенцем и на ура восприняла то, что с нами хотят познакомиться писатель и режиссер. Я же готова существовать в обыденном мире. Ходить в магазин, когда вздумается, ездить на метро, чтобы попасть на выставку, посетить пасхальное богослужение. Будь моя воля, я каталась бы на роликах и велосипеде по нашему парку, участвовала в конкурсах, которые

на летней веранде устраивают по выходным... Однако я ничего этого не делаю из-за тебя. Но мы, по крайней мере, хоть куда-то выходим. Да, на прогулку, как правило, в темное время суток, а если посещаем театр, то сидим в отдельной ложе, но если бы не я, ты превратилась бы в затворницу. Я делюсь с тобой своей смелостью, хотя ее мне одной едва хватает.

– А может, нам никто и не нужен? – спросила Аня.

– В каком смысле?

– Есть легенда о половинках, ищущих друг друга во вселенной.

– Если ты о мифологическом существе, которое разделил Зевс ударом молнии, то оно было двуполым.

– Пол значения не имеет. Тем более в наше прогрессивное время. Мы с тобой две половинки единого целого. Идеальное существо, которому даже боги завидовали.

– К чему ты ведешь?

– Избавься от чуда в листьях. Пусть живет своей жизнью. Он нарушает нашу гармонию. То же самое сделал бы и Абзал, но его уже нет.

– Ты больше не хочешь познать мужчину?

– Если после секса мне придется делить тебя с ним, то нет.

Она взяла руку сестры и поднесла к губам. Аня и до этого целовала Таню, но очень редко. Тане бы порадоваться этому приливу чувств, если бы не неловкость, которую она при этом ощутила.

– Ты ведешь себя так, будто хочешь соблазнить, – пробормотала Таня, высвободив свою руку.

– В романе Нурлана, как я поняла, сиамские сестры занимались любовью... Почему бы нам не делать того же? Это избавило бы нас от многих проблем...

– Нет! – Если б Таня могла вскочить и убежать, то так бы и сделала. Обычные люди не понимают своего счастья. Они свободны в своем желании побыть в абсолютном одиночестве, а некоторые лишены даже этого. – Я не буду заниматься с тобой сексом, Аня. Я люблю тебя, но как сестру и, если так хочешь, вторую половинку... Но Женя для меня значит так много, что я буду за него бороться... С тобой, с миром... Я ведь понимаю, что ты первая, но не последняя противница наших с ним отношений. Как только его мама и дед узнают, с кем он связался, костями лягут, чтобы не дать своей кровиночке совершить самую большую ошибку в жизни. А у него еще приятели, коллеги... Тот же Кукуся! Да он Женю с дерьмом смешивает.

– Но ты уверена в том, что он выстоит? Против всего мира?

– Я помогу, – уверенно проговорила Таня. – Но если нас поддержишь и

ты, мы все преодолеем. Анечка, мне как никогда нужна твоя помощь...

Она резко замолчала и стала ждать реакции сестры. Но та молчала. Решив не давить на нее, Таня вернулась к цветам. Поскольку они уже были политы, подкормлены, а земля, в которой росли растения, взрыхлена, девушка просто протирала листья и стебли. Кто-то сказал бы, что проще обрызгать, но не все цветы это любили.

– Скажи, а среди них есть ядовитые? – спросила вдруг Аня.

– Думаю, нет.

– Хочешь сказать, не знаешь всю подноготную своих питомцев? Ведь ты так их воспринимаешь? Не за всеми детьми так ухаживают, как ты за своими сорняками.

Аня почему-то только так называла выращиваемые сестрой растения. Сорняками! И твердила, что лучше бы она высадила помидоры черри, лимон и алоэ. От этого хоть какая-то польза была бы: салат, закуска к текиле, ранозаживляющий бальзам. Таня напоминала сестре о том, что продажей «сорняков» она зарабатывает, но та лишь отмахивалась: «Ты только затраты возвращаешь. Потому что покупаешь дорогую землю, подкормку, тратишь электричество на то, чтобы освещать или греть тропических гостей... И это я еще про семена умалчиваю. Они тоже не дармовые, а всходят не все!»

– Так что скажешь, сестра? – не отставала Аня. – Есть в нашем доме ядовитые растения?

– К твоему сведению, полосатый алоэ как раз к ним и относится. Попав в организм, вызывает желудочное кровотечение.

– Но ты его не выращиваешь?

– Нет.

– Тогда мне не нужна эта информация. Вот это что? – Она ткнула пальцем в горшок с побегом.

– Диффенбахия.

– Которая потом вымахает до потолка?

– Эта вряд ли. Не та разновидность...

– Она может причинить человеку вред?

– Если только выжать из нее сок.

– И как он действует на организм?

– При попадании в глаза может спровоцировать конъюнктивит, даже поражение роговицы.

– А если на язык?

– Вызывает кратковременный паралич голосовых связок и отек гортани.

– Смертельное оружие.

– Глупости, – покачала головой Таня. – Диффенбахию держат во многих квартирах. Она прекрасно дополняет интерьер и не приносит никакого вреда, потому что никому в голову не придет грызть ее стебли. Те же кошки, которых сок может убить, инстинктивно избегают это растение.

– То есть в нашем доме есть как минимум одно ядовитое растение?

– Можно отравиться корнем цикламена, прекраснейшего цветка. Вызвать аллергический кашель, только вдыхая аромат герани. Обжечь кожу молочком фикуса...

– Значит, не одно, – проговорила Аня, криво усмехнувшись. – И твой сад все равно что склад боеприпасов.

– Орудием смерти может стать все что угодно: нож, вилка, бутылка из-под шампанского, бронзовая статуэтка... Даже шариковая ручка! Если ее воткнуть в глаз человеку, то он, возможно, умрет.

– Да, но отравить легче, чем ткнуть в человека ножом или размозжить его голову бутылкой. Приготовил яд из подручных материалов, добавил его в напиток и ждешь, когда жертва скопытится.

– Ты на что сейчас намекаешь? – удивилась Таня.

– Меня вдруг посетила мысль о том, что ты вполне могла отравить Абзала. Ты как Ядовитый Плющ. И это я сейчас имею в виду отрицательную героиню комиксов, которой подчинялись растения. Да, ты лишена суперсилы, но тебе и Бэтмен не противостоит.

– Я даже близко не подходила к Абзалу, потому что ты держала его у своей ноги... Или руки! В общем, он был рядом с тобой. Как я могла?

– стакан с водой стоял рядом с твоей рукой-ногой.

– Выходит, я и буфетчика отравила?

– Возможно. Решила на нем опробовать свой яд. Когда он умер, изменила состав, чтоб сразу... Наверняка!

Таня никогда не делала больно сестре. Но сейчас вlepила ей пощечину.

– Если не хочешь, чтоб я отравила и тебя, заткнись, – процедила она.

Аня схватилась за щеку. Удар не был болезненным, скорее обидным.

– Ты не можешь меня убить, – сказала сестра. – Потому что если умру я, умрешь и ты.

– А если я сяду в тюрьму, сядешь и ты.

– Сейчас было признание вины?

– Нет. Напоминание. Мы с тобой единое существо. Идеальное, как ты сказала ранее. Первозданное. Только боги нам не завидуют, и нет Зевса, который бы нас разделил. Мы вынуждены мириться друг с другом и

обречены на смерть в один день. Поэтому, естественно, я не причиню тебе вреда. Как и ты мне. Так что давай закончим стращать друг друга и пойдем спать.

– Не в магазин?

– Нет. Я не хочу пить с тобой. И говорить... – Татьяна сорвалась на крик. – Смотреть на тебя тоже не хочу!

– Выколи себе глаза, это нас не убьет.

Таню распирало желание врезать сестре еще раз. Да не ладонью – кулаком. Но вместо этого она швырнула в стену лейку. Из нее выплеснулась вода, брызги попали на лица девушек. Утеревшись, Татьяна сказала:

– Кидаться вещами, оказывается, круто. Я освобождаю тебя от роли беса. С этого момента делим негатив пополам.

Часть четвертая

Глава 1

Нурлану снились горы. Не те, в которых находилось его шале. Не любимые Альпы. И не чеченские, где он потерял свой человеческий облик...

Не просто незнакомые, а как будто неземные.

Он, задрав голову, смотрел на вершины. А они уносились от его взгляда, теряясь в облаках.

«Я умер», – подумал Нурлан и проснулся.

Оказалось, он находится в больничной палате. В руке торчит игла от капельницы. Нурлан вырвал ее, затем встал. Ему хотелось в туалет, и справить малую нужду он намеревался в унитаз, а не в судно.

– Господин Джумаев, вернитесь на койку, – раздался вопль медсестры. – Вам нельзя вставать.

– Принесите мою одежду. Я не могу ходить в этом, – он подергал за подол больничной распашонки в горошек.

– Прошу вас, лягте, – взмолилась медсестра.

– Если лягу, вы принесете мое барахло?

– Нет. Вещи сданы на хранение до выписки.

– Тогда зовите доктора, пусть выписывает, а я пока схожу в уборную.

С этими словами Нурлан скрылся за дверью туалета, который, естественно, находился в палате, поскольку он лежал в ВИП-палате.

Нурлан чувствовал легкую слабость и понимал, что ему лучше остаться в больнице под наблюдением профессионалов, но хотелось домой. Он давно не раб и не зэк, но все равно пленник, на сей раз больничных палат.

Едва Нурлан успел справить нужду и помыть после этого руки, как в дверь заколотили.

– Господин Джумаев, с вами все в порядке? – Голос был мужским. Не иначе доктора привели.

– Да, – ответил Нурлан, отперев замок. – Вы кто?

– Дежурный врач.

– Вы можете меня выписать?

– Нет, это к лечащему, а он дома.

Нурлан подошел к тумбочке, стоявшей возле койки. Отодвинул ящик и достал из него кошелек. Налички в нем было мало, но Джумаев надеялся, что ее хватит. Вынув пятитысячную купюру, он протянул ее дежурному.

– Если поможете мне в ближайший час покинуть больницу, получите столько же. – Затем повернулся к медсестре и дал ей ту же красную бумажку. – А это вам за то, что вы принесли мою одежду.

– Но я не...

– Пока «не», но собираетесь это сделать.

Девушка вопросительно посмотрела на доктора. Тот нахмурился. Затем взял карту больного и пробежал по ней глазами.

– Показатели у вас не очень, – сказал он. – С такими не выписывают. После приступа нужно отлежаться несколько дней.

– Я буду соблюдать предписанный врачами режим, но дома.

– За вами есть кому ухаживать? Жена, дети, внуки?

– Я одинок, но богат, – проговорил Нурлан. – Поэтому не переживайте, я найду людей, которые обо мне позаботятся.

– Тогда какой смысл покидать больницу, если за вами все равно будут присматривать чужаки? – удивился врач.

– Дома и стены помогают. – Нурлан присел на койку. – Так что, поможете? Или мне обратиться к кому-нибудь другому? Я все равно уйду отсюда, но хотелось бы в своей одежде.

– Ждите, – бросил доктор и увел медсестру.

Нурлан взял с тумбочки бутылку воды, в которой торчала трубочка, попил. Нет, хотелось зеленого чаю. И халвы. Никогда не любил ее. Вообще был к сладкому равнодушен... Но сейчас он многое отдал бы ради халвы.

Первая мысль, что пронеслась в голове, была такой: «Надо позвонить Абзалу, сказать, чтоб купил!» Вторая догнала и налетела на предыдущую: «Его нет! Он умер!»

Джумаев снова схватился за сердце. Но оно только прыгнуло. Через несколько секунд Нурлана отпустило. Он прилег, закрыл глаза и вернулся на предпоследний круг своего ада.

...Вернувшись в Казахстан, он сразу столкнулся с проблемами. Квартира, в которой жила семья Джумаевых, оказалась занята другими. Она не была приватизирована, а Нурлан отсутствовал больше полугода. Понятно, что новые жильцы не имели на нее никакого права, но все были уверены, что последний из Джумаевых из Чечни не вернется, поэтому управдом пустил в квартиру других людей. За деньги. Пообещал прописку через какое-то время. И когда Нурлан объявился, ему были не рады все. Особенно новые жильцы. Они просто-напросто не пускали его в квартиру. Джумаев обращался к участковому, но тот только пожимал плечами – у Нурлана вместо паспорта бумажка. А в ней нет прописки.

Спасибо соседу, которому Нурлан еще за пузырь спирта оставался

должен, пустил переночевать. Постелил на полу, но после землянок, подвалов и колодцев Джумаев рад был и этому.

Гордость свою он давно потерял. Поэтому не побрезговал обратиться за помощью к родственнику, двоюродному брату отца. Дядя Кадыр к наукам склонности не имел, а вот честолюбия было в достатке. Поэтому взлетел по партийной лестнице. Мог бы подняться на самую верхушку, если бы не родственник, расстрелянный за измену Родине. Подпортил ему жизнь папа Нурлана. Но не загубил. Кадыр быстро сориентировался, куда дуют ветры перемен, и занялся бизнесом, едва это понятие вошло в обиход.

Дядя племяннику помочь не отказался, но сразу предупредил: чтобы заработать, придется вкалывать. Нурлан труда не боялся, готов был по привычке и дерьмо убирать, лишь бы хорошо платили, поэтому согласился.

Он был на побегушках у сына Кадыра, то есть своего троюродного брата. Парень умом не блистал. И, как казалось Нурлану, вообще не имел достоинств. Даже внешне неприятным был. Просто сгусток пороков, а не парень.

Собакам такого на растерзание отдать не жалко...

Именно так думал о нем Нурлан. Но подчинился. А что оставалось?

Как-то маленький босс (большим он называл дядю) прикатил в офис в совершенно непотребном состоянии. Он любил куражиться, пить, курить, нюхать – жрать кайф, как сам говорил. Обычно было что-то одно, но в тот день парень решил получить все удовольствия сразу. Он еле вышел из машины и упал на крыльце. Нурлан перенес его в кабинет и отправился по делам. Для быстроты и удобства передвижения взял машину троюродного брата. Катался на ней пару часов, пока не обратил внимание на сумку, лежащую между передним пассажирским сиденьем и задним. Ради любопытства заглянул в нее и увидел пачки долларов. Нурлан не стал пересчитывать деньги, но, по его предварительным подсчетам, в сумке было триста тысяч зеленых. Подумав немного, он спрятал ее. Затем вернул машину на место и засел за компьютер.

А брат все спал...

Разбудили его бравые ребята с оружием. Подняли с дивана, встряхнули за шкуру, спросили, где бабки. Братик не мог ответить конкретно, но высказал предположение, что в машине. Пошли искать. Нурлан за этой сценой наблюдал из-за двери. Он знал, что в авто братки ничего не найдут, но за жизнь родственничка не переживал. Во-первых, оружие было травматическим, а не огнестрельным, а во-вторых, убивать должника сразу никто не будет. Раз так, брат в безопасности, поскольку имеет батю-покровителя.

Нурлан так и не узнал, что пошло не так. Но когда он вышел на улицу, то увидел расколотую машину и ее хозяина примерно в таком же состоянии... Он был забит до смерти! Буквально размазан про брусчатке. Потом оказалось, что счета сводили с Кадыром, но его сын, зная, что отцу грозит опасность, решил напоследок срубить бабок. Но смог только обдолбаться и... Умереть!

Нурлан присутствовал на похоронах. Стоял у гроба со скорбным лицом. А сам думал, куда вложить шальные деньги. По сравнению с теми пятнадцатью тысячами, ради которых он связался с Булатом, сумма космическая – он немного ошибся, в сумке лежало триста пятьдесят штук. А с другой стороны, недостаточная, чтобы устроить что-то грандиозное. Поэтому Нурлан положил деньги в международный банк, только что открывший свой филиал в Казахстане, но хорошо себя зарекомендовавший в странах Европы.

Чем дальше заниматься, Нурлан не знал. Он вернул себе свою квартиру, осел... Или засел? Писать не пытался. Пить тоже. Фильмы смотрел с утра до вечера, гоняя их по видеомэгнитофону. Любил боевики типа «Рэмбо», они его смешили.

Однажды в его дверь постучали.

Нурлан открыл и увидел женщину.

Нет, не так...

ЖЕНЩИНУ!

Не просто с большой буквы, все они, не только Ж, но и Е-Н-Щ-И-Н-А были крупными, да еще сверкали. В воображении Нурлана совершенно точно.

– Вы кто? – спросил он, мысленно зажмурившись. Визитерша ослепляла его.

– А вы?

– Нурлан.

– А мне нужен Гамид, – немного растерянно проговорила ЖЕНЩИНА. Диалог велся на русском, поскольку она имела славянскую наружность. – Он тут живет.

– Здесь живу я, – сказал Нурлан. – А Гамид временно занимал мою квартиру.

– То есть сейчас его тут нет?

– Ни Гамида, ни членов его семьи, – уверенно покачал головой Нурлан.

– Где их найти, не подскажете?

– Увы, нет.

Губы ЖЕНЩИНЫ задрожали. Она готова была расплакаться, а видеть слезы в ее прекрасных глазах Нурлану не хотелось, поэтому он выпалил:

– Я найду вам Гамида, обещаю. – Он посторонился. – Пройдите в дом, я вас чаем напою, и вы мне расскажете, зачем вам мой бывший жилец.

– Он говорил, что квартира принадлежит ему, – жалобно проговорила ЖЕНЩИНА.

– Как вас зовут?

– Александра. Можно просто Шура.

– Нет, нет, никаких Шур, – запротестовал Нурлан. – Вам не идет.

– Тогда Сандрой называйте, так мое имя тоже сокращают.

– На это согласен, – улыбнулся Нурлан.

Потом они пили чай в кухне и разговаривали.

Оказалось, Сандра оставила у Гамида свои вещи. Она снимала квартиру в том же подъезде, потом ей предложили работу вахтовым методом, и так как уехать нужно было на пять месяцев, девушка решила отказаться от жилья. То небольшое, что у нее было, телевизор, магнитофон, кофеварка, зимняя одежда, книги, перекочевало в квартиру соседа, любезно предложившего «приютить» вещи Александры. И вот, спустя без малого полгода она вернулась за ними...

– Так они, наверное, еще тут, – обрадовался Нурлан. – Зачем бы Гамид стал чужое забирать? Обойдите квартиру, проверьте.

– Вы бы заметили чужие вещи.

– Есть пара шкафов, куда я не заглядывал. И на балконе ревизию не проводил.

– Тогда я, пожалуй, посмотрю...

Но вещей Сандры они не нашли. Более того, Нурлан обнаружил пропажу кое-какого своего имущества. Особо у него брат было нечего, все ценное давно было распродано, но имелись не новые, но качественные банные полотенца, тканые покрывала, бархатные занавески. Все это лежало в комодке долгие годы, а теперь исчезло.

Нурлану было не жаль своего барахла. А вот Сандра очень расстроилась.

– Теперь я буду жить как в пещере, – всхлипнула она. – Мне нечего посмотреть, послушать и даже почитать. И это я уже не говорю о том, что мне не в чем ходить зимой.

– Может, не стоит драматизировать? Всегда можно снять квартиру с обстановкой и купить новую куртку.

– На что? Почти все, что заработала, я отправила семье. У меня отец-инвалид, а брат еще не окончил школу... Я обязана помогать им,

понимаете? Кроме меня некому. Поэтому я не могу каждую зиму покупать себе новую куртку...

И Сандра расплакалась-таки.

Тогда Нурлан ее и полюбил. До этого просто восхищался, но когда в нем проснулась жалость к Сандре, пришло и то чувство, о котором он так много писал в своих произведениях, но сам не испытывал. Увлекался – да. Сгорал от страсти. Был переполнен нежностью. Почти любил... Ту самую пленную переводчицу, которая покончила с собой... Он занимался с ней сексом после всех этих боевиков, рискуя подхватить страшную болезнь, потому что Катя просила этого... Он на многое был готов ради нее. И думал, что это и есть любовь. Но когда женщина скончалась, он почти ничего не почувствовал. Сердце не разлеталось от горя на мелкие кусочки, как после смерти мамы.

Значит, не любил...

– Живите у меня, – проговорил Нурлан. – Бесплатно.

– Нет, что вы, я так не могу, – замотала головой Сандра.

– Это вас ни к чему не обяжет, не беспокойтесь.

– Но я все равно буду чувствовать себя вашим должником.

– Тогда сделаем так: на вас уборка квартиры, стирка и глажка.

– Я могу еще и готовить.

– Вот этого не надо, – улыбнулся Нурлан. – Горячее я ем редко, повинуюсь порыву. Первое, второе и компот – это не для меня. Питаюсь неправильно, сухомыткой, но мне так нравится. Особенно люблю горячий лаваш. Могу есть только его. С чаем. Но с овощами, конечно, лучше.

– Вас не мешает откормить, – заметила Сандра, окинув взглядом фигуру Нурлана.

– Мама пробовала, у нее не вышло. Так что, согласны на мое предложение?

Сандра, утерев слезы, кивнула.

Она переехала к Джумаеву уже на следующий день. При девушке был всего один чемодан.

Нурлан выделил ей лучшую комнату. Просторную, светлую, с широкой кроватью и туалетным столиком, за которым мама, жена уважаемого ученого, наводила красоту. Она каждый день подкрашивалась и укладывала длинные волосы в сложную прическу. Потом подбирала серьги под наряд, в котором собиралась выходить. Их было много, целая шкатулка. А папа дарил и дарил своей жене украшения, не всегда из драгметаллов, иногда это была бижутерия, но чешская, модная. Она до сих пор валялась в ящичке столика. Остальное, в том числе шкатулку, они с мамой проели в

годы лихие.

Сандре комната очень понравилась. И она как-то сразу в нее вписалась. А зеркало туалетного столика девушку вообще полюбило. Оно было капризным. Отражало людей так, как хотело. В нем почти все казались хуже, чем на самом деле. В том числе Нурлан. Но Сандра еще краше казалась... Хотя куда уж?

Как соседи они жили первые две недели. За это время перешли на «ты», пристрастились к бразильскому сериалу «Тропиканка», который показывали в девять вечера, и позднему ужину, состоящему из аджики и гренок.

В начале одиннадцатого они расходились по комнатам, и каждый ложился в свою постель. Сандра быстро засыпала, а Нурлан томился. Женщина, которую он желал, находилась совсем рядом, но он боялся сделать первый шаг. Что, если его напор напугает Сандру или оскорбит, тогда она покинет его квартиру, и он будет лишен даже совместного просмотра сериала и поедания гренок.

Так бы и не решился на какие-то действия, если бы не услышал ночью крик. Испугался, вскочил. Оказалось, Сандру мучают кошмары. Когда Нурлан вбежал в ее комнату, девушка металась по кровати. Он разбудил ее. Обнял, чтобы успокоить.

– Мне снилось страшное, – прошептала она, вцепившись в Нурлана дрожащими руками.

– Все мы видим кошмары, но они не могут причинить нам вреда.

– Нет, ты не понимаешь... Это не змеи или пропасти...

Если бы он не был так обеспокоен ее состоянием, то усмехнулся бы. Змеи и пропасти? Скажи еще, высокие здания, бурные реки, зыбучие пески? Или ожившие покойники? Что может быть страшнее их?

Казалось бы...

Нурлан провалился бы в пропасть, обвитый клубком змей, или упал с небоскреба, затем лицом к лицу встретился с зомби и посчитал бы сон увлекательным. Даже пораздовался экшену. Но его кошмары были совсем не зрелищными. В них он снова оказывался в плену. И то, что он смог из него вырваться, виделось ему сном.

Но дрожащая девушка в объятиях Джумаева имела право на свои кошмары:

– Я без спросу села за руль машины, поехала, он пытался меня остановить, но я не справилась с управлением и сбила его...

– Именно это тебе приснилось?

– Нет, это было наяву. Я сломала позвоночник собственному отцу. А у

нас с братом никого, кроме него, мама умерла при родах второго своего ребенка. Папа не винит меня. Он знает, я не нарочно. Но я себя не прощаю. Поэтому часто вижу кошмар, в котором сажусь за руль треклятого «Москвича». И пытаюсь отговорить себя от этого, потому что знаю, чем все кончится, но я не слушаю саму себя... Это и страшно, понимаешь?

– Понимаю. – Нурлан еще крепче обнял Александру. Его любовь к ней росла, как поставленное в тепло дрожжевое тесто. Себя, как писателя, он за такую метафору изругал бы, но он давно не литератор, значит, можно мыслить и так.

– Я калечу отца в каждом свое кошмаре. А когда просыпаюсь, понимаю, что это не сон, я действительно сделала его инвалидом.

– Но он жив, и ты из кожи вон лезешь, чтобы помочь ему и брату.

– Этим я себя и успокаиваю, – вздохнула Сандра. – Извини, что разбудила.

– Ничего. Если ты успокоилась, я пойду.

– Нет, – выпалила она.

– Не успокоилась?

– Нет, не уходи. Остайся со мной. Мне так спокойно в твоих объятиях.

А потом она его поцеловала. И Нурлан, конечно же, остался.

* * *

Отношениям исполнился месяц, когда Джумаев сделал Сандре предложение. Поскольку шальные деньги он не тратил, то обошелся малыми средствами: стол накрыл дома, цветы купил на базаре и сам сформировал интересный букет, а кольцо вообще... нашел! И не чье-нибудь – мамино. Она потеряла его давным-давно, еще при папе. И очень расстроилась, потому что кольцо было старинным и именно его муж надел ей на палец во время бракосочетания. Но оно как в воду кануло. А оказалось, провалилось в щель выдвигного ящика туалетного столика. И Нурлан, полюбив Александру, вернул его через столько лет...

В этом Нурлан видел знак и перестал сомневаться в правильности своего поспешного решения.

Когда Сандра вернулась и увидела накрытый стол, да еще цветами украшенный, то вместо того, чтобы обрадоваться, напряглась.

– Зачем это все?

– Сюрприз.

– Не люблю сюрпризы.
– Этот тебе понравится.
– Мне нравятся наши поздние ужины – гренки с аджикой. А еще «Тропиканка», но ты включил какую-то муть.

– Это «Звуки музыки» – классика.

Она закатила глаза.

– Выключить?

– Будь любезен.

– Но от шампанского ты не откажешься?

– Наливай, – улыбнулась она. – А я пока руки помою.

Не так себе Нурлан представлял этот вечер. Он думал, Сандра захлопает в ладоши, увидев накрытый стол, цветы и свечи. А когда он станет открывать шампанское, будет сидеть рядом, а не мыть руки...

Они выпили, вкусно поели. И несмотря на то что все пошло не так, как Нурлану хотелось бы, он встал на одно колено и протянул Сандре кольцо со словами: «Выходи за меня!»

– Этого я и боялась, – простонала она. – Как увидела накрытую «поляну», так сразу неладное почуяла.

– Я понимаю, это неожиданно, ведь мы вместе не так долго...

– Да дело не в этом.

– А в чем?

– Встань уже с колена, умоляю. И побрякушку убери.

– Это фамильная ценность, – буркнул Нурлан и вернулся на диван.

Сунув кольцо в карман, он спросил: – Ты меня совсем не любишь?

– Я тебя обожаю.

– Это не то...

– Да, это другое чувство, лучшее, – проговорила Сандра. – Потому что любовь зла, на нее рассчитывать даже козлы могут, а обожание... Его заслужить надо. По крайней мере, я так это ощущаю.

– Выходит, я заслужил твое обожание, но не право на то, чтоб стать твоим спутником жизни? Будешь ждать козла? Чтоб выйти замуж по любви?

– Да я уже... замужем!

Нурлан был так поражен, что не смог вымолвить ни одного вопроса, хотя в голове их крутилось сразу несколько. Но Сандра сама начала отвечать на них:

– Супруга зовут Али. Он азербайджанец. Мы поженились по огромной любви шесть лет назад. Первые пару месяцев я купалась в счастье и самой себе завидовала. Думала, так не бывает, чтоб сказка наяву... Как в воду

глядела. Али всегда меня ревновал, но я ничего дурного в этом не видела. Считала, что это доказывает его любовь ко мне. Пока я работала с ним – торговала на его точке фруктами, все было нормально. Но стоило мне уйти, начались сцены. У меня, между прочим, высшее образование. Я хотела применять полученные знания. Да и торговля вообще не мое. Поэтому я устроилась на одно производство технологом. Али сначала поддержал меня, а как узнал, что у нас коллектив в основном мужской, взбеленился. Увольняйся, кричал он. Я не послушалась. Тогда мы впервые всерьез поругались, и я даже ушла от мужа к родителям. Али вернул меня через день, поклялся больше не вести себя, как шах со своей наложницей.

– Сдержал слово? – вступил-таки в диалог Нурлан.

– Как сказать... Он контролировал каждый мой шаг. Отвозил на работу, встречал с нее, иногда среди дня приезжал и вызывал на проходную, чтобы проверить, на месте ли я, а то вдруг отпросилась на пару часов, чтобы перепихнуться. Я мирилась с этим, потому что хотела спокойствия в семье.

– Но муж все равно не успокаивался?

– Как ни странно. Не находя доказательств моим изменам, он продолжал искать их с еще большим рвением. Когда меня повысили, Али решил, что я сплю с начальником цеха и делаем мы это прямо на работе. Как-то мы вместе вышли из здания, муж выскочил из машины и бросился на него с кулаками. После этой сцены мне пришлось уволиться. Не потому что меня попросили, стыдно стало. Но на рынок я возвращаться не собиралась. Стала новую работу искать. Ходила на собеседования, а муж думал – бегаю по мужикам. Однажды мне позвонил бывший начальник. Сказал, что если я захочу, то смогу вернуться на прежнее место, потому что тот, кто сейчас его занимает, не справляется. Разговор был деловой, но поди докажи это Али...

– Он опять набросился на мужчину с кулаками?

– С ножом. И не у проходной на глазах у работников. Он проследил за ним и зарезал в подъезде... – Сандра судорожно вздохнула. – Мой муж сейчас отбывает наказание за предумышленное убийство в колонии строго режима.

– Сколько ему дали?

– Восемь лет. Осталось два с половиной.

– Только не говори мне, что ждешь его.

– Нет, не жду.

– Тогда почему не разведешься?

– Али не дает мне развода.

– Что за глупости? Расторгнуть брак можно и против его воли.

– Да, но я не готова рисковать жизнями своих близких. Думаешь, как мой папа инвалидом стал?

– Ты сбила его машиной.

– Да, но... – Сандра стушеввалась. – Он оправился после той аварии. Окончательно не вылез, но начал ходить с клюкой. С него сняли вторую группу инвалидности, дали третью. Он даже на работу устроиться смог. И когда он возвращался со смены, его избили монтировками якобы пьяные хулиганы, а на самом деле дружки Али. Он предупреждал меня о том, что если я его не послушаюсь, пострадаю не я, меня же он любит и хочет вернуть, а кто-то из членов моей семьи. И стоило мне подать документы на развод, как на отца напали. Теперь он в инвалидной коляске.

– Мы найдем управу на твоего мужа, не волнуйся.

– Не смей меня, Нурлан. Теперь у него еще и криминальные связи.

– Но что ты будешь делать, когда Али выйдет?

– Сбегу. Через полтора, максимум два года я уеду отсюда. Затеряюсь в Москве. Давно хочу переехать туда, но пока не решаюсь.

– Али может достать тебя через родственников.

– Мы – этнические немцы. До замужества я носила фамилию Брейг. Надеюсь, к тому времени как Али освободится, моя семья уже будет в Германии. – Сандра взяла бутылку, на дне которой еще оставалось шампанское, и вылила его в свой фужер. – Спасибо тебе за все, Нурлан. Я тебя обожаю и радуюсь каждой минуте, проведенной с тобой, но мне, наверное, следует съехать от тебя.

– Как? Почему?

– Ты слишком серьезно настроен, а я не готова к отношениям. – Она залпом выпила шампанское и решительно встала. – Прости, что не помешала тебе полюбить себя. Я пошла собираться...

Но Нурлан уговорил ее остаться. Это оказалось не так сложно, как он думал. Сандра быстро сдалась (потому что не могла расстаться с ним, не так ли?) и отлюбила его в тот вечер так, что Джумаев даже во сне улыбался.

А утром они сделали вид, что не было ни предложения руки и сердца, ни откровений Александры, ни попытки уйти. Но Нурлан ничего не забыл. Ситуацию с Али он на самотек пускать не собирался и решил предпринять кое-какие разведывательные действия. Зная имя и фамилию супруга Александры, а также статью, по которой его осудили, он смог навести справки об Али. Узнав, в какой колонии тот отбывает срок, отправился туда.

Удостоверение Союза писателей Казахстана и несколько книг

послужили ему пропуском в кабинет начальника. Нурлан наврал, что хочет написать правдивую книгу о тюрьме, без чернухи и ложной романтики. Попросил разрешения поговорить с некоторыми заключенными. В том числе с Али Мамедовым. Гражданин начальник дал добро.

Муж Сандры оказался очень красивым мужчиной с шоколадными глазами и скульптурным лицом. Неудивительно, что она влюбилась в него без памяти. Нурлан представился, начал задавать вопросы. Пока они касались условий содержания, Али отвечал, но как дошли до уголовного дела, по которому тот проходил, Мамедов напрягся.

– Это тебя не касается, – хмуро проговорил он. – Мне сказали, ты про зону пишешь, вот и пиши.

– Для меня важнее те, кто отбывает на ней наказание. Я не журналист, а прозаик. Меня судьбы людей интересуют, а не то, как часто и за что их отправляют в карцер.

– Я сижу за убийство любовника своей жены. Но ты сам это видел в деле. Чего тебе еще надо?

– Тут каждый второй говорит, что не виновен. Клянется, что его подставили. А вы признаете свою вину?

Али рассмеялся, запрокинув голову. Для зэка у него были очень хорошие зубы, позавидовать можно.

– Нет, я как раз из этих... Которых подставили. Но это не важно. Моя вина доказана. Я отсижу.

– А потом?

– Выйду, найду свою жену и заставлю за все ответить.

– За что? За предполагаемую измену?

– Предполагаемую, – фыркнул Али. – Да я рогами все провода в городе посшибал. Не раз и не два ее заставлял. Выгонял, проклинал, рожи бил, это уже не ей – любовникам, ее и пальцем не трогал, но Шурка умудрялась ко мне подольститься. И под дверью сидела, и в ноги падала... А уж если я ее на порог пускал, то прощения через секс добивалась. Она – огонь-баба. Таких до нее не было у меня и, наверное, больше не будет.

– Может, вы все выдумали? – предположил Нурлан. – Ревность хуже ЛСД, такие картинки в воображении рождает, что нарочно не придумаешь.

– Она обожает секс и халяву. Поэтому спит с теми, кого вожделеет, или с полезными для себя людьми. Я был, как «маккофе», два в одном, поэтому она вышла за меня. Но отказываться от привычек не захотела. Меня предупреждали, что Шурка не из тех, на ком можно жениться. На рынке, где я открыл точку, она подрабатывала, пока училась в технаре. Я знаю троих, кто ее имел до меня. Так что нет, я ничего не выдумал.

– Странно, что вы воспользовались ножом, а не автоматом, и порешили только одного. Бывшего начальника супруги, кажется?

– Я его не убивал.

– Но улики неопровержимы. Орудие убийства в багажнике машины, пятна крови на одежде... И даже ваша жена дала показания против вас.

– Отомстила за то, что я прогнал ее окончательно. Шурка злопамятная.

– Я признаюсь вам кое в чем, – решился приоткрыть карты Нурлан. – Я знаком с Александрой. Она снимает жилье в моем подъезде. Мы общаемся. Как-то она поведала мне свою историю, и она немного иначе звучит.

– Понятное дело. Шурка – белая и пушистая. Жертва домашней тирании.

– Но вы не даете ей развода. Угрожаете ей.

– Чем?

– По вашей указке избили ее отца.

– Кого-кого? – Али снова рассмеялся. – У Шурки нет ни отца, ни матери. Она детдомовская. Брат был младший, да умер от передоза в четырнадцать. Ты бы, писатель, проверял информацию, перед тем как берешься за написание правдивых историй.

– Тогда почему она не разведется с вами?

– Из-за выгоды. За аренду моей точки она получает прибыль, как супруга. Когда придет время, Шурка подаст бумаги на развод, а потом сбежит из Алма-Аты в Германию. Ее отец – сын немецкого военнопленного. Мать – потомственная шлюха невнятной национальности, в ней намешано множество кровей из-за того, что ее предки вступали в беспорядочные половые связи. Она по пьяному делу столкнула мужа с балкона. А потом и сама сиганула. После этого Шурку и брата в детдом забрали, ей было лет тринадцать, ему пять.

– История из первых уст?

– Конечно, нет. От Шурки правды не дождешься, она патологическая лгунья. Любит давить на жалость, но никогда не использует реальные «рычаги». Сокровенное скрывает. Обычно мешает ложь с частичкой правды...

Али резко замолчал, затем вперил свои шоколадные глаза в Нурлана. Тот почему-то смутился и стал собираться. Когда представлял себе встречу с мужем Сандры, думал, что она пройдет совсем иначе. И собирался предложить Али денег за то, чтоб он дал супруге развод, а после этого забыл о ней навсегда. Но Мамедов не то чтобы разбил в прах все представления Нурлана о Сандре, он заставил его задуматься о том, сколько

правды было в ее словах. Нужно разобраться...

– Ты ее новая жертва, – раскусил Джумаева Али. – И живет она не по соседству, а с тобой. Шурка – шалава и халявщица. Она не стала бы тратиться на аренду, тем более когда нужны деньги на Германию.

– Спасибо за беседу, – тускло проговорил Нурлан.

– Беги от нее, дурак, пока не поздно...

Джумаев встал, чтобы уйти, но Али схватил его за руку и яростно зашептал:

– Убедись в том, что я не вру тебе, и желаю только добра. Она разрушит твою жизнь, как и мою. Она стала старше, опытнее, значит, сильнее...

– Охрана, – крикнул Нурлан.

– Шурка не только дала против меня показания, но улики мне подкинула. Больше никому!

– Помогите!

Вбежали охранники и скрутили Али.

– Я готов угодить в карцер, лишь бы ты прозрел, – последнее, что услышал от него Нурлан.

...Домой он возвращался с тяжелым сердцем. История, рассказанная Александрой, уже не казалась убедительной. Впрочем, она и раньше вызывала некоторые сомнения, которые Джумаев гнал прочь. Но рыться в грязном белье любимой женщины он тоже не хотел. Да, она привирает, мутит какие-то свои схемы, но кто не без греха? Нурлан тоже не был с Сандрой искренним. Он ничего не выдумывал, но и правды не говорил. Его тайны были страшнее Сашиных. Узнай она, что имеет дело с убийцей и вором, убежала бы не то что в Германию, на край земли.

И Нурлан ничего не стал выяснять. В том числе отношения. Он поставил себя на паузу, чтобы насладиться одним мгновением. Кому, как не Нурлану, знать, насколько переменчива жизнь.

Сандра начала показывать зубки спустя пару месяцев. Ей не хватало денег, она просила их у Нурлана, а он давал какие-то гроши. На лечение папы и выпускной брата их не хватало. А она могла только подрабатывать, поскольку снова уехать на вахту не могла из-за Нурлана, которого не хотела бросать.

– Давай вместе поедem, – как-то предложил он.

– Но у тебя нет образования.

– Я могу выполнять любую физическую работу, не требующую особых навыков. Я очень сильный, справлюсь.

– Нет, это ужасно, когда женщина выше своего мужа по положению.

– Напомни, какая у тебя специальность?

– Техническая.

– А конкретнее?

– Я инженер-проектировщик.

– Я думал, технолог.

– В том числе.

– Что за техникум такой, – спросил Нурлан, – который готовит специалистов такого широкого профиля?

– Я сначала окончила его, затем поступила в институт, – быстро проговорила Сандра. – У меня два диплома.

Она врала так неубедительно...

И теперь Нурлан замечал это. Однако не относился к Сандре хуже. Но денег ей больше не давал, хотя снимал проценты со вклада регулярно. Он боялся, что она быстро накопит нужную сумму и засобирается в Германию.

В том, что Сандра начала изменять, Нурлан не был уверен на сто процентов. Он чувствовал: что-то не так. Но был выше того, чтобы устраивать за ней слежку. Именно так себя оправдывал Джумаев. На самом деле боялся столкнуться с реальностью. Если застукает, придется рвать с Сандрой, но как жить после этого?

Он устроился на работу на склад сантехники. И как-то в аллее унитазов увидел Гамида. Подошел и спросил:

– Помните меня?

– Конечно, – усмехнулся тот. – Вы помешали нам отлично устроиться в Алма-Ате.

– За это вы мне отомстили, сперев белье и занавески.

– Если б я хотел отомстить, то разбил бы унитаз и сломал плиту. Ваше барахло мы могли захватить только по ошибке. Съезжали в спешном порядке.

– А Сашины вещи? Их тоже... По ошибке?

– Не понял, – нахмурился Гамид.

– Вам на хранение оставляла кое-что из имущества Александра Мамедова.

Гамид схватил Нурлана за руку.

– Откуда вы о ней знаете?

– Она приходила, думала застать вас...

– Вот сука! – Гамид ударил кулаком по раскрытой ладони. – Пару раз с ней переспал, а отделаться до сих пор не могу.

– То есть она у вас телевизор, магнитофон и кофемолку не оставляла на хранение перед тем, как уехать на полгода в командировку? – уточнил

Нурлан.

– Про командировку не знаю точно, возможно, на самом деле Саня куда-то ездила, но ничего у меня не оставляла точно. Я ей на аборт денег давал, потом на восстановление, лишь бы она жене не рассказала о нашей связи. Я понимаю, ей тяжело, муж-игрок вынес из дома все, что можно было, да еще набрал кредитов по ее паспорту, потом в бега подался, а ей платить... Но все равно нельзя так наглеть, как Саня. Я думал, что расплатился с ней за свой грешок. Но раз вы говорите, что она приходила меня искать... Я даже не уверен, что она на самом деле была беременной!

Что ни день, то новая история. Сандра, как Шахерезада, легко придумывала сказочки, но, в отличие от сказочной красавицы, «развлекала» ими разных мужчин.

Нурлану стало противно. Получается, он полюбил не Сандру, а женщину, которой она притворялась. И если он останется с ней, то будет терпеть ее вранье и изводить себя подозрениями до тех пор, пока... Она его не бросит! Потому что сам он с Сандрой не расстанется... У него не хватит моральных сил. Его любовь к ней зла настолько, что готова убить...

Да, Нурлан умер бы за Александру. За эту лживую, хитрую, потасканную девку.

Он не рассказал ей о встрече с Гамидом, когда вернулся домой. Но вести себя как ни в чем не бывало не смог, поэтому уехал на три дня из города. Отправился к дальним маминим родственникам, жившим в горном селе (ее предки были простыми людьми, не то что папины). Там отдохнул душой. А когда вернулся в Алма-Ату, не застал Сандры дома. Он ждал ее день, вечер, ночь, утро... Сутки прошли, она так и не появилась. Вещи на месте, значит, не съехала. Где ее искать, Нурлан не знал. Пораскинув мозгами, отправился на колхозный рынок – там располагалась точка Али, арендную плату за которую получала Сандра. Поспрашивав у продавцов, нашел эту точку. За прилавком сидел пожилой дядька с кавалерийскими усами и красивыми шоколадными глазами.

– Здравствуйте. Вы, случайно, не родственник Али? – спросил Нурлан.

– Вы тоже для нас все на одно лицо, – буркнул старик. – Нет, я просто арендую у него точку.

– Насколько я знаю, дела за него жена ведет. Вы ее давно видели?

– Позавчера.

– С ней все было нормально?

– Ага. Только мужа не особо рада была видеть. Явилась, а он тут.

– Али сбежал из тюрьмы? – вскричал Нурлан.

– Почему сбежал? Амнистировали его. Сейчас и убийцам сроки

скашивают. А Али, тем более, и не убивал никого, подставили его, так что досрочное освобождение, это справедливо.

– Они вместе ушли с рынка?

– Ясное дело. – Старик подозрительно сощурился. – А ты кто вообще такой? Почему лезешь ко мне с расспросами?

– Я друг Али. Навещал его в тюрьме. И он говорил, что намеревается с женой поквитаться. Хочу проследить, чтоб глупостей не натворил.

– Друг, говоришь? А почему тогда не знал, что Али выпустили?

– Он не говорил. Боялся, что Александру предупреджу.

– Ты тоже ее поймел? Тут много таких. Последний Шуркин любовник вон где, – и указал на прилавок со специями, за которым стоял хорошенький таджик лет двадцати от силы. А Нурлан все удивлялся, почему от Сандры постоянно пахнет хмели-сунели.

– Прошу вас, скажите, где я могу найти Али. Это очень важно.

– Иди отсюда, – хмуро проговорил мужчина.

Джумаеву ничего не оставалось, как ретироваться.

Он вернулся в квартиру и метался по ней, не зная, что предпринять, чтобы помочь Сандре. В милицию позвонить? Сказать, что женщина в опасности? Но кто его будет слушать? Ведь нет никаких доказательств тому, что Александре что-то угрожает. И Нурлан ей никто, всего лишь сожитель, а Али муж, и женщина ушла с ним добровольно – это любой на рынке подтвердит.

Вдруг раздался телефонный звонок...

Нурлан сразу понял, что это Сандра. Сердце подсказало.

– Наконец ты вернулся. – Джумаев услышал в трубке родной голос. – Я звоню, звоню...

– Где ты была? – спросил Нурлан.

– У Али. Его выпустили.

– Знаю, знаю. Я был на рынке, искал тебя, мне сказал арендатор... – Нурлан понял, что теряет время на ненужные слова, и спросил: – Ты в порядке?

– Не совсем, но все будет хорошо, если ты мне поможешь.

– Конечно, милая.

– Приезжай на Садовую, дом восемь.

– Квартира?

– Это частный сектор. Умоляю, поторопись, – с этими словами Сандра положила трубку.

Нурлан бросился вон из дома. На улице поймал машину, назвал адрес. Пока ехал, корил себя за то, что не купил им с Сандрой сотовые телефоны.

Она просила, говорила, что так здорово быть постоянно на связи, но Нурлан считал, что, если ты не крупный бизнесмен или правительственный чиновник, тебе ни к чему такая дорогая игрушка. Жили без мобильных раньше, проживут и сейчас. Некоторые городского телефона не имеют, и ничего, обходятся...

К дому под номером восемь по улице Садовой Нурлан подъехал через двадцать минут. Расплатившись с водителем, вышел. Затем направился к входной двери. Она оказалась незапертой. Джумаев зашел в дом. В нем было жарко и пахло гнилой алычой.

– Сандра, – крикнул он.

– Сюда, – откликнулась она. – И не шуми.

Нурлан пошел на голос и обнаружил Сандру в комнате, по которой клубилась пыль. Ее было так много, что она походила на туман. В доме не делали влажной уборки очень и очень давно.

– Любимый, – всхлипнула девушка и бросилась Нурлану на грудь. Ни разу она так его не называла. – Ты просто не представляешь, что мне пришлось пережить...

– Расскажи мне все.

– Потом. Сейчас надо что-то делать с этим, – и она указала на лежащего на полу человека – из-за «тумана» Нурлан не сразу его увидел.

– Это Али? – Сандра кивнула. – Что с ним?

– Кажется, он умер.

Нурлан, отстранив ее, подошел к Али. Под его животом образовалась кровавая лужа. Из-под ребер торчал нож.

– Ты убила его? – охнул Нурлан.

– Нет, это он сам...

– Сделал себе харакири?

– Он угрожал мне, водил лезвием по лицу, шее, груди... Он наслаждался властью надо мной. Но я смогла его пнуть в грудь. Али потерял равновесие и упал... На нож.

Джумаев был слишком взволнован и озабочен, чтобы анализировать ее слова. Поэтому спросил:

– И чего ты ждешь от меня?

– Помоги мне избавиться от тела.

– Но Али жив!

– Что?

– Он без сознания, но дышит. Где тут телефон? Вызывай «Скорую». Мы спасем его, а потом отправим обратно в тюрьму.

– Телефон не в этом доме, я бегала к соседям, – воскликнула Сандра.

– Отправляйся к ним опять, – крикнул Нурлан. – Али потерял очень много крови, он может умереть в любую минуту.

– И пусть! Он столько горя причинил мне, что я не заплачу, когда он сдохнет. Мне не жаль его. Знал бы, как он издевался надо мной последние сутки. Он получил по заслугам... Пусть горит в аду!

– Александра, у тебя на теле ни одной раны или царапины, – хмуро произнес Нурлан. – Так что перестань врать и иди искать телефон.

– Ты предлагал мне руку и сердце, но я не могла выйти за тебя из-за Али. Когда он умрет, мы станем свободными.

– Ты хочешь оставить его истекать кровью?

Повисла пауза.

– Сандра, ответь.

– Конечно, нет, – выдавила из себя она. – Я от стресса сама не своя... Пойду к соседям. А ты пока проверь рану, быть может, Али как-то можно помочь.

И она удалилась. А Нурлан перевернул Али и подsunул под его голову свою куртку.

– Дурак ты, – услышал он хриплый шепот. – Нельзя было ее отпускать.

– Очнулся? – обрадовался Нурлан. – Потерпи, скоро приедет «Скорая помощь».

– Ты правда думаешь, что Шурка вызовет медиков?

– Надеюсь на это.

– Дурачило...

– Ты не падал на нож, да? Это она тебя пырнула?

– Она. А еще любовника своего зарезала.

– Начальника цеха? Но за что?

– Он ее бросил, когда раскусил. У него семья: жена, две дочки. Он хороший мужик, которого попутал бес. Шурка не могла простить его за то, что он ей, принцессе, предпочел какую-то клушу. – Али харкнул кровью. Нурлан понял, что его уже не спасти. – Ты думаешь, я это придумал? Нет, она сама в этом призналась. Сидела надо мной и говорила, говорила сама с собой... Я не все смог услышать, проваливался в беспамятство.

– А нож в твоём багажнике, кровь на рубашке?

– Она подготовилась к убийству основательно. И отомстила сразу двоим. Она страшная женщина. Так что зря ты меня не послушал...

– Знаю, – чуть слышно проговорил Нурлан. – Но я все равно ее люблю. А ты?

Али не ответил. Он захлебнулся кровью и умер.

Нурлан стал ждать Сандру, но... Дождлся наряда милиции.

Джумаева забрали, поместили в камеру предварительного заключения. Его обвинили в преднамеренном убийстве мужа своей сожительницы. Доказать свою невиновность Нурлан не смог – показания против него дали многие, в том числе Александра Мамедова. А какой спектакль она устроила в суде! Слушая ее выступление, обвиняемый чувствовал, как через отвращение пробивается восхищение. Если бы Нурлан не утратил способности писать, он посвятил бы Сандре роман. Она была достойна того, чтобы стать главной героиней, пусть и отрицательной.

Когда судья вынесла Джумаеву приговор (шесть лет заключения в той же колонии строгого режима, где отбывал срок Али), Александра Мамедова извинительно улыбнулась ему. Как будто хотела сказать, ты не держи на меня зла, я не хотела, ты сам виноват, я предлагала совсем иной вариант.

И Нурлан кивнул Сандре. Типа я все понимаю. Я тебя не проклинаяю, хоть и виню. Быть с тобой не могу. Но как без тебя – не знаю. Поэтому тюрьма – не самый плохой вариант. Иначе исход суда был бы иным. Нурлан мог запустить руку в свой валютный счет, нанять лучшего адвоката и выиграть дело.

Но он поплыл по течению...

Глава 2

Чаплин сунул в рот сигарету и с наслаждением затянулся. Вчера он сорвался, купил пачку «Парламента», но решил, что бросит сразу после того, как она кончится. А пока она пуста лишь наполовину, он будет кайфовать.

– Дай затянуться, – обратился к нему Иван Охлопков. Они вместе сидели на лавке, стоящей у съемочного павильона.

Эд передал ему сигарету.

– Ты же не куришь, – сказал он.

– Как и ты. – Он сделал затяжку и закашлялся. – Гадость какая... Зачем я только потащил ее в рот?

– Отдай.

Иван вернул сигарету и спросил:

– Что будет с фильмом?

– Мы снимем его и получим кучу наград.

– Но сегодня мы не работаем?

– Нет.

– И завтра?

– Съемки приостановлены на неопределенное время. Такое бывает. Так что поводов для беспокойства нет.

– Если нет, почему ты закурил?

– Боюсь потерять творческий азарт. Если мы запустим производство через неделю, это хорошо. Но за месяц я перегорю.

– А я уйду в другой проект. Мне предложили одну из главных ролей в сериале. Такой шанс нельзя упускать. Если бы мы продолжили работу над «Сиамскими», я бы отказался, но раз так все складывается...

– Я поговорю с Пан Фи сегодня. Посмотрим, что скажет.

– А не лучше ли с Аксакалом? Панфилов под его дудку пляшет.

– Он потерял племянника и чуть не умер от приступа. Думаешь, ему есть дело до этой всей ерунды?

Чаплин докурил и бросил окурочок в урну. Промазал. Пришлось вставать, подбирать.

– Если убийцу найдут в ближайшие дни, все наладится? – спросил Ваня, закинув в рот мятную жвачку.

– Мне кажется, дело вообще не в убийствах. – Чаплин протянул ладошку, чтобы получить пластинку «Орбита».

- А в чем?
- В древности считалось, что появление сиамских близнецов предвещает конец света, поэтому от них избавлялись, принося в жертву богам.
- Я читал об этом.
- А если они на самом деле приносят несчастья? А я сделал их своими музами.
- Что за глупые суеверия, Эд? – искренне удивился Иван. – На тебя это не похоже.
- Знаю, – вздохнул режиссер.
- И пессимизм тебе несвойственен. Так что перестань кукситься, иначе растеряешь свой творческий азарт раньше чем через месяц, а нам нужно снять этот фильм, потому что лично я рассчитываю на премию за главную мужскую роль. Тебе она тоже не помешает, но за режиссуру.
- Я ни секунды не сомневался в том, что премию получу. Хотя призы для меня не так уж и важны, больше хочу коммерческого успеха. И «Сиамские» могли бы стать бомбой.
- У тебя есть враги, Эд?
- Вроде нет. А что?
- Я просто подумал о том, что кто-то мог все это устроить, чтобы не дать тебе насладиться триумфом.
- Умертвить двоих только ради того, чтобы я провалился? – Чаплин не скрывал своего скептицизма. – Нет, вряд ли.
- Да, что-то я перемудрил. Но верить в невезение, которое принесли нам Аня с Таней, тоже не хочу. Прикольные, кстати, девочки. Мне они понравились. Особенно хорошая сестра.
- Таня, – кивнул Эд. Он тоже проникся к ней большей симпатией.
- Аня, – возразил Иван.
- Аня со стрижкой, – напомнил Чаплин.
- Да, я знаю.
- И она, по-твоему, хорошая?
- Если их сравнивать, то, безусловно, положительный персонаж именно Аня.
- Брось. Она скандальная, прибухивающая, тщеславная, похотливая...
- Она настоящая. В отличие от сестры. Татьяна – тот тихий омут, в котором такие черти водятся, что лучше и не знать.
- В нее Женька Бородин влюблен.
- Осветитель?
- Да. Он посвящает ей стихи.

– Думаешь, у них что-то получится?

– Я могу вообразить отношения мужчины и двух сиамских сестер, потому что я писал сценарий про это и все еще собираюсь снять фильм. Аксакал познакомил меня с историческими фактами на эту тему в первую нашу встречу. Но это все... – Чаплин рывком достал очередную сигарету. – Как не по-настоящему, понимаешь? Я смотрю кино, я его снимаю, но в жизни все немного иначе. И история сестер Блажек, которую мне поведал Нурлан в нашу первую встречу, все равно что легенда. Поэтому, когда я представляю реальных людей, которых знаю, соединившихся в этом сюрреалистическом любовном треугольнике, то мысленно фыркаю. Нет, эти отношения не зайдут дальше первого свидания.

– Думаешь, Женька даст задний ход?

– Сразу, как только ощутит в полной мере всю «прелесть» отношений с женщиной, к которой прилагается еще одна...

– Скандальная, прибухивающая, тщеславная и похотливая? – процитировал Эда Иван. – То есть прямая противоположность той, которую он выбрал? Да это же мечта каждого мужика – иметь двух не похожих друг на друга женщин. А эти еще и соперничают друг с другом, значит, будут за его внимание бороться. Одна стихами услаждать, вторая интимными ласками – кто чем умеет. А денег меньше, чем на двух отдельных баб, уходить будет. Желудок общий, значит, едят мало. Обувь и одежда в одном экземпляре. Зато застраховать жизнь можно каждой в отдельности...

– Не смешно, Ваня.

– Да я почти серьезно.

– Ключевое слово – почти. – Эд снова закурил. – Другого сестрам Сомовым мужика надо. Не Женьку. Чтоб получилось что-то...

– Такого, как покойный Абзал? Аня к нему так и льнула.

– Вот если его соединить с Женькой, получился бы идеальный вариант.

– Ха! Если меня соединить с Криштиану Роналду, – фыркнул Охлопков, – то же самое получится.

– Нет, вы оба не очень умны. Лучше с Илоном Маском.

– Миллиардером? Но тогда я останусь без кубиков пресса.

– Переживешь.

Они немного развеселились. Чаплин начал забавляться, пуская дым кольцами, и тут увидел мужчину, идущего в их сторону. Он был тучен, лысоват, облачен в форменную одежду синего цвета.

– Доброе утро, – поприветствовал он режиссера и артиста.

– Салют.

– Вы тут фильм снимаете? – мужчина указал на закрытую дверь павильона.

– Ага.

– Значит, ваш покойник был? Который в шкафу... – Чаплин кивнул. – Это я его обнаружил. Чуть не обделался, честное слово. Меня Саней зовут. Я склад с декорациями охраняю.

– Мы уже поняли, – сказал Ваня.

– Вчера к нам отсюда диван притащили и трюмо. Так вот, я кое-что нашел... – Толстяк протянул Чаплину брелок, на котором висели два ключа. – Вернее, не я, а Бориска. Залез в диван и давай чем-то звенеть. Я испугался сначала, думал, привидение...

– Кентервильское? – криво усмехнулся Эд. – Оно цепями гремело, если мне память не изменяет.

– Нет, серпуховское, – ничуть не обиделся охранник. – Я до этого работал в одном старинном здании, по которому призраки толпами бродили.

– А Бориска – это ваш напарник?

– Конечно, нет. Зачем бы человеку в диван лезть? – Саня посмотрел на Чаплина, как на идиота. – Бориска – это крыс. Он любит по складу бродить. Иногда в декорации забирается...

– То есть прогрызает в них дыры.

– Ничего подобного. Бориска ищет лазейки. Он интеллигентное животное, – вот теперь уже охранник обиделся на Эда. Как будто он дурно отозвался о его друге, а не о подвальной крысе.

– Раз ваш Бориска так прекрасен, заберите его домой, потому что декорации страдают от зубов грызунов.

– Жена не разрешит, – буркнул Саня и, развернувшись, зашагал прочь.

Чаплин и Охлопков проводили его взглядом.

– Прикинь, у этого чудика жена есть, – сказал Иван, выплюнув жвачку.

– У большинства мужиков со странностями есть жены. И как ни парадоксально, нормальные. А вот чудачки, как правило, одиноки.

– Покажи брелок.

Эд продемонстрировал его Охлопкову. Рифленое кольцо под золото, довольно красивое, на нем цепочка и крохотная бутылочка из матового стекла с логотипом известного алкогольного бренда. Такие безделушки продают на винзаводах, еще их можно приобрести в обычных сувенирных лавках тех стран, которые славятся своими спиртными напитками. Чаплин привез похожую из Армении. Но не брелок, а ручку в форме коньячной бутылки.

– Чье это, как думаешь? – спросил Эд.
– На диване сидели сестры, наверное, их.
– Не женский брелок.
– Почему же? Ане он бы в тему пришелся, она же любит выпить.
– Может, он провалился в диван давным-давно? – предположил Чаплин. – До того, как попал к нам на площадку?
– Бориска бы его обнаружил.
– Как я мог забыть про Сплинтера.
– Напомни, кто это, – попросил Иван.
– Как же? Сэнсэй черепашек ниндзя.
– Точно. Я ведь смотрел мультики о них, когда был подростком. – Охлопков взял брелок из рук Эда, рассмотрел его на свет. – А бутылочка, похоже, не пуста.
– Это оптический обман.
– Неа.
– Или глицерин внутри. Не ром же?
– Эдик, у бутылочки есть и крышечка. Она откручивается.
– Тогда открути и понюхай.
Иван так и сделал.
– Ничем не пахнет.
– Ты только не пробуй, а то отравишься еще... – И резко замолчал.
Иван понял почему.
– Это яд? – почему-то шепотом проговорил он.
– Возможно.
– Чееееерт... А я его нюхал!
– От этого не умрешь, не переживай.
– Надеюсь... – Иван быстро закрутил крышечку, как раз к ней крепилась цепочка, и бросил брелок на колени Эда. – Но водки выпить все равно надо, чтоб организм продезинфицировать.
– На здоровье! – Эд отсалютовал Ивану ромовой бутылочкой, затем достал телефон, чтобы позвонить майору Устинову и сообщить о находке крыса Бориски.

Глава 3

Тарантино ехал в машине и вспоминал анекдот про американца. «Вчера пил с русскими. Чуть не умер. Сегодня с ними опохмелялся... Лучше бы я умер вчера!» Именно так Костя Марченко чувствовал себя в ту минуту. Но алкоголь тут был вообще ни при чем. Женщины довели его!

Вчера Тарантино было плохо. Он переспал с барышней, которую благополучно избегал долгое время, и обидел жену тем, что не позвонил, чтобы предупредить о том, что не явится домой ночевать. Та, естественно, дулась на него. И вполне убедительную отмазку восприняла в штыки. На ласки не ответила, но из постели не выгнала, что радовало. А дознаватель Селезнева ни разу за день не позвонила (чего он боялся!) и почти забылась к вечеру. Тарантино засыпал с мыслью о том, что завтра все вернется на круги своя...

Но лучше бы он умер вчера!

Жена разбудила Костю ударом. Не хуком, естественно, но проснулся он от боли.

– Ты чего?

– А вот чего! – И снова хлестнула мужа по голой груди футболкой, затем швырнула ее ему в лицо.

Тарантино посмотрел на предмет одежды, что прилетел ему в физиономию. Он носил его двое суток. Он не очень приятно пах и был засален на вороте. Поэтому Костя его и кинул в корзину с грязным бельем.

Марченко не понимал, что вывело жену из себя, пока не увидел отпечаток помады на плече. Бледно-розовой. Именно такой пользовалась дознаватель Селезнева, и она невероятно шла ей. Тарантино с детства нравились индианки. Только из-за них он смотрел «шедевры» Болливуда. И Селезнева напоминала ему актрису, что под «джими-джими-ача-ача» играла глазами, волосами, руками, бедрами... В общем, нелепо двигалась и жестикулировала, но казалась ему при этом самой прекрасной женщиной на земле.

Тарантино медленно выдохнул, как самурай перед боем, и покинул кровать.

– Что за истерика? – спросил он у жены, найдя ее в кухне.

Она отвернулась от него к раковине и стала усиленно натирать губкой чайную чашку.

– У тебя ПМС?

- А у тебя ЗВЛ?
- Что, прости?
- Завелась любовница?
- Нет.
- Тогда кто оставил отпечатки помады на твоей футболке? Только не говори, что Лаврушка начал красить губы...
- Я не знаю, откуда пятно, – вздохнул Костя. – Наверное, какая-то женщина случайно оставила его...
- Случайно?
- Как-то в метро на меня упала барышня, сходящая с эскалатора. И весь ее макияж остался на моей куртке. Ты же помнишь тот случай? Мы над ним смеялись. Почему же сейчас ты устраиваешь сцену?
- Супруга швырнула чашку в раковину. Она не разбилась лишь чудом.
- Потому что пятно не на куртке. Даже не на свитере. Оно на футболке, которую носишь как нательное белье.
- Я половину вчерашнего дня провел на киностудии. Там постоянно работают софиты, от них жарко, я снял свитер и остался в футболке.
- Складно врешь... – горько проговорила жена. – Нагло. А когда-то краснел.
- Я понимаю, ты сердишься на меня. Я большую часть времени на службе, а в последнее время практически не вылезая оттуда, но это временно... Я только-только занял место Седого, я не освоился еще, и у меня прибавилось обязанностей.
- Да, ты просто горишь на работе. Вместе с дознавателем Селезневой? Тарантино занервничал по-настоящему в этот момент. Неужели Лаврушка проболтался своей супружнице, а та слила инфу Костиной? Но нет, товарищ этого не сделал бы...
- Что, в точку попала? – горько усмехнулась жена. – Уши покраснели, значит, да.
- В нашем отделении работает много женщин, среди них есть и дознаватель Селезнева. Но почему именно она должна гореть на работе вместе со мной?
- Может, потому что она только что прислала тебе сообщение?
- Ты лазила в мой телефон?
- Нет. Он лежит на подзарядке, я глянула, когда услышала сигнал доставки СМС.
- И что в нем?
- «Твои часы у меня».
- Эх, а я-то думал, там что-то вроде: «Спасибо за прекрасную ночь»

или «Давай сегодня перепихнемся в туалете».

– Она же не дура, чтобы такое писать женатому мужчине. Поэтому отправила безликое: «Твои часы у меня». Она же не знает, что ты снимаешь их только перед сном, душем или сексом. И если они у дознавателя Селезневой, то это значит...

– Ничего это не значит, – упорно шел в отказку Костя.

– Меня от тебя тошнит.

Жена расплакалась и убежала в ванную. Как раз вовремя, потому что проснулся сын Максимка и вышел из детской, потирая глаза. Тарантино напоил его кефиром – ребенок его обожал, себе сделал кофе, а когда ушел в спальню, чтобы одеться, жена проплакалась и вышла.

– Хочешь, я отведу Макса в садик? – спросил Костя.

– Я сама, – тускло ответила супруга.

И Марченко уехал на работу. В дороге вспоминал анекдот про американца, который пил с русскими, и думал о том, что скандал с женой – это только начало. Продолжением станет разговор с Селезневой. Он был процентов на девяносто уверен в том, что следы помады и утреннее СМС незапланированная пакость. Так получилось. Селезнева не хотела навредить. Но женщины так коварны и непредсказуемы, что стопроцентной гарантии он бы не дал.

– Лучше б я умер вчера! – простонал Костя.

Зазвонил телефон. Марченко с опаской глянул на экран. Если на нем высветится «Дознаватель Селезнева», он сорвется. Но поговорить с Тарантино желал Аркадий Устинов, он же Джорджи.

– Доброе утро, – поприветствовал он Костю.

– Если бы, – буркнул он.

– Тоже метеозависимый? Меня плющит, когда погода меняется.

– Расскажешь об этом, когда я приеду. Мне осталось пять километров преодолеть.

– Разворачивай колымагу свою и дуй на киностудию, там тебя сюрприз ждет.

– У меня два вопроса. Первый: с каких это пор японская машина, пусть и не новая, стала считаться колымагой, а второй – что за сюрприз?

– У меня два ответа, – в тон ему ответил Аркадий. – Первый: за машиной надо следить, чтоб она не кряхтела при езде, тогда ее никто не обзовет нехорошим словом, второй: в диване, облюбованном сестрами Сомовыми, найдены ключи с подозрительным брелоком.

– Кем найдены?

– Крысом Бориской. Но заберешь ты их у Чаплина.

– Хорошо. – Тарантино перестроился, чтобы развернуться. – Еще что-нибудь по делу есть?

– В стакане, из которого пил Абзал Садыков перед смертью, найдены следы яда.

– То есть он отравился водой, которую для его дяди принес Евгений Бородин?

– Похоже на то.

– Но остальная жидкость безвредная?

– Да, иначе у нас была бы гора трупов.

– Поэт на убийцу никак не тянет.

– И мотивов нет.

Аркадий резко замолчал, затем, бросив в трубку: «Повиси!», заговорил с кем-то другим:

– Доброе утро. Вам кого? – Очевидно, в кабинет зашел некто незнакомый Джорджи. – Майора Марченко? Его нет на месте. Надеюсь, будет к обеду. Что-то передать? Ничего? Зайдете позже? Тогда всего вам хорошего.

– Кто это был? – спросил Костя.

– Симпатичная брюнетка лет тридцати двух.

– Селезнева, – понял Тарантино и, не сдержавшись, произнес ее фамилию вслух.

– Та самая? Дознавательница? Что ж... Хороша.

– Она мне ничего не передавала?

– Нет. А должна была?

– Ладно, пока.

И отключился.

Тарантино уже устал ругать себя, но не мог остановиться. Нарисовался, фиг сотрешь, как говорили во времена его молодости. Понимал же, что если хотя бы один человек увидит, как майор Марченко провожает Селезневу, об этом на следующий день весь отдел будет знать. Но в пьяном кураже плевать хотел на это. А в глубине души даже торжествовал: признанная красавица предпочла его, Тарантино, остальным мужчинам, хотя среди них появился такой мачо, как Джорджи. К тому же Марченко не планировал оставаться у Селезневой. Тем более на ночь... Но не устоял! А кто бы смог?

«Многие, – самому себе ответил Костя. – Устинов, если бы оставался женатым. Он же верный... Лаврушка, который как огня боится своей супруги. Его тесть, считающий женщин, готовых на связь с несвободным мужчиной, мягко говоря, морально неустойчивыми...»

Но изводил Тарантино себя не потому, что нарисовался перед коллегами. Они позубоскалят в узком кругу да забудут. Его все больше беспокоила Селезнева. Пришла в кабинет, но часы не передала. Значит, хочет увидеться с Костей еще раз, а он жаждал этого избежать по многим причинам...

И главная из них: ночь с дознавателем Селезневой была незабываемой! И если он снова увидит ее зовущие губы, покрытые розовой помадой, ощутит легкий аромат духов, прикоснется к ее мягкой, как бархат, руке, то снова пойдет провожать ее после работы и...

Останется у нее навсегда!

А Косте Марченко нельзя делать этого – у него семья.

Глава 4

Кукуся так и не перезвонил. Не ответил ни на один из двух десятков Жениных вызовов. За завтраком поделился этим с дедом. Тот, выслушав, спросил:

– Где живет, знаешь?

– Нет.

– А говоришь, друзья.

– Мы всегда встречались в пивных или на улице.

– Тогда обойди пивные, где Кукуся завсегда, его не поймаешь, так, может, у друзей его узнаешь адрес.

– Думаешь, с ним что-то случилось?

– Мало ли, – пожал плечами дед. – Он же пьющий, а еще шепутной, такие часто попадают в неприятности...

– Ты прав. Но пивные открываются после одиннадцати, и в это время там не бывает посетителей.

– До вечера потерпи.

– Но если Данила в беде, я должен поторопиться.

– Да в вытрезвителе он или дома отлеживается после пьяной драки, – отмахнулся старик. – Я за него не переживаю, а вот за тебя – да. Зря ты связался с эти матершинником, называющим себя поэтом. Мне никогда этот мальчишка не нравился, и я был рад, что вы перестали общаться после школы.

– Тогда зачем ты меня посылаешь домой к Кукусе?

– Чтоб ты забрал свои стихи. А то еще возьмет и присвоит их, с него станется... Ребенком он падок был на чужое. Украдкой конфеты у нас из вазочки таскал, взял у тебя конструктор поиграть, но зажал и не вернул, а у меня значок спер. – Дед их коллекционировал и прикалывал к большому красному вымпелу с золотыми кистями. Как-то один из значков пропал. А так как это обнаружилось после визита Кукуси, старик решил, что это он – вор.

– Дед, Данила пишет не только матерные стихи, но и лирические. Так что нет надобности воровать их у других.

– Они так же хорошо написаны, как твои?

– Мне трудно судить, – немного смутился Женя. Он не хотел казаться тщеславным, поэтому не ответил прямо: «Мои – лучше!» – Но зря ты так о Даниле. Он мне искренне помочь хочет. Кукуся сложный человек, порою

невыносимый, но не подлый.

– Да откуда ты знаешь, если только по пивным с ним ходил? – досадливо протянул дед. – Пойди и забери блокнот, говорю тебе.

– Если у Данилы все получилось, он у издателя.

– Значит, позвони ему и спроси напрямую, как ему показались твои стихи. Издательство не пивная, уже открыто.

– Я даже имени его не знаю.

– Посмотри Кукусину книгу, на последней странице указаны фамилии редакторов, а через них и на главного выйдешь, – посоветовал дед.

– Он важный человек, вряд ли меня с ним соединят.

– Я нашему президенту смог вопрос задать, – дед потряс в воздухе морщинистым пальцем. – На последней прямой линии. Пробился к самому большому человеку нашей страны! А для тебя проблема до издателя дозвониться?

Бородин помялся, но сказал не то, что хотелось бы услышать деду:

– Нет, я лучше вечера дождусь. Нехорошо прыгать через голову Данилы.

– И в какого ты у нас такой тютя-матютя?

Женя уже не рад был тому, что поделился с дедом своими тревогами. Но с кем еще? Не с Татьяной же. Еще не хватало, чтоб и она его тютей-матютей считала. Хватит того, что ее сестра Бородина малахольным считает – он слышал, как она так о нем отзывалась.

– Спасибо за завтрак, дед. – Женя взял пустые тарелки, в которых до этого лежал омлет с луком, и отнес их к раковине. – Я посуду помою.

– Тебе на работу разве не надо?

– Сегодня выходной.

– Тогда мой. И думай над тем, что я тебе сказал по поводу стихов, Кукуси и его издателя.

Евгений кивнул, чтобы успокоить старика. Тот с возрастом стал очень подозрительным. Во всех он видел воров и мошенников. Естественно, больше всего таких людей было в рядах правительства, но среди простых обывателей они тоже часто встречались. Например, сосед, по мнению деда, воровал у них электричество, продавщица молочного ларька у дома подсовывала просроченные продукты, а дату на них каким-то способом переправляла, а представители пенсионных фондов, распространители Библии, сборщики подписей – наводчики бандитов. Женя считал, что старик перегибает палку, а мама была этому рада. Зато не облапошат его, как некоторых пенсионеров, и не выманят все накопления за какой-нибудь чудо-фильтр или глушитель вредных сигналов.

Помыв посуду, Женя оделся. Натянул джинсы, свитер, куртку на синтепоне. Так намерзся, бегая в рубашке, что решил сегодня утеплиться. Он одевался неброско, недорого, немодно. Отстойно, как говорил Кукуся. Но Бородин считал, что главное – удобство и опрятность. Пусть у Данилы вещи из бутиков, но на свитерах пивные пятна, а на штанинах застывшие брызги грязи. И ботинки не чищены.

Вспомнив о Кукусе (на пару минут Женя о нем забывал), Бородин вновь набрал его номер. Традиционно – никакого ответа.

Крикнув деду: «Пока», он покинул квартиру.

Идти Жене было, по сути, некуда. Съёмки приостановили, и он был сегодня свободен. Но не дома же оставаться?

Погода испортилась. Похолодало, и небо набрякло тучами. Женя порадовался тому, что утеплился. Сунув руки в карманы, направился к парку, но остановился на полдороге. Что там делать? Листья собрать? Опять? Не та погода, да и Тане он уже вручил осенний букет. Надо ее порадовать чем-то новым. Конфетами? Фруктами? Книгой?

Да, книгой. Она – лучший подарок. Особенно та, которую преподносит автор. Но пока у Бородина нет изданий (брошюра не в счет), подойдут и хорошие новости. Если он узнает точно, что издателю понравились стихи, это будет лучшим презентом для Танечки. А в придачу хоть букеты, хоть конфеты, хоть фрукты.

Женя достал телефон и пробежался глазами по телефонной книжке. В ней было не так много номеров, поэтому он быстро нашел нужный. В «Обществе мертвых поэтов» он познакомился с одним из закадычных друзей Кукуси по кличке Диоген. Он не писал стихов, но творил что-то из мусора. Собирал на помойках всякий хлам и делал из него скульптуры. Особенно любил работать с бочками, любыми – пластиковыми, деревянными, жестяными, поэтому и получил кличку Диоген (древнегреческий мудрец с таким же именем жил в бочке посреди пустыни). Бородин с презрением относился к современному искусству, поэтому пытался держаться от ненормального скульптора подальше. Но тот проникся к Евгению и навязал ему сначала общение, затем телефон. Велел звонить в любое время, уверял, что почти не спит.

Бородин в этом сомневался и предполагал, что в девять утра все представители современной богемы дрыхнут без задних ног, но все же набрал номер Диогена. К его удивлению, тот ответил после третьего гудка.

– Здорово, поэт – невольник чести! – поприветствовал он Женю.

– Это не обо мне, а о Пушкине, – усмехнулся Женя.

– Я в курсе. В школе учился. Лермонтов «На смерть поэта».

– Рад, что ты помнишь меня. И не спишь в столь ранний час.

– Я ж тебе говорил, что почти не сплю. И совсем не пью, поэтому тебя помню. Ты, можно сказать, стал моим кумиром. Твои стихи меня за душу взяли. Я думал, сейчас так тонко уже не пишут, – признался Диоген.

– Приятно слышать, – Женя на самом деле был польщен. Диоген, как всегдагдай «Общества мертвых поэтов», слышал много разных произведений, в том числе признанных.

– Что, созрел до того, чтобы ознакомиться с моим творчеством?

– С удовольствием сделаю это, но сейчас я хотел бы узнать у тебя адрес Кукуси. Мне он срочно нужен.

– Если срочно, езжай в издательство, – заявил скульптор, – он сегодня контракт на новую книгу подписывает.

– Рад за него.

– Я тоже. Потому что ни фига не шло у него творчество в последнее время. Думал, исписался Кукуся. Ан нет, наваял три десятка потрясных лирических стихов. Они мне твои напомнили, и я буквально искупал Данилу в овациях, прослушав пару.

– Не подскажешь, где издательство находится?

– Где-то на «Динамо», но точно не скажу. Так что, когда тебя в мастерской ждать?

Женя хотел ответить туманно, но потом подумал, что Тане могут быть интересны набитые ржавыми консервными банками и мятыми картонными коробками бочки из-под селедки. Она не была так категорична, как Бородин, и считала современное искусство заслуживающим внимания.

– Быть может, сегодня вечером?

– Нормалек.

– Ничего, если я приеду не один?

– С телочкой? Ой, пардон. Дамой?

– Даже двумя.

– Вот ты шалунишка, – рассмеялся Диоген. – Приводи кого хочешь. Только позвони предварительно, чтоб я никуда не свалил.

На этом разговор и закончили. Женя, убрав телефон, побежал к метро. Пока едет до «Динамо», найдет в интернете точный адрес издательского дома, выпускающего книги Кукуси.

* * *

Данила показался из дверей здания, когда Бородин уже собрался

уходить. Внутри его не пустила охрана, пришлось сидеть на лавке, мерзнуть. И, как назло, поблизости ни одной палатки с горячими напитками.

– Данила! – выкрикнул Женя, когда увидел Кукуся.

– Ты че тут делаешь? – нахмурился тот.

– Тебя жду. Ты почему на мои звонки не отвечал?

– Занят был.

– Тебя можно поздравить с новым контрактом?

– Откуда знаешь?

– Слухами земля полнится.

– Что, братик, ответственный за мои страницы в соцсетях, уже слил информацию?

Женя оставил этот вопрос без ответа. Задал свой:

– Данила, а что насчет моих стихов?

– Не понравились они издателю. Не знал, как тебе сказать. Вот и не брал трубку. А потом закрутился – и стало не до тебя.

– Отдай мне, пожалуйста, блокнот.

– Нет его.

– При тебе?

– Вообще. Потерял. Как твою брошюру. Нажрался, точно скотина, и посеял. Надо мне завязывать, а то растеряю последнее – ум, честь и совесть. – Кукуся нервно хохотнул. – Моя бабка любила говорить так.

– А предыдущий?

– Что?

– Блокнот. У тебя их было два. Где первый?

– Где-то дома лежит, я поищу. – Кукуся встал на низкий старт, желая поскорее сбежать. – Ты извини, Женек, у меня дел прорва. Давай наберемся позже?

– Нет, – Бородин преградил Кукусе путь. – Скажи мне правду.

– Какую?

– Ты присвоил мои стихи, да?

– Вот дурак, – фыркнул Данила. – Я пишу если не лучше, то не хуже тебя.

– Ты смог вымучить один сборник лирики. А потом впал в творческий кризис. Издатель требовал от тебя новых стихов, но у тебя ничего не получалось, твои друзья тому свидетели. И тут я подвернулся... Наивный дурачило, доверяющий тебе. Но ты – не я. Ты ушлый. Поэтому блокнот с уже опубликованными стихами тебя не заинтересовал. Только с новыми. И когда ты понял, что они хороши, попросил написать еще, чтобы хватило на

сборник. Признайся, ты уничтожил блокноты, чтобы не осталось никаких доказательств? Ведь ты знаешь, у меня нет черновиков...

– Сам бы ты до этого не додумался, – проговорил Кукуся. – Кто подсказал?

– Дед. Но я не хотел его слушать, пока не начал анализировать.

– Твой старикан – молодец. Фишку рубит.

– Я не силен в современном сленге...

– Он понял, что я его любимый значок спер? – Женя кивнул. – А ты защищал меня, да?

– Конечно, ведь ты был моим другом.

– Да я тебя терпеть не мог! – в бешенстве крикнул Кукуся. – Потому что завидовал... Нет, было время, когда я тебя не замечал. Ты не из той породы ботанов, которые бесят и им хочется навалить. Поэтому тебя наверняка половина одноклассников сейчас и не вспоминает. Я бы тоже не обратил на тебя внимания, если бы не Восьмое марта. Ты научил меня рифмовать. И у меня получилось сочинить прекрасный стих! После этого я заболел поэзией. Об этом ты, естественно, не знаешь, я никому не говорил. Мне хотелось писать и писать, но не получалось. А ты выдавал стихи один за одним, и они были прекрасными. А я все свои уничтожил! И решил вернуться к рогатке и футболу. Но от тебя не отставал. Думал, может, муза, что посещает тебя, и меня вскользь крылом своим коснется... А еще у тебя дома было ладно. И пусть ты рос без отца, зато с замечательным дедом. И мамка твоя хорошая по-настоящему. У нее пироги такие получаются, которые можно только с любовью испечь. Моя, как свиной, нас с братом кормила, сыты – и ладно. Не убиралась, и мы жили в бардаке. А отца интересовали только собственные дружки и карты.

– Поэтому ты никогда не звал меня к себе?

– Никого. Я до сих пор не пускаю гостей, хотя живу один.

– Но в привычной грязи?

Кукуся не услышал Женю. Он отвлекся на телефон.

– Такси подъезжает, – сказал Данила. – Так что придется сократить исповедь. Когда ты меня спрашивал, что заставило меня вернуться к поэзии, я толком не мог ответить. Поскольку это произошло случайно. Я реально забыл о стихах, погрузился в физическую работу и простую, понятную, вполне сытую жизнь. Но вдруг из меня фонтаном хлынули рифмы! Видимо, твоя муза, пролетая мимо, уронила на меня кашку... Потому что сочинялись стихи грубые, матерные.

– А те, что вошли в твой лирический сборник, не твои?

– Почему же? Мои. Они лились, как чистая вода, после того, как

пробьется канализация и выйдет вся муть. Я думал, это если не навсегда, то надолго. Но нет. Я быстро иссяк.

– Ты мог бы попросить у меня помощи, как когда-то, вместо того чтобы воровать мои стихи, – с трудом сдерживаясь, проговорил Женя.

– Не мог. Я твою брошюру не потерял, а выкинул со злости. Открыл, начал читать твои стихи и так остро ощутил забытую зависть. Я же с тобой встретился только затем, чтобы носом тебя в свой успех ткнуть. Мое самолюбие тешилось, пока мы сидели в «Баварии», где я выступал в роли гуру, а ты смотрел мне в рот. Но когда мы распрощались, а я открыл подаренную тобой брошюру, из дешевой бумаги, плохо склеенную, то понял, что мне никогда не написать таких стихов, какие получаются у тебя. И не важно, что я успешный, издаваемый, а ты неизвестный стихоплет, главное – у тебя есть дар, а у меня нет. А это значит, моя зависть никуда не денется. Советую тебе этим успокоить себя. Потому что твои последние стихи будут изданы под моим именем, и ты не получишь ни денег, ни признания.

– Я докажу, что они не твои!

– Не сможешь. Ведь у тебя нет черновиков. А если бучу поднимешь в интернете, так это даже хорошо, скандалы увеличивают продажи.

– Мои стихи тебя не спасут, неужели ты этого не понимаешь?

– Они меня выручат. Я снова выпускаю два сборника и уже объявил, что они будут последними. Я уйду красиво.

– И что будешь делать потом? Вернешься на стройку?

– Моих матерных стишков хватит еще на несколько песенных альбомов. Но если их перестанут покупать, да, вернусь на стройку. Я меня, в отличие от тебя, есть нормальная профессия. – Кукуся ткнул пальцем за спину Жене. – Меня машина уже ожидает, так что я пойду. Всего тебе хорошего, Бородин. Я бы попросил у тебя прощения, да язык не поворачивается, потому что мне не совестно. Ты обречен на безвестность, но благодаря мне твои прекрасные стихи начнут читать...

И он ушел... А Женя остался...

Ни с чем.

Глава 5

Тарантино сидел за своим рабочим столом и тупо смотрел в экран компьютера. По нему плавали рыбки. Повиливали хвостами, перебирали плавниками, выпускали изо ртов пузыри...

Такие заставки были на сотых «Пентиумах», оснащенных первыми «виндосами». Костя-подросток балдел от них. И когда стал взрослым дядей, скачал и поставил на рабочий комп, чтоб хоть что-то отвлекало. Еще загрузил «косынку» и «паука». Но на игры времени не было, только на рыбок...

Дверь открылась, и в кабинет влетел Ерш.

– На, – выпалил он и бросил на стол Марченко какие-то бумаги, после этого убежал.

Костя скосил на них глаза и тут же вернулся к наблюдению за рыбами. Интересно, они нарисованы с натуры? Есть у них прообразы, как у персонажей любимого сыном мультика «В поисках Немо»?

Одиночество Тарантино снова нарушили. На сей раз это сделал Аркадий.

– Результаты готовы? – спросил он.

– Да, лежат передо мной.

– Ты их посмотрел? – Тарантино покачал головой и вернулся к созерцанию виртуальных рыбок. – Да что с тобой сегодня такое? – возмутился Джорджи. – Сидишь, как мешком прибитый...

Он подошел к столу Кости и взял с него распечатку с результатами экспертизы, проведенной над жидкостью, которой была наполнена бутылочка, украшающая брелок, найденный в студийном диване крысом по имени Борис.

– И что там? – спросил Тарантино.

– Неужели тебе интересно? – саркастично воскликнул Аркадий.

– Ага. Я просто двигаться ленюсь. Считаю, нахожусь в режиме ожидания, как мой комп.

– Жидкость содержит токсичные вещества химического происхождения, – зачитал Джорджи. – При регулярном попадании в организм может нанести ему непоправимый вред.

– Но убить не может?

– С одного-двух раз нет.

– То есть это не тот яд, которым были отравлены две наши жертвы?

– Совершенно определенно, нет.
– Чем дальше в лес, тем злее партизаны.
– Да, вопросов становится все больше, а ответов как не было, так и нет.

– Надо хотя бы выяснить, чей брелок.
– Уже. – Аркадий включил чайник и стал копаться в коробке с пакетированной заваркой. Он любил «пуэр» и выбирал его среди ассорти. – Поскольку брелок был найден в диване, поставленном специально для сестер Сомовых, я связался с Таней – с ней легче разговаривать. Спросил, не теряли ли они ключи.

– Она ответила, что теряли?
– Нет. Но заинтересовалась брелоком. Попросила описать его. Когда я сделал это, она заявила, что видела подобный в руке Абзала. Он часто поигрывал им. Аня подтвердила.

Тарантино отлип от экрана, а чтобы он больше его не гипнотизировал, щелкнул по клавише «энтер».

– Зачем кому-то носить с собой яд, который не убивает?
– Убивает, друг мой, не сразу, а постепенно. Если регулярно давать человеку ту дозу, что налита в бутылочку, его здоровье постепенно разрушится, а смерть будет выглядеть естественной.

– И вскрытие ничего не покажет?
– Точно.
– Абзал подтравливал своего богатого дядюшку? – предположил Костя.

– Парень устал ждать его смерти, – кивнул головой Джорджи. – Я навел кое-какие справки о Нурлане. Он весь больной. С таким количеством болячек не живут, а он еще умудряется вести активный образ жизни, заниматься бизнесом.

– Деньги творят чудеса.
– Не творят, Костя. Иначе один из богатейших людей планеты Стив Джобс не ушел бы в расцвете лет.

– От смертельных болезней ничего не спасет, это понятно. Но бедняк может ждать донорской почки годы, пока не зачахнет, а богатый купит ее и станет жить дальше. Возьми внука Рокфеллера, умершего недавно. Ему пересадили шесть сердец, и он дотянул до ста лет.

– Я ничего не говорю, Джумаев потратил много средств на восстановление здоровья, но жив он не только и не столько благодаря медикам. Он боец. Настоящий ниндзя. И смерть его главный противник. Он ведет с ней бой все последние годы. Пока побеждает.

Тарантино никак не мог собрать мозги в кучу, хоть и старался.

– У вас все дела такие запутанные? – спросил Аркадий. Вода вскипела, и он заварил себе чаю.

– Мне тоже запарь пакет, – попросил Костя. – Разные у нас дела. Но с таким я еще не сталкивался.

– Значит, мне повезло, да? – усмехнулся он. – Триумфальный дебют окажется грандиозным провалом. Чую, мы не раскроем это дело.

– Рано сдаваться, мы только начали расследование.

– Абзал подтравливал своего дядю, но умер от того, что выпил воду из его стакана. Значит, старика хотел отравить еще кто-то, так? Причем тем же ядом, который убил Большого Уха. Какая связь между Филиппом и Нурланом?

– Видимой нет.

– Может, первый – внебрачный сын второго? Я видел паспортную фотографию Большого Уха, у него миндалевидные глаза и чуть приплюснутый нос.

– Если в порядке бреда предположить, что это так, то отца с сыном мог убрать только Абзал, а он сам скончался.

– По неосторожности?

– Даже версия Карины более правдоподобна, нежели твоя.

– Да, повара обычно лучше разбираются в преступлениях, чем опытные оперативники с высшим юридическим образованием, – поджал губы Аркадий и еще больше стал похожим на Джорджа Клуни.

– Конечно, нет. Поэтому, когда они несут ахинею, это не так бесит.

– И какое предположение высказала эта особа?

– Думает, что погибшие – случайные жертвы маньяка, устроившего русскую рулетку, в которой вместо патрона – яд.

– А что... Версия и правда лучше моей.

– Прикальываешься?

– Нет, я серьезно. На моей практике было дело, чем-то похожее на наше. Я в Камышине тогда жил, это по вашим, московским меркам небольшой город в Волгоградской области. За два месяца – четыре трупа. Все обнаружены в дни зарплаты на заводе стеклотары: в аванс и окончаловку. Все жертвы были убиты ударами по голове и ограблены. Думали, все из-за денег, ан нет. Душегуб оказался маньяком. Людей убивал из удовольствия, а кошельки отбирал для отвода глаз.

– Почему тогда именно в день зарплаты?

– Выпивал, как это положено у работяг, с получки и отпраивался в ближайший к заводу сквер, там всегда можно было подкараулить

хмельного мужичка. Знаешь, как поймали?

– На живца?

– Точно. Приманкой был я.

– Тебя не Джорджи нужно было прозвать, а Володькой.

– Шараповым? Мечтал я в детстве быть на него похожим.

– Но тебе не повезло, и ты вырос копией Джорджа Клуни.

– Ну тебя, – отмахнулся Аркадий. – Я ж не про внешность.

– Да я понял, так прикалываюсь. Разряжаю обстановку, можно сказать. – Тарантино взял кружку с чаем, сделал глоток и поморщился. Горько. Про сахар он Аркадию ничего не сказал, тот его и не добавил. – А про Нурлана еще что рассказать можешь?

– Трудной судьбы человек. Неудивительно, что выглядит на сто лет в свои пятьдесят восемь. У меня отец его ровесник, так его за моего старшего брата принимают. Он, кстати, не седой, я в мать волосами пошел. Но я отвлекся. Возвращаюсь к Джумаеву. Его отца расстреляли за измену Родине, мать стала случайной жертвой бандитской разборки, сам Нурлан был в плену у чеченских боевиков и отсидел шесть лет за убийство.

Тарантино присвистнул. Да уж, трудная судьба у человека, ничего не скажешь.

– Через кого инфу раздобыл?

– Есть у меня хороший приятель в ФСБ, он помог. – Джорджи тоже принялся за чай и пил его с удовольствием. – Пока Нурлан отбывал срок, его квартиру к рукам прибрали, потому что он ее приватизировать не успел. Вышел, а жить негде. Прописали его в каком-то клоповнике. В общем, еще помыкаться пришлось.

– Но сейчас он миллионер?

– Миллиардер, если брать казахские деньги или наши.

– Откуда дровишки?

– Поди узнай.

– С легального бизнеса начал?

– Да. Мелкого, правда, но поднялся стремительно. За пару лет. И не подкупаешься – все законно.

– Где начальный капитал взял?

– Этого в досье нету. Но я думаю, подкинул кто-то из корешей. Нурлан большой умница. Он хоть и без образования, но головастый. Какой-то важняк решил, что вложение денег в его дело будет выгодным предприятием. И, возможно, неплохим прикрытием для какого-то теневого бизнеса.

– Тебя это ни на какую мысль не наталкивает?

– Серый кардинал решил убрать своего верного солдата? У Лаврушки уже появлялась похожая версия.

– Если она окажется верной, два глухаря нам обеспечены. – Тарантино еще раз глотнул чая. Но он стал крепче, а от этого еще противнее. – Дай мне карамельку, пожалуйста. Не могу без сладкого чай пить.

Аркадий взял конфету и кинул ее коллеге. Но Тарантино не смог ее подхватить. Карамелька упала на пол, он наклонился, чтобы ее поднять, и тут услышал:

– Еще раз здравствуйте, майор Марченко еще не приехал?

Тарантино замер. Он узнал голос Селезневой.

– Приехал. – Пауза. Костя предполагал, что Аркадий ждет, когда он выберется из-под стола, но так как он этого не сделал, то добавил: – Но тут же убежал куда-то. Кажется, в лабораторию.

– Понятно. Что ж, извините. Но Костя мне нужен, а я никак не могу его поймать.

– Он у нас такой... Неуловимый. Я скажу, что вы заходили...

– Вы разве знаете мое имя?

– Нет, но я вас опишу, и майор Марченко поймет, о ком я. Вы просто копия Сальмы Хайек. Но улучшенная.

– Скажете тоже, – не без кокетства проговорила девушка, а затем ушла, о чем свидетельствовал хлопок двери.

– Выбирайся из укрытия, бравый полицейский, – хохотнул Аркадий. – Опасность миновала.

Марченко разогнулся.

– Селезнева не похожа на Сальму, – первое, что сказал он, приняв нормальное положение.

– Нет. Но это было бы забавным, потому что она тоже снималась в фильме «От заката до рассвета».

– Я забыл у нее часы.

– А я думаю, что ты постоянно руку вздергиваешь.

– Да, мне их не хватает.

– Так пойд и забери.

– Боюсь.

– Ее?

– Себя.

– Ты с ней в одном здании работаешь, не сегодня, так завтра встретишь в лифте, коридоре, столовой. Не лучше ли сразу решить вопрос?

– Нет. Сейчас, как раненый солдат, слаб и деморализован. Нужно окрепнуть.

– Влюбился?

– На грани... – признался Костик и вдруг рассмеялся. – Не мужской разговор, да? Кто бы подслушал его, не поверил, что Сет и Ричи могут всерьез обсуждать такое... Все, забыли!

Предложение забыть поступило вовремя, потому что в кабинет ворвался Лаврушка с кипой папок. Ему подписали-таки заявление на отпуск, и он собирался передать свои дела коллегам. Сам же намылился в Арабские Эмираты. Его супруга желала не только моря и солнца, но и шопинга, а то, что в Шарже просто так не забухаешь и супруг будет весь отдых трезвым, было приятным для нее бонусом. Лаврушка согласился на поездку. Что ему еще оставалось? Но Аркадию заказал три литра самогонки, чтобы уложить в багаж. Авось на таможне не отберут...

Глава 6

Таня положила телефон, по которому только что разговаривала, и сказала сестре:

- Скоро у нас будут гости.
- И кто же почтит нас визитом?
- Женя Бородин.

Аня закатила глаза, но сохранила спокойствие и ровным голосом спросила:

- Он будет с кем-то?
- Один.
- Тогда почему ты употребила множественное число? Сказала «будут гости»?
- Не придирайся к словам.
- Хорошо, – пожала плечом Аня. – Через какое время он явится?
- У нас есть час на то, чтобы убраться.
- Мы недавно это делали.
- Шесть дней назад. Пыль успела скопиться, и нужно протереть ее.
- А не лучше ли потратить время на приготовление шарлотки? Гостя нужно угостить, а у нас нет ничего к чаю. Все равно в кухне будем сидеть. Наполним ее ароматами?

Предложение было отличным. Сестры неплохо готовили. А пекли вообще великолепно. Точнее, кулинарным талантом могла похвастаться Таня, но Аня отлично подготавливала продукты: красиво резала овощи, отбивала мясо, превращала белки в безе. Сестры Сомовы были идеальной поварской мини-командой.

– А что, идея, – поддержала Аню Татьяна. – Яблок полно – Женя нам целый пакет собрал. Сахар, яйца, мука – все есть.

– Тогда за дело?

И девушки взялись за приготовление шарлотки.

Пока сестра резала яблоки, Таня занималась тестом. Хотелось, чтоб оно получилось идеальным, поэтому она сосредоточила на нем свое внимание. А когда отвлеклась, оказалось, что Аня почистила и порезала все яблоки.

- Куда ты столько накрошила? Нам такое количество не нужно.
- Увлеклась, – хмыкнула Аня. – Но ничего, я сок сделаю. Занимайся шарлоткой, а я им.

Давно Сомовы так слаженно не работали и так мирно не беседовали.

Когда пирог отправился в духовку, девушки пошли прихорашиваться. Аня просто умылась и припудрила покрасневшее лицо, а Таня накрасилась и уложила волосы.

Женя явился ровно через час, шарлотка к тому времени еще не испеклась, но распространила свой аромат по всей квартире.

Бородин пришел не с пустыми руками. Принес торт для всех и смешную маленькую игрушку для Тани. Он передал ее так, чтобы Аня не заметила.

– Как у вас вкусно пахнет! – воскликнул Женя.

– Мы испекли для тебя шарлотку. Надеюсь, ты любишь ее?

– Обожаю.

– Вот и отлично. А я равнодушна к «Праге», – сказала Таня: ведь именно этот торт принес Женя. Аня скорчила уничижительную гримасу – они обе не любили шоколад и любые кондитерские изделия с ним. А еще сестра ждала шампанского или вина, а получила дрянной торт.

Прошли в кухню. Бородин занял предложенный ему табурет.

– Соку? – Аня подвинула к нему стакан.

– Нет, спасибо.

Сестра посуровела:

– Отказ не принимается, потому что этот сок готовила лично я.

– Получился всего стакан? – спросила Таня.

– Да, не очень сочными яблочки оказались. Но это и хорошо, нам нужно воздерживаться от кислого – у меня изжога с утра.

Женя сделал пару глотков сока.

– Как? – полюбопытствовала Аня.

– Ты права, кисловат.

– Сахарок на столе, посласти.

Бородин не стал спорить. Он старался понравиться Ане, поэтому вел себя пайнкой. Но и она старалась:

– Как прошел твой день? Чем занимался?

– Встречался кое с кем.

– С издателем? – встрепелась Таня. Женя покачал головой. – Но вообще есть какие-то новости от него?

– Девочки, у вас пирог не горит? Пахнет...

– Ой, и правда! Мы газ не убавили, дурочки. – Таня схватилась за ручку духовки, а Аня за переключатель температуры. Плита в их доме была допотопной, еще советской, и нужно было строго следить за процессом приготовления пищи, а они отвлеклись.

– Можно вынимать, мне кажется.

– Да, выглядит готовым. – Таня натянула на руку термоперчатку и достала из духовки шарлотку. Она изумительно пахла и выглядела сносно – подгорел только один бок.

– Как вы относитесь к современному искусству? – спросил Женя.

– Ты наш пирог хочешь причислить к его шедеврам? – хохотнула Аня.

– Имею намерение пригласить вас в мастерскую одного своего знакомого скульптора, который творит в стиле... стимпанк, кажется? Я точно не помню.

– Это очень интересно, – с энтузиазмом воскликнула Таня и обратилась к сестре: – Что скажешь?

– Любопытно было бы взглянуть на «шедевры» из мусора, но не сегодня.

– Да, я тоже думаю, что нужно другой день выбрать, – кивнул Женя. Он был грустен, но старался этого не показывать. Тане казалось, что он хочет с ней поделиться чем-то, но при Ане не решается. «Но это ничего, – успокоила себя она. – Мы можем добиться приватности при помощи интернета. Я хоть сейчас бы написала ему, и он бы мне ответил, но мы впервые нормально общаемся втроем...»

– Можно воды попросить? – обратился к Тане Евгений.

– Сейчас будет чай.

– В горле что-то першит... – Он кашлянул.

– Я налью. – Аня схватила графин и плеснула в опустевший стакан Жени воды. Он жадно ее выпил. – Яблочки твои, прямо скажем, не ахти. Оскомину набивают, да?

Сестра не была бы собой, если бы не язвила. Таня не стала ее одергивать, а занялась шарлоткой. Поскольку она с одного края подгорела, пришлось уголок срезать, а «рану» посыпать сахарной пудрой. От этого пирог только выиграл.

– Извините, девочки, я в уборную, – сказал Женя и торопливо зашагал к туалету.

– Какой-то он сегодня странный, – заметила Аня. – Вздрюченный и лицо красное. Не заболел ли?

Таня пожала плечом. Ее саму Бородин беспокоил. Пока он пропадал в уборной, сестры разлили чай, разрезали пирог и водрузили тарелку с ним в центр стола.

Вернулся Женя. Лицо его стало еще краснее.

– Тебе нехорошо? – обеспокоенно спросила Таня.

– Честно признаться, да, перенервничал сегодня.

– Валерьяночки? – предложила Аня.

Бородин покачал головой. Ему на глазах становилось хуже. Покрасневшее лицо покрылось обильным потом, руки стали подрагивать.

– Я с вашего позволения еще раз в уборную схожу...

Он встал, сделал несколько шагов и вдруг осел. Как будто опустился на колени, чтобы помолиться.

Таня хотела броситься к нему, но Аня встала как вкопанная, да еще вцепилась в ручку двери, не давая сестре переместиться.

– Ты что творишь? – вскричала Татьяна. – Ему плохо, разве не видишь?

– Вижу, – усмехнулась сестра. – Не ожидала, что яд так быстро подействует.

– Какой еще...

– Я сделала его из твоих растений. Собрала самое ядовитое: стебли, цветки, листья – у кого что позаимствовала. И пропустила в соковыжималке вместе с яблоком. Славно, что ты мечтательная, витающая в облаках дура.

– За что ты с ним так?

– Не с ним – с тобой. Я осталась без мужчины, значит, и у тебя его не будет!

Часть пятая

Глава 1

Нурлан сидел на диване, утопая в горе расшитых вручную подушек, и смотрел «Рэмбо, первая кровь». На его худых коленях стоял поднос, на нем – тарелка, наполненная гренками, и вазочка с аджикой. Есть ее он не мог, острое было противопоказано его желудку, но нюхать-то любимую приправу никто не запрещал.

Джумаеву захотелось чаю. Но принести его было некому, пришлось самому встать. Сиделку он не нанял, хотя обещал доктору это сделать, постоянной прислуги не имел, а Абзал умер.

«Укушенный остался жив – собака околела!» – припомнил Нурлан строку из шуточной элегии английского литератора Голдсмита. В ней взбесившаяся дворняга покусала своего двуногого друга, и все пророчили ему скорую смерть, но... Человек остался жив... Собака околела.

Нурлан не знал точно, сколько времени племянник пичкал его ядом. Наверное, недолго, иначе он давно скончался бы. Резкое ухудшение состояния Джумаев ощутил две недели назад, когда проснулся утром без боли. Казалось бы, счастье! Все нездоровые люди мечтают о телесном покое. Но Нурлан был не из их числа. Боль не давала ему раскиснуть, она держала в тонусе, напоминала, что он все еще жив. Джумаев не был оголтелым мазохистом и прибегал к обезболивающим препаратам, если не было сил ее терпеть, но пятибалльную (по десятибалльной шкале) выносил. А на дискомфорт, покалывание, ломоту даже не обращал внимания...

В тюрьме Нурлана чуть не убили. Он не прогнулся под авторитетного рецидивиста, и за это его наказали. Не просто избили, а скинули в строительную яму – на территории зоны силами заключенных возводился новый корпус – и закидали землей. Слой ее оказался не толстым, это и спасло Джумаева. А еще боль! Во всем его истерзанном теле. Нурлан специально резко поворачивался, щипал себя, бился головой о дно ямы, чтобы не впасть в блаженное беспамятство.

Его нашли охранники и перенесли в больничку. Врач, осмотрев заключенного, сказал: «Не жилец». Но Нурлан боролся. И боль ему в этом помогала.

С тех пор она стала его вечной спутницей. Поэтому, когда Джумаев проснулся, а она нет... он испытал тревогу. Что-то не так, понял он, но паниковать не стал. Когда через день боль не вернулась, он поделился своей

тревогой с племянником. «Волшебные пилюли действуют!» – радостно вскричал он. Нурлан готов был поверить в живительную силу экспериментального лекарства, если бы не постоянная слабость. Он валился с ног через несколько часов после пробуждения. Племянник успокаивал, говорил, что это нормальная реакция организма на препарат, и велел ждать момента, когда он адаптируется. Но Нурлан чувствовал, что угасает. Преодоление боли давалось ему легче, чем борьба с недомоганием, похожим на угасание.

За день до того, как начались съемки «Сиамских», Нурлан заметил, как племянник тайком что-то добавляет в его чай. Пить его не стал, перелил в баночку. Отвез ее в лабораторию. А заодно чудо-пилюли. Оказалось, в чае токсичные вещества, а чудо-пилюли – мощнейшее обезболивающее. Вывод был один: племянник травит дядю, но чтоб тот не чувствовал, как гибнут его внутренности, пичкал его анальгетиками.

После этого Нурлан перестал пить их, как и любые напитки, приготовленные Абзалом. Он водил племянника за нос, наблюдая за ним, как притворяющийся спящим кот за обнаглевшим и подкравшимся слишком близко мышонком. И улыбался сквозь слезы, когда тот выказывал признаки беспокойства из-за того, что Нурлану не становится хуже. Чтобы подбросить масла в огонь, сообщил о продаже бизнеса...

Джумаев давно понял, что Абзал бездарен. Да, он невероятно умен, хорошо образован, но у него нет особого таланта. Как исполнитель он неплох. Но руководителя из него не выйдет. Нурлан постоянно подчищал за ним, но так, чтоб мальчик не страдал. Пусть лучше считает дядю самодуром, чем себя неудачником. Но Абзал сам сделал правильные выводы: ни о каком свободном плавании не может быть и речи. Он не построит не то что империи, крепкой деревеньки. Значит, нужно держаться за дядин бизнес. И наследовать его, а не просто деньги. Они что? Пыль. Принесут они, конечно, радость, но хочется быть важным человеком, боссом. А не обычным прожигателем жизни.

...От этих мыслей Нурлана отвлек звонок в дверь. Пришлось ставить чашку со свежесваренным чаем на стол и идти открывать.

Увидев на пороге майора Марченко, Нурлан удивился.

– Как вы узнали, где меня найти? – спросил он, забыв поздороваться.

– В больнице сообщили, что вы выписались. Могу я войти?

– Валяйте.

Нурлан посторонился, давая дорогу Константину.

– Как у вас уютно, – отметил он, осмотревшись. – Сами декор выбирали?

– Нет, я купил квартиру уже с ремонтом и мебелью. Но выбрал именно эту, потому что мне она показалась уютной.

– Как вы себя чувствуете?

– Сносно. Зеленый чай любите?

– Мне все равно, какой пить, а от горячего напитка не откажусь – на улице резко похолодало.

– Проходите в гостиную, я принесу.

– Давайте я помогу.

– С двумя чашками я справлюсь, – проворчал Нурлан.

– Но у вас приступ был...

– У меня много чего было, а я все еще жив и относительно бодр.

– Мой коллега называет вас ниндзей. Говорит, что вы настоящий борец со смертью.

Джумаев усмехнулся. Точное сравнение. Он выиграл не один бой с этой всеильной старушкой и не собирается сдаваться, хоть сил почти не осталось.

Разлив чай, Нурлан вспомнил о халве. Он купил несколько ее видов по пути домой. Точнее, не он сам, а водитель, которому это было поручено. Решив не пренебрегать законами гостеприимства, Джумаев выложил угощение на блюдо, водрузил его на передвижной столик, на него же поставил чашки и покатыл в гостиную.

Марченко ждал его на диване. С интересом смотрел «Рэмбо» и грыз гренку.

– Извините, не удержался, так вкусно пахла, – сконфузился он, когда его застучал хозяин квартиры.

– Ешьте, не жалко. И в аджику окуните для остроты.

– Спасибо. – Константин взял еще одну гренку. – Я забыл сегодня поесть, и вот только что желудок об этом мне напомнил. – Утопив кусок поджаренного хлеба в аджике, майор отправил его в рот. Великолепно!

– Расследование в разгаре?

– Работаем, да.

– Раз вы тут, значит, обнаружили какие-то новые факты?

– Узнаете? – Марченко достал из сумки пакет, в котором лежали ключи на брелоке.

– Можно? – Нурлан раскрыл ладонь, и опер положил на нее пакет. – Это ключи Абзала. Где вы их нашли?

– В диване, на котором вы сидели вчера. Они, по всей видимости, вылетели из его кармана, упали между сиденьем и подлокотником и опустились в днице.

- Он любил с ними играть.
- В бутылочке яд.
- Который его убил?
- Нет, который медленно убивал вас.

И остро посмотрел на Нурлана. Тот решил не отпираться:

- Да, племянник меня травил. И я узнал об этом неделю назад.
- Неделю назад? – не поверил ушам Марченко.
- Даже чуть больше.

– И не только не заявили на него, но даже не выгнали? Это что, безграничная доброта или, наоборот, вероломство?

– Ни то, ни другое. Скорее, любопытство. Мне было интересно, на что готов пойти мой племянник, чтобы свести меня в могилу.

– Вы рисковали.

– Мы, ниндзя, такие, – сощурил глаза хозяин квартиры. – Угощайтесь халвой. Мне лично особенно понравилась фисташковая.

Марченко не только не взял халву, он и гренку отбросил. Прямо на столик с инкрустацией!

– Абзал был вашим самым близким человеком на протяжении последних лет. Он заменил вам сына. А вы сейчас так легко говорите о том, что оставили его возле себя только из любопытства?

– Мне ясен ход ваших мыслей, молодой человек, – проговорил Нурлан, подобрав гренку и положив ее на бумажную салфетку. – Вы не можете представить, как это – разочаровываться в тех, кого любишь, на кого полагаешься, и не сходить при этом с ума...

– Разочаровываться? – воскликнул Константин. – Это не то слово, которое я бы употребил!

– Хорошо, сформулируйте по-своему.

– Был у меня друг. Мы с ним учились в универе. Я пять лет считал его своим корешем, пока он не выболтал на пьянке мои сокровенные секреты. Тут я в нем разочаровался! Но если бы тот, кого я пригрел на груди своей, змеенышем оказался... Я бы сказал – хочу, чтоб он сдох. Мучительно. И горел в аду.

– Вы мне нравитесь, Константин, – улыбнулся Нурлан и сделал глоток чая. – Поэтому я сделаю вид, что не вижу скрытого мотива... Вы вызываете меня на эмоции, так ведь? Думаете, что озвучиваете мои мысли, после чего это сделаю и я?

– Нет, у меня кишка тонка вас развести на это... Я просто по-человечески вам сочувствую. Поэтому и интересуюсь, какового это – пережить предательство самого близкого человека?

– Невыносимо тяжело... В первый раз. Потом к этому привыкаешь. – Нурлан взял кусочек халвы и положил его в рот. Когда он растаял на языке, продолжил: – Меня столько раз предавали, что я удивляюсь, если этого не происходит. Абзал продержался дольше, чем остальные. Когда я узнал, что он, как вы выразились, змееныш, пригретый на груди, оставил его у себя для развлечения. Моя жизнь на них небогата.

– Но вы угодили в больницу с приступом после того, как племянник скончался на ваших глазах.

– Мой организм еще не очистился от токсинов. Я чувствую себя не самым лучшим образом. А тут стресс...

– Вы убили Абзала?

– Нет. Он убил сам себя.

– Это значит, что вы позволили ему выпить отравленный им же напиток?

– Снова мимо. Я думаю, что мой племянник перемудрил с ядами и отравил по ошибке беднягу буфетчика, а потом и себя. У него бабка была мыстан – ведьма. Погибла она, сорвавшись со скалы. Но ходили слухи, что столкнули ее. В травках старуха очень хорошо разбиралась. Могла и внука научить.

Марченко смотрел на старика недоверчиво. Но Нурлан чувствовал, тот ему верит. И симпатизирует...

Потому что Джумаев ниндзя? Все мальчишки, рожденные в конце восьмидесятых, их обожают. Они герои, а не неуловимые мстители или Фантомас, герои их времени.

– Константин, вы же понимаете, что если бы я чувствовал опасность, то не принял бы вас как гостя. Не разоткровенничался бы с вами. Мы встретились бы в присутствии адвокатов, а то и консула, потому что я гражданин Казахстана. Я не причастен к смертям двух несчастных парней, пусть даже один из которых змееныш, пригретый на моей впалой и испещренной шрамами груди. Клянусь вам в этом.

– Но вы знаете, кто их убил, – задумчиво проговорил Марченко. – Нет, не так... Вы догадываетесь, но не поделитесь со мной своими предположениями.

– Я уже сделал это.

– Ой, перестаньте! Буфетчик Филипп жертва случайная, я с вами согласен. Но не Абзал. Он, может, и не блистал особыми талантами, но был умен и хитер и так глупо не попался бы...

– Ничем не могу помочь вам, Константин.

– Очень жаль.

– И мне. И чтобы подсластить пилюлю, предлагаю вам скушать кусочек халвы. Вы так и не попробовали ее.

– Старый ты змей, – расхохотался Марченко. И его «ты» прозвучало не оскорбительно, а как-то по-родственному.

– Заметь, сынок, искушаю всего лишь сладостями, – в тон ему ответил Нурлан.

– Лучше бы коньяком.

– Хочешь выпить?

– Стопочку пропустил бы с удовольствием. Больше не могу – за руль садиться.

– Есть «Хеннеси». Но бутылка распечатана. Если не боишься, пей.

– Боюсь, поэтому не буду.

– И правильно, чай лучше...

– Я только сейчас понял, что и он может таить опасность для моего здоровья.

– Слушай, а ведь ты прав. Абзал мог не только капельки в водичку добавлять, но и растертые листья в заварку, какой-нибудь ядовитый плющ в мочалку...

– Как вы дальше жить думаете? – перебил Нурлана Марченко, снова перейдя на «вы».

Нурлан пожал плечами. Он именно тем и занимался, что думал. И пока не мог решить, что лучше – продолжить работу, потому что она, как боль, не дает расслабляться, или уйти на покой. С одной стороны, Джумаев еще не достиг пенсионного возраста, его ровесники всюду вкалывают. С другой – он больной и богатый. Первое дает ему право на досрочную пенсию, второе – на достойное существование.

– У вас есть мечта? – не отставал майор.

– А у тебя?

– Я первый спросил.

– Была. Хотел фильм снять по своему роману.

– А теперь?

– Не хочу. Поэтому свернул проект.

– Из-за смертей?

– Нет. Просто понял, что история, придуманная мной и ставшая основой сценария, никуда не годная. Познакомившись с сестрами Сомовыми, я прозрел. Все не так, как я себе представил. Ни один мужчина, каким бы он ни был, не разрушит гармонию отношений сиамских близнецов. Тем более такой, как мой герой.

– У меня два замечания. Первое: если брать Аню и Таню, то между

ними нет гармонии. Они вынуждены взаимодействовать, и только. Друг друга они не ненавидят, но и не любят. Если их разделить, уйдут каждая в свою сторону, даже не оглянувшись. Второе: как раз такой, как ваш герой, мог бы гармонию разрушить, потому что он никакой... Я прочел повесть и сделал выводы! Он никакой. И обе сестры понимают, что смогут вылепить из него, что захотят. Не он предпочел одну из них, его заставили принять решение...

Подумав несколько секунд, Нурлан ответил:

– Это твое мнение. И оно отличается от моего. – Он подвинул к Марченко тарелку с халвой. – Скушай...

– Вы так настойчиво мне предлагаете угощение, что у меня закрадывается мысль о том, что в нем отравы.

Джумаев разломил кусок на две части и одну отправил себе в рот.

– Я просто хочу тебя угостить, – сказал он, запив халву чаем. – Когда-то давным-давно, можно сказать, в прошлой жизни дом Джумаевых был гостеприимным. Хлебосольным, как выразились бы вы, русские. Гостя нельзя отпустить, не накормив. Да, ты полицейский, который подозревает меня, но... – Нурлан тяжело вздохнул, – к сожалению, у меня нет друзей-приятелей. Мне не для кого открыть свой дом. А так приятно иногда побыть в роли гостеприимного хозяина.

– Хочу задать вопрос, но знаю, что не получу на него честного ответа. Поэтому жду хотя бы намека... Ведь мы просто беседуем. Без протокола.

– Задай.

– Откуда стартовый капитал?

– Какая проза, – не сдержал разочарования Нурлан. – Почему всех интересует денежный вопрос в первую очередь?

– Я ознакомился с вашей биографией. Вы бывший пленник и зэк. Вас даже квартиры лишили. А сейчас у вас их... три?

– Две. И дом. А имелся еще и остров. Хотя он стоил дешевле, чем эта московская хата.

– Так кто вам дал денег?

– Думаешь, тюремные кореша? Ошибаешься. Я не связался бы с урками. Не скрою, меня уважали. Я добился этого не сразу. Пришлось пройти через клиническую смерть. Меня избили и заживо похоронили. Но я же ниндзя, я выжил. И не сдал тех, кто меня искалечил и закопал. Исполнителей простил. А того, кто подвиг их на расправу, убил. На глазах у его приспешников.

– Каким образом?

– В ноги упал, чтоб он подумал, что я сдаюсь, а когда он наклонился

надо мной, свернул шею. Переломить ее не так уж и сложно. Я сильный, хоть и выгляжу слабым.

– Вам ничего не было за это?

– Нет. Хотя я ждал, что меня растерзают на месте. Но нет. Меня зауважали. И не сдали, как и я их.

– Но откуда деньги, вы так и не ответили?

– Это наследство.

– От отца?

– Увы, нет. Но денежки прилетели со стороны его родственников. С маминой же – Абзал.

Нурлан вспомнил те «смутные» времена. Он освободился, вернулся домой... А дома нет. Квартиру, пусть и со второй попытки, отобрали. Он предполагал, что с деньгами вышла та же история. Были – сплыли! Всех граждан бывшего Советского Союза кинули. Сначала они потеряли вклады и страховки времен СССР, потом погнались за капиталистическими радостями и снова оказались на мели. Фонды, биржи, банки лопались. Простые люди оказывались разоренными, а основатели фондов, бирж и банков – на Каймановых островах. Нурлан ругал себя за то, что не зарыл ту сумку с долларами, но, когда явился в банк, оказалось, что он все еще работает. И вклад его никуда не делся. Более того, проценты набежали приличные. А так как курс доллара взлетел до небес, то Нурлан стал казахским миллионером!

Отметив это, он вернулся в общагу. Специально не стал снимать ни доллара, чтобы не баловать себя. Нурлан продолжил влачить жалкое существование, но запустил умственный процесс на полную. Он решил стать успешным. Но так, чтобы ни одна тля не подкопалась. И не важно, из каких она, «тля» эта, структур: государственных или криминальных. Нурлан не хотел отстегивать ни чиновникам, ни ментам, ни бандитам. Поэтому очень скромно начал: открыл магазин, торгующий изделиями из хлопка. Затем еще один и еще. Эти точки хоть и приносили прибыль, но ничтожную. Поэтому Нурлан, пока держал их, жил не просто скромно – бедно. Всем говорил, все вкладывает в бизнес. Параллельно он занимался геологоразведкой. Когда нашел залежи, казалось бы, не самого ценного, не нефти или золота, а фосфатного сырья, продал магазины и занялся добычей...

– Вы так и не ответили, есть ли у вас мечта? – услышал Нурлан вопрос майора Марченко и отряхнулся от воспоминаний. – Та, что была, забыта. Но, возможно, появилась новая?

– Прожить как можно дольше. В моем положении это не только и не

столько мечта, а сверхзадача.

– А жениться не думали?

– Вот ты как мысли мои прочел, сынок.

– Серьезно?

– Почти. Законным браком я сочетаться не собираюсь, но не прочь взять под свое крыло женщину, которая останется со мной до конца, а после смерти унаследует мое имущество. Возможно, мы даже ребеночка родим. На сексуальные подвиги я, увы, не способен, но в наше время – это не проблема. Если у меня есть пара-тройка активных сперматозоидов, я оплодотворю ими яйцеклетку в пробирке.

– Кандидатка на роль жены и матери уже есть?

– Даже две.

– Аня и Таня? – догадался Марченко.

– Не так просто я встретил их спустя столько лет... – вздохнул Нурлан. – Да и роман родился в моей голове тоже не случайно. Эти девочки...

– Созданы для вас?

– Скорее я для них. Сестры нуждаются в заботе, уважении, понимании и любви... Последнего не дам, я утратил способность к сильным чувствам, но создам иллюзию.

– Насколько я знаю, Аня была увлечена вашим племянником, а Таня влюблена в осветителя киностудии Бородина.

– Это пройдет, – улыбнулся в жидкие усы Нурлан.

– Вы им вообще шанса не даете, да?

– Женя похож на меня, молодого. Такой же наивный дурачок. Но меня жизнь поломала, а его нет. Возможно, придет день, когда она и за него возьмется, но сейчас времена другие... Так что вряд ли. И Женя Бородин, каким я вижу его сейчас, не сможет составить достойную пару Тане с Аней. А нужно им обеим, не одной из них. Ты зря думаешь, что они чужие. Если их разделить, это невероятно, конечно, но допустим, они продолжают ходить друг за другом. Они как ниточка с иголкой, но на эмоциональном уровне. Поэтому их сделает счастливыми только тот мужчина, что воспримет их как единое целое.

– Они в курсе ваших намерений?

– Конечно, нет. Я только сейчас понял, чего хочу. – Джумаев хлопнул себя по коленям. – Решено! Я продаю фирму и ухожу на покой. Но сначала в Баден-Баден на воды. Мой организм нуждается в очистке.

– А если сестры Сомовы не согласятся?

– Уговорю, – еще больше развеселился Нурлан. Но тут же стал

серьезным и сменил тон на официальный: – А теперь я вынужден попросить вас меня покинуть. Устал, хочу лечь.

– Спасибо за чай. – Костя резко поднялся. – До свидания.

– Всего хорошего, майор. Надеюсь, убийца не останется безнаказанным.

Джумаев проводил полицейского до двери и, когда он покинул квартиру, торопливо зашагал к телефону. Нужно сделать так много звонков, чтобы воплотить спонтанно возникший план в жизнь.

Глава 2

Таня размешивала в литровой банке марганцовку и старалась не думать о том, что если примитивное очищение желудка посредством вызывания рвоты не поможет, то Женя умрет. Но не «Скорую помощь» же вызывать! Это, как сказали бы приближенные к криминальным кругам лица, палево.

Когда выяснилось, что сестра напичкала Евгения ядом, Татьяна впала в ступор. Как ни странно, вывела ее из него Аня.

– Что застыла, дура! – истерично закричала она. – Давай что-то делать!

– Что? – тупо спросила Таня.

– Чем-то поить его, чтоб вырвало.

– У нас ничего подходящего, кроме марганцовки.

– Значит, будем разводить ее.

Тогда-то Таня и приступила к приготовлению очищающего раствора.

– Что ж я за тварь такая? – причитала сестра. – Взяла и отравила человека. Да ладно бы плохого, злого – безобидного чудика... в листьях!

– Раньше нельзя было подумать об этом? – кричала Таня. – До того, как сделать?

– Думала... И мне казалось, что поступаю правильно. Но как упал он, так сердце мое закривило. Не по тебе, по нему... Жалко же бедолагу.

– Не травила я твоего Абзала!

– Теперь понимаю, что нет. Реакция не та. – Аня выхватила из рук сестры банку и начала вливать раствор марганцовки в рот Жени. Он закашлялся, стал отворачиваться, но Таня удержала его за подбородок. – Но если твое чудо помрет, мы сделаем вид, что он стал третьей жертвой отравителя, хорошо?

– Он не умрет. – Таня повернула Бородина на бок, чтобы он не захлебнулся рвотой. Сестры дружно подставили тазик под его лицо.

Следующие полчаса Женю полоскало. Очистив желудок, он уснул прямо на полу. Таня подложила ему под голову сложенное в несколько раз полотенце, Аня опустила на лоб влажную салфетку.

– Ты правда его любишь? – спросила Аня шепотом.

– Мне кажется, что да.

– Тогда я не буду мешать. Клянусь.

– Из-за угрызений совести? Или потому что поняла, что, вставляя палки в колеса, сделаешь еще хуже? А может, Женя тебе вдруг понравился

и ты сама не прочь с ним попробовать?

– Ни то, ни другое, ни третье.

– Или и то, и другое, и третье?

– Подойдут оба варианта, – усмехнулась Аня. – Потому что я сама не знаю точно, какой из них верный. Главное, чтоб ты была счастлива.

Татьяна расчувствовалась и обняла сестру.

– Мы не станем звездами, ты понимаешь? – спросила у нее она после того, как вернула руку с шеи Ани на макушку Жени. Его тонкие волосы намokли и казались орошенным росой пухом одуванчика.

– Еще не все потеряно.

– Я так не думаю. Нам придется вернуться к той жизни, которую мы вели ранее. Но в ней появится Женя.

Тот, как человек, которого вспомнили, икнул. Затем застонал.

Татьяна наклонилась к нему.

– Пить?

– Где я? – прохрипел Бородин.

– У нас дома. – Таня взяла бутылку воды, открутила крышку и влила в рот Жени немного жидкости.

Тот закашлялся, после чего сел.

– Почему я у вас дома, а не в больнице?

– Мы смогли оказать тебе помощь сами.

– Вы уверены в этом?

– Тебе же лучше.

– То, что меня перестало рвать, ни о чем не говорит, – начал сердиться Женя. – Что, если яд успел проникнуть в организм так глубоко, что обычным промыванием желудка не обойтись?

– Какие глупости, – фыркнула Аня. – С тобой все в порядке.

– Я встать не могу! – Он на самом деле сделал попытку подняться на ноги, но тут же осел.

– Это из-за слабости. Давай мы поможем тебе.

– Вы должны были вызвать «Скорую», – отмахнулся от Ани Бородин. – Почему не сделали этого?

Сестры переглянулись.

– В сок случайно попал стебель ядовитого растения, вот этого, – Таня указала на диффенбахию. – Я знала, что им человека не убить, поэтому промыла тебе желудок.

– Случайно? – Женя, схватившись за стол, рывком поднялся. Его качнуло, но он смог удержаться на ногах. – Я слышал сквозь дурман ваш разговор. Твоя сестра намеревалась меня отравить. И не одним стеблем.

Она чего только не покрошила в чашу соковыжималки вместе с яблоками. А ты ей не помешала.

– Я не видела, что она делает.

– Как такое возможно? Вы сиамские близнецы, и одна не может закрыться в комнате с пучком ядовитых растений, когда вторая колдует над пирогом.

Таня недоуменно воззрилась на Женю.

– Хочешь сказать, мы это вместе задумали? – спросила она.

– Нет, задумала твоя злобная половина, иначе говоря, Аня. А ты ей не помешала, потому что сестра завладела твоим разумом. Она вертит тобой как хочет.

– Это неправда, – вмешалась Аня. – Таня понятия не имела о том, что я замыслила. А если бы узнала, то помешала бы.

– Seriously? Тогда почему она не вызвала «Скорую помощь»?

– Пыталась защитить меня.

– Ценой моей жизни?

– Тебе же сказали, что от этих растений не умрешь, – рявкнула Аня. – Хватит уже ныть. Да, я нехорошо поступила, подсунув тебе отраву. За это прошу прощения. Но я не хотела тебя убивать, клянусь. Сестру поугубить и... Кое-что проверить.

– Что именно?

– Меня преследовала мысль о том, что Абзала отравила Таня. Думала, может, она из своих чудо-растений яд приготовила и незаметно его в воду добавила. стакан стоял возле нее, а мы, хоть и сиамские близнецы, но не следим друг за другом ежесекундно.

– Я стал для тебя подопытной крысой? Это отвратительно.

– Поверь, я это знаю. Как и Таня. Мы долгие годы были этими самыми крысами.

– Ты ненормальная женщина, Аня. Чокнутая. Я думал, просто баба с дурным характером, но нет.

– Не смей оскорблять мою сестру, – вступилась за нее Татьяна.

– Хорошо, не буду. И в полицию звонить тоже. Но в больницу обращусь. И если окажется, что моему организму нанесен серьезный урон, заложу вас, девочки...

– Ты сейчас серьезно?

– Нет, шучу. Момент-то подходящий! Обожаю юморить после неудачных покушений на мою жизнь.

– Тебе просто нужно отлежаться, – предложила Таня. – Давай мы разложим для тебя диван?

– Нет, я с вами не останусь. Аня опасна для окружающих, а ты, Таня, убедила себя в том, что это не так. Значит, и тебя нужно бояться. А я, дурак, хотел связать с тобой свою жизнь. Не звони мне больше, прошу. И не пиши. Я хочу забыть тебя, как страшный сон. Очень надеюсь на то, что мой желудок не напомнит о тебе. Прощай.

И Женя, чуть покачиваясь от слабости, зашагал в прихожую. Через несколько секунд сестры услышали хлопок двери.

– Быстро завяли его помидоры, – проговорила Аня. Имея в виду чувства.

– Ты их загубила... – Таня грустно улыбнулась. – Залила отравой.

– Мне кажется, они изначально не были жизнеспособными.

– Теперь я тоже так думаю. Но все равно жаль... Мы даже не попробовали.

– Перепихнуться?

– Опять ты за свое? Я об отношениях.

– Ничего бы у вас не вышло.

– Ты этого не знаешь. И винить Женю за... рано завядшие помидоры... не смеешь. Любой на его месте убежал бы.

Сестра готова была спорить, но Татьяна молча качнула головой. Не надо, хватит, закончим на этом, говорила она этим жестом. Как ни странно, она не злилась на сестру. А что самое главное, не горевала из-за бегства Жени. Случилось то, что должно было...

Они снова остались одни.

Глава 3

Чаплин скомкал пустую пачку из-под сигарет и швырнул ее в урну. Все, больше он не курит!

И жаль, что не пьет, потому что за день ему раз пять позвонил Ваня Охлопков и позвал разделить с ним... Дословно: колдовство в хрустальной грани бокала. Эд помнил романс с похожими стихами. Кажется, его исполнял Малинин. Только там плескали колдовство во мрак. И свечи мерцали... Или зеркала? Не суть. В общем, Ваня звал Эда побухать, а тот не присоединился, потому что попойки не любил, особенно актерские. Попадая на них, он видел, как талантливые люди постепенно превращаются в дрова-слиони-какашку. В общем, теряют облик, ибо творческий человек меры не знает и пьет, если взялся, до тех пор, пока держат ноги.

Тот же Охлопков был к спиртному равнодушен, в чем сам сознавался. Особенно любил водку. Считал не периодическую систему, а ее лучшим открытием Менделеева.

...Снова раздался телефонный звонок. Чаплин достал из кармана сотовый и понял, что не ошибся – с ним в очередной раз желал поговорить Иван.

– Тебе спать не пора? – спросил у него Эд.

– С ума сошел? Время-то еще?

– Если учесть, что ты бухаешь с десяти...

– Одиннадцати, – поправил его Охлопков. – И я не бухаю. Выпиваю. В хорошей компании под приличную закуску.

– В обед ты говорил другое. – Тогда Ваня, еле ворочая языком, сообщил, что угомонил бутылку беленькой и зажрал ее хлебом с майонезом и кетчупом.

– Я поспал, принял душ, взбодрил себя кофе и теперь принимаю гостей, среди которых надеюсь увидеть тебя.

– Ты же знаешь, я не пью.

– Тебя никто не заставляет... Просто приезжай, составь компанию. Поешь! У нас тут такие вкусности...

– «Доширак» и «Бигбон»?

– С нами Карина. Она такую поляну накрыла, что глаза разбегаются.

– С вами, это... С кем?

– С Маратом пришла. Втроем сидим. Зовем тебя. Приезжай, а?

Обсудим планы на будущее.

– Кина не будет. Финансирование прекращено. Проект заморожен. Так что можешь соглашаться на роль в сериале.

– Не хочешь к нам, хотя бы водки привези, – выпалил Иван. – Литр. А Каринке вина. Шардоне. Или каберне? Короче, пофиг, купи красное полусладкое.

– Ладно, ждите. Буду через полчаса.

Купив водки и вина, Эд подъехал к дому Вани. Хотел позвонить ему и сказать, чтоб вышел, или посигналить, но потом передумал. Настроение – дрянь. Но станет еще хуже, когда Эд останется один в пустой квартире. Лучше уж провести вечер в компании, пусть и не трезвой. Как все напьются, уеду, решил Чаплин и вышел из машины.

Дверь ему открыла Карина. Она была в маечке на тонких бретельках и обтягивающих джинсах. Волосы убраны, но из хвоста выбиваются кудряшки и падают на покрасневшие щеки. В глазах искорки. В принципе, женщины в легком подпитии Эду нравились. Были в них очарование, игривость. И Карина сейчас излучала и то, и другое.

– Ты? – удивилась она.

– А вы кого-то другого ждали?

– Ваня не сказал, кто приедет. Проходи.

– Как вкусно пахнет, – не мог не заметить Эд. Он весь день ничего не ел, и сейчас ароматы, витающие в воздухе, напомнили об этом.

– Голоден?

– Как волк.

Из комнаты показались Марат с Иваном. Их интересовала водка, поэтому, забрав ее, артисты вернулись на диван и уткнулись в телевизор. Смотрели Вуди Аллена. Эд хорошо относился к его творчеству, но сейчас ему хотелось не зрелищ, а хлеба. Поэтому он пошел на запах расплавленного сыра и оказался в кухне.

– Что готовишь? – поинтересовался Чаплин.

– Луковый пирог.

– А пахнет сыром.

– Пирог я только поставила, а жульен уже готов. Будешь?

– Да.

Карина сняла крышку с чугунной сковороды, и аромат чуть не сбил Эда с ног. В животе заурчало так, что звук услышала и Карина.

– Проголодался, бедненький, – хмыкнула она. – У Вани ни кокотниц, ни даже горшочков, поэтому жульен приготовлен не порционно.

– Ничего страшного.

– С чистыми тарелками тоже беда, подожди, сполосну.

Чаплин только сейчас заметил, что раковина переполнена. Ваня говорил о поляне, которую накрыла Карина, и понял, что они уже много чего съели.

– Я думал, повара в свободное от работы время не готовят, – сказал Эд, встав из-за стола, чтобы помочь Карине с посудой. Чем раньше они ее вымоют, тем скорее он поест.

– Обычно – да. Я приношу домой еду в контейнерах. Но когда у меня стресс, я начинаю стряпать. Готовка меня отвлекает.

– Значит, не только секс и вино?

– Запомнил мои слова? Или припомнил... Мне мои слова?

– Без обид.

– Естественно. – Карина взяла одну из помытых тарелок и насухо вытерла ее вафельным полотенцем. – Я не обидчивая. Фильм есть под названием: «Ешь, молись, люби». Но если бы его сняли про меня, назывался б он «Готовь, пей, трахайся».

– Ты слишком к себе строга.

– Объективна, – пожалала плечами она, затем положила в тарелку жульен. После этого открыла вино, налила его себе. – Сейчас в квартире находятся трое мужчины, и со всеми ними у меня был секс. Как это меня характеризует?

– Как женщину, которая умеет дружить со своими бывшими любовниками.

– Ты уже стал «эксом»? А я надеялась еще на один перепихон с тобой.

– Опять?

– Что?

– Хочешь казаться хуже, чем есть?

Карина нашла слова режиссера забавными и рассмеялась.

– Ешь, ты же так хотел.

Чаплин зачерпнул вилкой жульен и отправил его в рот. Прожевав, проговорил:

– Ты точно волшебница. Пищевая фея.

– Звучит не очень.

– Тебя мама учила готовить?

– Нет, – резко ответила она. – Педагоги колледжа.

Карина выпила вино одним махом и налила себе еще.

– Я мамы почти не знала. Она родила меня совсем молоденькой и отдала.

– Кому? Бабушке с дедушкой?

– Государству. Я отказной ребенок.

– Но у тебя же есть отец...

– Приемный. Настоящего я не знаю. Мать не сказала мне, от кого родила.

– Как ты с ней познакомилась?

– Она забрала меня из детдома, когда я в первом классе училась. Вскоре она вышла замуж за прекрасного человека. Он удочерил меня. Я стала называть его папой, что до сих пор и делаю.

– Что случилось с твоей мамой? Она умерла?

– Нет, она нас бросила. Меня во второй раз, его в первый.

– И где она сейчас?

– Без понятия. Она присылает открытки иногда. Где-то раз в год. Сообщает, что жива. Они из разных стран приходят. То есть она путешествует. И плевать ей на нас.

– Не совсем, раз присылает открытки.

– Меня воспитал чужой, по сути, дядя. Ему помогала мама Филиппа. Она мне не заменила родительницу, даже подругой не стала, но у нас сложились нормальные отношения. Я благодарна этой женщине хотя бы за терпение. Отец не сделал ее своей законной женой, потому что официально все еще в браке. Так что не надо о том, что матери на нас не наплевать!

– Сколько ты ее не видела?

– Двенадцать лет.

– Не пробовала найти?

– Я – нет. Отец. У него не вышло. – Карина снова выпила. Очарование и игривость стали уступать место агрессии. Но, скорее всего, не алкоголь стал причиной этого замещения, а тема разговора. – Мне порой кажется, что папа до сих пор любит ее. И ждет, когда она вернется.

– А ты?

– Нет и нет. Тема закрыта.

Чапину тоже не хотелось продолжать. Ему и так фигово, а тут еще Карина добавляет депресняка...

– Жульен бесподобен, – похвалил Эд ее произведение. – Попросил бы добавки, но хочу отведать лукового пирога.

– Через четверть часа испечется. Но есть его лучше холодным.

– Пойдем к ребятам?

– Если они досмотрели тягомотину, снятую унылым еврейским стариком в очках, свистни. Я пока уберусь.

Эд не стал с ней спорить. Отправился в комнату один.

Марат и Ваня досматривали «Сенсацію». На взгляд Эда, не самую

удачную работу мастера.

– Луковый пирог не готов? – спросил Охлопков, опрокинув в себя стопку.

– Через пятнадцать минут будет.

– Хорошо, а то мы уже все прижрали.

– Я вижу... – Эд собрал опустевшие тарелки и отставил их. – Что будете смотреть дальше?

– Я хочу «Вики, Кристину, Барселону», а Марата от Вуди уже тошнит.

– От Вуди или от водки? – Он покосился на Халиева, и тот показался ему совсем пьяным.

– Хочу трэша! – вскричал Марат. – Давайте посмотрим какой-нибудь тошнотворный ужастик?

– «От заката до рассвета», – предложил Эд, вспомнив полицейских, похожих на Тарантино и Клуни.

– Не совсем то, ну да ладно.

Иван кивнул, согласившись прервать вечер Вуди Аллена, и начал искать в интернете фильм Родригеса. Марат тем временем разливал водку.

В комнату стремительно зашла Карина. В ее руке был зажат телефон.

– Мне срочно нужно уехать, – выпалила она.

– Что-то случилось с Сонечкой? – забеспокоился Охлопков.

– Нет, с ней все в порядке, она у прабабушки. У меня появилось срочное дело, так что за пирогом вам придется самим следить. Эд, ты трезвый, я поручаю это тебе.

– Я постараюсь не испортить твоё творение.

– Проверь через пять минут. Ткни вилкой в центр, если начинка похожа на крутой омлет, можно выключать газ.

– А если нет?

– Оставь еще на пять-семь минут, предварительно убавив температуру.

– Как сложно!

– Кино снимать сложнее. Все, я убежала.

– Ты вернешься? – спросил Иван, обернувшись.

– Не знаю. Позвоню.

И унеслась.

– Странная, – заметил Охлопков.

– Но очаровательная, – добавил Марат.

– И отменно готовит, – вставил свои пять копеек Чаплин.

– Идеальная женщина, – подвел итог хозяин квартиры. – Чудинка делает ее такой. С простыми и понятными скучно.

– Так женись, – посоветовал Марат.

– А вот и женюсь.

– Она за тебя не пойдет, – хмыкнул Эд. – Ей нужен мужик с золотыми руками и стальными яйцами. Сама так сказала.

Охлопков сначала осмотрел свои кисти, затем, оттянув резинку спортивных штанов, заглянул под них и сказал со вздохом:

– Да, не подхожу.

Мужчины дружно рассмеялись и уставились на экран, на нем показался первый кадр фильма «От заката до рассвета». Первым делом, первым делом самолеты (кино), ну а девочки, а девочки потом...

Глава 4

Тарантино был на грани...

Он прикинул сегодня и понял, что не уходил в полноценный отпуск четыре года. Брал дни, как-то неделю не появлялся на службе. Но чтобы пропасть на месяц, забыть обо всем, улететь к морю и упасть в песок или гальку, такого не было четыре года. Последний раз они ездили в Анапу на машине, тогда сыну было два с половиной. А сейчас почти семь. Он скоро пойдет в школу.

Костя тоже хотел, как Лаврушка, оказаться в ближайшее время в Эмиратах. А то паспорт заграничный кончается, а в нем еще ни одного штампа.

Но перед тем как улететь, нужно ремонт сделать. Руки из нужного места растут, значит, на то, чтобы привести в порядок прихожую и туалет, не так уж много времени уйдет. А если ребят попросить помочь, то вместе управятся дня за три.

– Костя, – услышал Тарантино голос за спиной. Он стоял у машины, готовясь сесть в нее. – Наконец я тебя поймала!

Это была Селезнева...

Он в ловушке!

– Привет, Люба, – Марченко развернулся, чтобы встретиться с девушкой глазами. Даже ее имя было искушением – оно невероятно нравилось Марченко.

– Твои часы, – Селезнева протянула ему их. – Я бы передала через коллег, но не хотела тебя компрометировать.

– Они видели, как мы вместе уходили.

– То есть сплетен все равно не избежать?

– Боюсь, что так.

Люба сделала шаг навстречу Марченко. Затем еще один. Ее и Тарантино разделяли какие-то сантиметры. Кому-то из них достаточно было податься вперед, чтобы оказаться в объятиях друг друга. Селезнева, казалось, именно это ждала от Кости.

– Ты извини, мне домой надо, – пробормотал он.

– А может, ко мне пойдешь? – выпалила она. – Все равно уже нарисовались...

– Что хрен сотрешь.

– Можно сказать и так, – улыбнулась Люба чуть сконфуженно.

Тарантино очень хотел поддаться порыву. Тем более губы Любы были прямо перед его глазами, а запах духов щекотал ноздри. Но Костя умудрился себя удержать.

– Не могу, прости, – выдавил он из себя.

Селезнева инстинктивно подалась назад. Но сразу не ушла, сначала спросила:

– Значит, все?

Тарантино кивнул.

И тут зазвонил его сотовый. Почему не на три минуты раньше? Он спас бы ситуацию...

Костя достал телефон из кармана, поднес к уху.

– Ты не поверишь, – услышал он.

– Аркадий?

– Только не говори, что мой номер не сохранен в твоем списке контактов. Я это, брат Сет. – Устинов был крайне возбужден. – Если стоишь, то сядь.

– Секунду.

Тарантино открыл дверку машины. Глядя на то, как убегает Люба (а она именно убегала), опустился на сиденье.

– Говори, слушаю.

– Карина – дочка женщины, мужа которой убил Джумаев.

Марченко хорошо расслышал произнесенную коллегой фразу, но не понял, что она означает.

– Еще раз, – попросил он.

– Нурлан отсидел шесть лет за то, что прирезал законного супруга своей гражданской жены. Карина Иванова, она же повариха и сестра Большого Уха, дочь этой женщины.

– Вот это ни фига себе, – только и смог вымолвить Костя, переварив услышанное.

– Карина носит фамилию отчима. Но ее биологическим отцом является Али Мамедов...

– Которого убил Нурлан?

– Бинго. Я ей звоню – не отвечает. Ты на колесах, сгоняй к ней домой, я адрес пришлю.

– Уже восьмой час. Я отработал, Аркаша. И собирался к СЕБЕ домой.

– Сделаешь небольшой крюк. Надо по горячим следам!

– Еще вчера я так бы и поступил. Но сегодня у меня есть дела поважнее. Я должен помириться с женой. Если хочешь по горячим следам, звони дежурному оперу. А я за цветами и шампанским. Буду грехи

замаливать.

– Отпустило?

– Отпустит...

– Тогда удачи, брат. А коль Сальма свободна, я попробую за ней приударить.

– У вас получатся красивые дети, – улыбнулся Костя и завел мотор.

Глава 5

Нурлан померил давление. Низкое: девяносто на шестьдесят. С таким в кровати лежать, а не мотаться по ночному городу. Но его ничего не могло остановить. Даже страх перед отравлением. Плеснув в стопку «Хенnessи», Джумаев опорожнил ее. Доктор говорил, что тридцать граммов коньяка не повредят ему, а только помогут. Но Нурлан не слушал его... До сегодняшнего дня. Поэтому вряд ли Абзал добавил отраву и в алкоголь. Зачем, если дядя его не употреблял?

Когда в желудке потеплело, Нурлан начал одеваться. Привычную одежду он оставил без внимания. Натянул на себя спортивный костюм племянника. Да, он велик размеров на пять, но штаны можно затянуть на поясе шнурком и подвернуть, а рукава закатать. Облачившись в шмотки Абзала, Нурлан рассмеялся. Выглядел он как ребенок, который напялил на себя одежду папы. Но в своей выходить не хотелось. Почему, старик сам не мог понять. Просто подался порыву.

Выпив еще стопочку, Джумаев покинул квартиру.

Встречу он назначил у фонтана. Того самого, в который выбросил чудо-таблетки Абзала. Возле него стояло четыре лавочки. И все они пустовали, поскольку погода не располагала к тому, чтобы проводить вечер, сидя на них.

Нурлан, захвативший еще и куртку племянника, сделал из нее шалаш и забрался в него. Было тепло и уютно. Не хватало только чая.

– Господин Джумаев, это вы? – услышал он женский голос. Выглянув из «шалаша», увидел Карину и кивнул. – Я очень удивилась, получив ваше сообщение.

– Присаживайся, Карина.

– Может, зайдём в какое-нибудь помещение? Тут масса заведений, где подают горячие напитки.

– Нет, давай останемся тут. Хочу поговорить с тобой тет-а-тет. – Он расстегнул куртку и откинул полу. – Гагачий пух не даст тебе замерзнуть.

Девушка не стала спорить, опустилась рядом с Нурланом.

– Ты очень похожа на маму, – сказал он. – Хотя она была голубоглазой блондинкой, а ты темненькая.

– Вы ее знали?

– О да! А ты?

– Скорее нет, чем да.

– Что она рассказывала о себе?

– Много чего, но я понимала, что ее словам грош цена. Моя мать врушка. Она провела отца, и думаю, что он стал не единственной жертвой ее обмана.

– Ты о котором из...

– О настоящем, а не биологическом.

– А что ты знаешь о последнем?

– Ничего. Мать упорно не желала мне рассказывать об отце. Но родила она меня, будучи в браке. Меня сдали как Карину Алиевну Мамедову.

– Ты не похожа на Али совершенно. Но это не значит, что ты не его дочь. Александра родила тебя, судя по дате, через пять месяцев после того, как посадили ее мужа. Хочешь, я расскажу тебе правду о ней?

– Мне было бы интересно ее послушать.

И Нурлан начал повествование с того момента, как на пороге его квартиры появилась ЖЕНЩИНА...

Закончив эпизодом из зала суда, где Сандра по традиции выступала как свидетель обвинения и устраивала спектакль, Джумаев спросил:

– Ты веришь мне?

– Какой смысл вам врать? Но, признаться честно, я не думала, что она настолько ужасна. Убила двоих, двоих и подставила... А ведь вы все ее любили!

– Ты тоже убила двоих любящих тебя мужчин. Пусть и не специально. Одного точно. Так что... Как у вас, в России, говорят, от осинки не родятся апельсинки?

– Вы с ума сошли?

– Увы, нет. Мой мозг функционирует исправно, хотя мог бы из солидарности с телом сдать...

– Я ухожу! – вскричала Карина и вскочила.

– Ради бога, иди. Но если ты сейчас сбежишь, не узнаешь главного – почему мать тебя бросила. Не в первый раз, а во второй.

Девушка застыла.

– Я должна вам верить?

– Да, ведь я тебя покрываю. И делаю это потому, что чувствую свою вину перед тобой.

Карина снова села на лавку. Но к Нурлану не придвинулась. Скрестив руки на груди, буркнула:

– Слушаю.

– Сандра была единственной женщиной, которую я по-настоящему любил, – начал Джумаев. – Не за что-то, а вопреки всему. Даже после того,

как она меня посадила, я не возненавидел ее. Хотел, но не мог. Поэтому я ввел себя в искусственную душевную кому. То есть дал себе время на покой. Благодаря этому я не натворил глупостей, хотя мог бы кончить, как Али Мамедов.

– Вы не искали мою мать, чтобы с ней поквитаться?

– Нет. Более того, я не пытался навести о ней справки. Боялся, что новости о Сандре выведут меня из комы. И вот однажды... Спустя десять лет после того, как мы виделись в последний раз в зале суда, я встретил ее в аэропорту Франкфурта. Я был там по делам бизнеса и собирался домой, а тут она... Прилетела. Ее встречал импозантный господин. Я подумал, муж – Сандра всегда мечтала переехать на ПМЖ в Германию. Вместо того чтобы сесть в свой самолет, я прыгнул в такси и поехал за твоей матерью и ее спутником. Они прибыли в гостиницу. Я понял, что Сандру встречал не муж, а очередной любовник. Во Франкфурте она провела три дня. И за это время встретила не только с ним, но еще с двумя мужчинами, один из которых был чернокожим продавцом поддельных сумок «Шанель». Сандра, как правило, спала с мужчинами из выгоды, но когда хотела получить истинное удовольствие, она выбирала молодых, красивых, сильных, экзотичных и плевать хотела на их социальный статус.

– В каком году это было?

– Точно не скажу. Но Сандра тогда была замужем за твоим приемным отцом. Жила в Москве, но много путешествовала, как сама говорила, по работе. На самом же деле разводила иностранных мужиков на бабки. Их честно отработывала, сама можешь представить – как...

– Вывела вас матушка моя из искусственной комы, так я понимаю?

– Да.

– Вы ее возненавидели?

– Понял, что все равно люблю. Да так, что жить не могу без нее. Поэтому я ее похитил.

– Я не ослышалась?

– Когда Сандра приехала в аэропорт, чтобы сесть на самолет до Москвы, я перехватил ее, усадил в машину и увез в Швейцарию.

– Он позволила вам сделать это?

– Сначала растерялась, потом отключилась. Я опоил ее, когда мы сидели в авто и беседовали. Естественно, Сандра пыталась оправдаться. Я слушал ее лепет и ждал, когда она уснет. Едва твоя мать затихла, я тронул машину в путь. У меня с легкими небольшие проблемы, поэтому врачи рекомендовали мне горный воздух. Я приценивался к шале в Альпах, но купил на Алтае. Ближе, дешевле. Однако был замок в Швейцарии, который

мне нравился. Он находился на отшибе и был, ты не поверишь, окружен самым настоящим рвом. Его построил скрывающийся от правосудия нацист. Другие военные преступники рванули в Аргентину и Венесуэлу, а он остался в Европе. Денег у него было много, как и страха за свою шкуру. Поэтому в горах появился замок, окруженный рвом. Владелец прожил в нем полтора десятка лет, ни разу не покинув своих владений. Раз в год ему доставляли продукты и вино, и он хранил их в погребах. Умер, кстати сказать, от сердечного приступа и был найден через полгода в виде мумии. Я арендовал сей замок через посредника, чтобы поселить в нем Сандру.

– Вы увезли мою мать в Альпы и заточили в башне?

– Да, – не стал отпираться Нурлан. – Я обеспечил ее всем, но лишил человеческого общения. Сандра могла есть деликатесы, пить дорогой чай и изысканное вино, смотреть кино по DVD, читать книги, рисовать, лепить скульптуры или снеговиков, заниматься растениями, париться в финской бане, кататься со снежных гор. Она находилась в клетке, но из золота. Я баловал ее. Привозил наряды из последних коллекций, украшения, массажеры, тренажеры... А еще животных. Морскую свинку, котика, собачку, сурка... Все подошли. У Сандры имелся телефон. Но она могла связаться по нему только со мной. Я всегда отвечал, когда она звонила. И часто ее навещал. Когда я сделал это впервые, она попыталась меня убить. Я запер ее в подвале на две недели. Оставил десять коробок сухих завтраков, мешок моркови, бочку воды, упаковку туалетной бумаги, мыло и полное собрание сочинений Федора Михайловича Достоевского. Заточение пошло Сандре на пользу. Она стала покладистее.

– Неужто она не могла сбежать?

– А как? Ни средств связи, ни транспорта. Если бы Сандра умудрилась преодолеть ров, то заблудилась бы в горах.

– Открытки, которые приходили нам с папой? Их посылали вы?

– Да. Из тех мест, где бывал. Но подписывала их сама Сандра. Она часто вспоминала о тебе, девочка. Но я не мог убедить себя в том, что ее тоска искренняя, поэтому ни разу не позволил ей с тобой связаться напрямую.

– Моя мать все еще жива?

Нурлан покачал головой.

– Скончалась девять месяцев назад. В канун православного Рождества.

– От чего?

– Ты помнишь свою мать стройной и красивой? – Карина кивнула. – Она давно перестала быть такой. Сто пятьдесят кило живого веса. Ноги, как тумбы. Щеки лежат на плечах. Живот, точно фартук. Сначала Сандра

раскармливала себя, чтобы вызвать во мне отвращение, – я не люблю тучных женщин. У нас не было секса, но я любовался ею. А потом просто полюбила жрать и не смогла остановиться. Ее сердце не выдержало нагрузки и остановилось...

– Где вы ее похоронили?

– В горах, у замка. Я выкупил его, чтобы преподнести тебе. И в Москву прилетел не только из-за книг, которые вышли, и фильма, что задумал снять, но желая познакомиться с дочкой Сандры. Я навел о тебе справки, и мы с племянником явились в ресторан, где ты шефствовала. Заказали несколько авторских блюд, чтоб вызвать тебя, дабы выразить свою благодарность.

– Помню тот день.

– Конечно, ведь именно тогда ты очаровалась Абзалом. Хотя уместнее было бы сказать – ты от него потекла. В этом ты пошла в мать, которая обожала молодых, сильных, красивых, экзотичных.

– Вы повторяетесь.

– Я бы сказал, что подчеркиваю основную мысль.

– Мне понравился ваш племянник, и что?

– Все бы ничего, да только вы сговорились сжить меня со свету. До Абзала у тебя были сплошь творческие личности мужского пола. Ты и родила от клипмейкера, который снял всего пару роликов, а потом спился. А тут – перспективный кавалер. Не просто мачо, а еще и потенциальный наследник миллионера.

– Мачо, – фыркнула Карина. – Разве что внешне... Хроменький Ваня Охлопков, как мужик, посильнее был.

– Поэтому ты и не горевала по Абзалу? Никакой любви, только бизнес?

– Ни того, ни другого. Я вообще не понимаю, о чем вы.

– Племянник пытался загнать меня в могилу, регулярно подтравливая. А я все недох. Тогда Абзал решил пустить в ход тяжелую артиллерию. Его бабка была мустан. Ведьма. Я не верю в сверхспособности людей, только в знания. И моя двоюродная тетка умела варить зелья. В поселке, откуда Абзал родом, до сих пор рассказывают страшные истории о том, как мустан вызвала злых духов, которые вселились в ее врага и пожрали его изнутри. За этим наблюдало несколько десятков человек. А вскоре ведьму скинули со скалы. Но осталась ее колдовская книга. И внук почитывал ее. А когда пришло время, он приготовил адское зелье, чтобы подсунуть мне. Но сам этого делать не стал. Ведь этот яд обнаружится при вскрытии. И он подговорил тебя. Велел подлить в еду или напиток. Ты перепоручила это

брату. Но что-то пошло не так...

– Ему только и нужно было, что дать вам определенный стакан. Он справился. Всучил нужный. Но вы, видимо, не стали пить.

– Последние дни я прикладывался только к запечатанным бутылкам, купленным самолично. Поэтому я поставил стакан на прилавок, рядом с пустыми.

– И Филипп его опорожнил. Он был любителем подъедать и подпивать. Я следила за вами все время и не сразу увидела, что с моим братом происходит неладное. А он меж тем отошел и присел на дно шкафа, дверцы которого были распахнуты. Абзал предупредил о том, что яд не сразу подействует. Но я смотрела на вас и не видела никаких изменений. Тогда я подумала, что вы реально какой-то демон. Абзал такого про вас порассказывал, что я готова была помочь ему избавиться от вас не только из-за выгоды. Мне реально хотелось избавить мир от исчадия ада! Тем более зелье, что мне дали, было не ядом, а эликсиром очищения.

– Хорошее оправдание. Продолжай убеждать себя в том, что верила во весь этот бред. И кто из вас задохнул Филиппа в шкаф?

– Абзал. Он увидел, как брата начало ломать, и запер его. Причем не сказал мне об этом. О смерти Филиппа я узнала от полицейских.

– И что ты сделала?

– Стала звонить вашему племяннику, но он не отвечал. Был занят другой бабой. Даже двумя – сестренками Сомовыми.

– И ты психанула?

– Нет, я сдержалась. И чтобы не сорваться, уехала с режиссером Чаплиным к нему домой – секс меня отвлекает. С Абзалом мы все же встретились, но на следующий день. И он опять начал твердить о том, что вас нужно отравить. Дело надо доводить до конца, повторял он как заклинание. Абзал принес еще яда. Но я дала его не вам, а ему.

– Не за обедом, ведь так?

– Раньше. Я выходила из кухни несколько раз и видела, как он обжимается с близняшкой. Плевать ему было на меня. Абзал хотел убить вас моими руками, вот и все. Увы, я не унаследовала от матери таланта до беспамятства влюблять в себя мужчин. И вот когда я поняла, что мной пользуются, психанула. Я написала Абзалу смс. Вы помните, как племянник отлучался? Он встречался со мной в укромном уголке, куда мы убираем столики, посуду, кулеры с водой. Я взяла шесть стаканов и налила в них напитки. В три – любимый сок Абзала, гранатовый. В остальные обычную воду. Но в один еще и яду добавила. Я сказала, что хочу выпить с ним за успех нашего предприятия, и жестом предложила взять себе

емкость.

– Ты сыграла с Абзалом в русскую рулетку?

– Да. Если бы он выбрал «холостой патрон», то остался бы жив. И вас я травить не стала бы. Просто вылила бы пойло, а стакан сожгла вместе с бутылочкой из-под яда в печи. Но Абзал сделал неправильный выбор. Заметьте, он предпочел любимому гранатовому соку обычную воду. Думала, будет наоборот. Я намеренно увеличила его шансы. Но Абзал взял стакан с ядом, значит, ему суждено было умереть.

– Ты знала, что дозировка другая, да и племянник был крупнее меня в два раза, следовательно, он скончается не сразу, к тому же не в таких муках, как твой брат. И ты ходила кругами, следила за Абзалом. Я видел это. А еще то, что после того, как все произошло, ты подменила стакан. Те, из которых пили Аня и Таня, были с оранжевыми следами от апельсинового сока, а мой чистый. Зачем ты сделала это?

– Чтобы все подумали, что отравить хотели вас. Ваших грехов не пересчитать. И желать вашей смерти могли многие. Но только не Абзал, для него вы стали благодетелем. Я очень сожалею о том, что дала заморочить себе голову и попыталась вас убить. Но я поплатилась за это – погиб мой брат...

– Расследование ведут толковые ребята, они тебя поймают.

– Самое смешное, что я подала одному из них идею русской рулетки. Он смеялся.

– У тебя дочь, а ты влезла в это дерьмо... – проговорил Нурлан. И не сдержался: – Дура!

– Дура, – согласилась Карина. – Но я надеюсь на чудо. Если вы меня не заложите – а вы меня не заложите, – я выкручусь.

– Подставишь кого-нибудь из своих мужиков, как мать?

– В крайнем случае. А что вы там говорили про дом, который купили для меня?

– Забудь. У него скоро появятся другие хозяева. Ты меня разочаровала. Ты хоть и похожа на маму и внешне, и своим гнилым нутром, но в тебе нет ее мощи. Ты гаденькая и подленькая. Она же была живым воплощением всех женских пороков. Абсолютным, можно сказать, злом. Это пугало и восхищало. Ты правильно заметила: главного от матери не унаследовала – способности до беспамятства влюблять в себя мужчин.

– Простите меня за то, что я не такая тварь, как моя мать... Всего лишь тварюшка?

– Но ты хороший родитель. Поэтому я оставляю тебя в покое. – Нурлан поднялся с лавки. – Если тебе нужен прах матери, я эксгумирую

тело, сожгу его в крематории и пришлю тебе урну.

– Спасибо, не нужно.

– А книга бабки Абзала, случайно, не у тебя? Пропала она...

– От вашего племянника у меня только молочница. Если вы в курсе, что это за прекрасный подарок.

– Прощай, Карина.

– Если вас прижмут, вы сдадите меня?

– Не прижмут. Завтра я улетаю в Баден-Баден. Нужно пролечиться.

– Но разве вам можно? Следствие еще идет.

– Мне можно все, у меня куча денег, – сказал Нурлан.

И, зарывшись в куртку, медленно пошел в сторону своего дома.

– А как же Абзал? – крикнула ему вслед Карина. – Кто его похоронит?

– Мне все равно...

Эпилог

Аня с Таней стояли на балконе, закутавшись в шубу из горностая. Первая пила разбавленный яблочным соком виски, вторая чай с лепестками роз. Обе были счастливы.

– Какой воздух, – восхитилась Аня, несколько раз вдохнув и выдохнув. – Как вода, которую пьешь из родника, намучившись от жажды.

– А вид? – Таня обозрела окрестности. – Мне кажется, нет ничего более прекрасного, чем заснеженные горы.

– Мы еще не были в тропиках. Возможно, они понравятся больше.

– Тебе – да. Мне вряд ли. Буйство красок, ароматов, вкусов – все это тебя взбудоражит. А мне нравится монохромность, чистота, не побоюсь этого слова, стерильность этих мест.

– Мне тоже. Но я хочу окунуться во что-то новое, неизведанное, горячее и страстное...

– Если речь идет не о сексе с каким-нибудь мулатом, то я тоже.

– Да забудь ты уже... Все, я стала другой.

– Все никак к этому не привыкну.

– Нурлан сделал нас по-настоящему счастливыми. Обоих! Как я могу желать каких-то других мужиков? Нет, могу, конечно, но я справлюсь с собой, и мы сохраним ему верность.

– У нас нет секса. Мы все еще девственницы. Про отсутствие плевры не напоминай.

– Ерунда. Я счастлива и без него.

– Я тоже. – Сестры, поставив свои напитки на перила балкона, сцепили руки. В последнее время они часто обнимались и совсем не ругались.

...Нурлан Джумаев созвонился с сестрами Сомовыми спустя три недели после того, как они виделись в последний раз. Пригласил их погостить у него в Альпах. Те рассмеялись. У них ни загранпаспортов, ни шенгенских виз, ни денег на дорогу. Нурлан сказал, не проблема, и прислал к ним человека, который организовал все. Помог с паспортами, визами, билетами. В назначенный день он отвез их в аэропорт, посадил в самолет. Уже в Швейцарии их встречал Джумаев. Он выглядел значительно лучше, чем раньше. Стал глаже и даже как будто чуть полнее. За рулем сидел сам. Балагурил, пока ехали.

Джумаев привез сестер в настоящий замок. Он был окружен рвом, а

своими башнями повторял горный рельеф.

– Чувствуйте себя как дома, – сказал Нурлан.

– Но не забывайте, что в гостях? – хмыкнула Аня. Тогда она еще не избавилась от своей язвительности, это пришло позже.

– Нет, я хочу, чтоб вы стали хозяйками этого замка. Вы мои музы. По жизни. А так как мне осталось не так много, я хочу, чтоб вы находились рядом со мной и вдохновляли.

– Вы пишете?

– Да. Но для удовольствия. Вечером, если хочешь, Танечка, я почитаю тебе. А для тебя, Аня, у меня сюрприз.

– Какой? – подозрительно спросила она.

– Ты говорила, что любишь компьютерные игры.

– Да. Но одной рукой играть проблематично.

– Поэтому я купил для тебя интерактивную чудо-перчатку. Еще 3D-очки.

– Вау!

– Да, это что-то очень крутое, как разберешься, нам расскажешь. Потом втроем будем играть!

И они поиграли через пару недель. А еще много всего сделали... Втроем.

Нурлан часто уезжал, но близняшки не чувствовали себя покинутыми. Они были друг у друга. А еще знали, их Аксакал вернется. И ждали его, готовя всякие вкусности или посвящая себя рукоделию. То, в чем ходил Джумаев по дому, было связано и сшито Аней и Таней.

Первое время сестры пользовались интернетом. Благодаря Всемирной паутине они узнали о том, что убийства на киностудии раскрыты. Отравительницей оказалась сестра первой жертвы Карина Иванова. Она не только умертвила брата (случайно) и Абзала, но чуть не свела в могилу и Эдуарда Чаплина. Раздобыв книжку старой казахской ведьмы, она начала варить зелья и привораживать мужчин. Эд был первым, на кого оно не подействовало, но вызвало острый желудочный приступ. Перепуганный Чаплин на всякий случай сообщил об этом полиции. Это помогло двум бравым майорам, Устинову и Марченко, выйти на след отравительницы, а вскоре задержать ее.

– Я не хочу читать эти новости, – сказала Аня. – Они нарушают нашу гармонию.

– Согласна. Поэтому я удалилась со всех поэтических сайтов. Там чудо в листьях поднял бучу. Пытался повести за собой массы, чтобы раздавить Данилу Кукусю, который вроде как украл Женины стихи. Он создал группу,

пригласил меня... И я удалилась.

– Молодец, сестренка.

– Давай вырубим интернет? Будем довольствоваться старым телефоном, который набирает только номер Нурлана.

– Не слишком ли радикально? Можем просто заблокировать некоторые сайты, но слушать музыку, смотреть кино, читать блоги о путешествиях и кулинарии. Нам нужно освоить с тобой местную кухню.

– Ты права. А еще мне хотелось бы узнать об искусственном оплодотворении.

– Хочешь ребенка?

– А ты нет? – Таня напряглась. Они с сестрой хоть и ладили друг с другом последнее время, но она все боялась, что Аня взбрыкнет, когда этого уже не ждешь.

– Очень, – мягко улыбнулась сестра.

– Тогда давай готовиться к материнству. Но пока морально. Мы еще не вкусили всех прелестей богатой жизни. Годик можем попутешествовать, прежде чем превратиться в клуш.

– Когда Нурлан приедет, мы посвятим его в свои планы.

– Он поддержит нас?

– Конечно. И чтобы наши планы воплотились в жизнь, за это надо выпить.

– Нет, я воздержусь.

– А я наслажусь «Чивасом», пока можно!

После этого сестры Сомовы вышли на балкон. Таня пила чай, Аня виски, и обе были счастливы.

Ася остановилась, воткнула лыжные палки в снег и попыталась оттянуть рукав куртки, чтобы посмотреть на часы. Напрасный труд – перчатка задубела на морозе и не хотела гнуться. Поискала глазами солнце. Вон оно – белое, едва заметное на таком же белом небосводе, уже почти касается веток деревьев. Еще немного, и короткий зимний день перетечет в ночь. И тогда станет еще тяжелее. Правда, есть фонарики, но вряд ли Стас согласится ими воспользоваться – свет может выдать их местонахождение тому, кто идет по пятам. Или не идет? Ася обернулась, поглядела по сторонам. Кроме Стаса, чья спина маячит довольно далеко впереди, – никого. И почему она согласилась на эту авантюру? Ведь сразу поняла, что это не для нее! Сорок километров! Если посчитать дорогу на работу и обратно и прибавить походы по магазинам, столько она проходит за неделю.

Не останавливаясь, Стас оглянулся, недовольно махнул рукой, и Ася, сунув руки в петли палок, пустилась вдогонку.

– Ну ты чего? – спросил Стас, когда Ася с ним поравнялась. – Привала еще никто не объявлял. Сейчас спустимся, – он указал палкой на довольно крутой склон, – дальше будет распадок. Там накатанное место – можно и в темноте топать. Пройдем его, и останется всего ничего, километров тридцать.

– Как тридцать? – Асин голос предательски дрогнул. – А сколько мы уже прошли?

– Какая разница? И не вздумай реветь! – возмутился Стас, но навигатор достал и, шевеля губами, стал подсчитывать: – Восемнадцать километров за три с половиной часа. Очень даже неплохо. Но расслабляться рано.

– Значит, осталось двадцать два километра? – пытаюсь справиться с отчаянием, спросила Ася.

– Да нет же, нет! – Стас поморщился от такой беспросветной бестолковости спутницы. – Я же сказал, после того, как мы пройдем распадок, останется тридцать километров, вернее, двадцать девять с чем-то.

– Но ты же говорил...

– У нас на хвосте специально обученные люди. Они ждут, что мы пойдем по самой короткой дороге. А мы, вопреки их ожиданиям, сделали крюк, и теперь у нас гораздо больше шансов уйти от преследования. Неужели это непонятно? – Он уже почти кричал, и от этого крика, эхом разносящегося по притихшему сосняку, у Аси разболелась голова.

– Если бы ты заранее сказал...

– И что тогда? Что бы изменилось?

– Я не знаю... Голова болит... Сильно...

– Это от избытка свежего воздуха. – Он уже взял себя в руки и даже попытался изобразить подобие сочувствия. – Ничего, еще часик – и устроим привал. Давай соберись! Я пойду не слишком быстро, а ты – за мной, делай как я. – И Стас двинулся вниз по склону.

Спускаться по глубокому снегу было непросто, и скоро у Аси занули лодыжки. Зато, сконцентрировавшись на том, чтобы не упасть, она забыла о головной боли.

Ночь застала их в распадке, на узкой тропе, зажатой между двумя холмами, поросшими карабкающимися вверх соснами. Сначала в темноте растворились верхушки деревьев, а вскоре стало вообще ничего не видно, кроме эмблемы фирмы-производителя из светоотражающего материала на

спине у Стаса – буквы «М» в тройном кольце.

«Как мишень», – сказал он, впервые примеряя костюм, но в целом снаряжением остался доволен. Костюмы и правда были замечательные. Легкие, практически невесомые, они защищали от холода и ветра. Производители гарантировали, что в них можно ночевать на снегу при температуре до тридцати градусов ниже нуля. И хотя Стас обещал, что спать под открытым небом они не будут, Ася уже успела убедиться, что безоглядно верить его словам не стоит.

Буква «М» впереди застыла. «Неужели привал?» – подумала Ася, чувствуя, что еще немного, и она усядется прямо на снег, причем так основательно, что сдвинуть ее с места сможет разве что бульдозер.

– Есть два варианта: устроиться на ночлег прямо здесь, – сказал Стас, – или добраться-таки до деревни. Тут совсем недалеко, не больше пары километров.

– Здесь, здесь! – энергично закивала Ася, и откуда только силы взялись.

– Здесь, здесь! – передразнил ее Стас. – Здесь придется грызть галеты из армейского пайка с чаем, не факт, что горячим. А в деревне может перепасть что-нибудь повкуснее. И спать у растопленной печки лучше, чем на снегу, пусть даже в фирменных костюмах. Синоптики, конечно, обещали, что температура ниже тридцати не опустится, но сама знаешь – они никакой ответственности за свои прогнозы не несут.

Асе абсолютно не хотелось есть. И к теплой печке не хотелось. Из всех желаний осталось только одно: упасть в сугроб, свернуться калачиком и уснуть. А еще лучше – предварительно отстегнуть голову, чтобы хоть ненадолго избавиться от вновь давшей о себе знать головной боли. Но Стас, похоже, твердо решил устроиться на ночлег в деревне и вникать в Асины желания не собирался.

– Пошли! – скомандовал он тоном, пресекающим любые попытки возражения.

«Пара километров – это примерно три тысячи шагов, – прикинула Ася, – то есть семьсот пятьдесят раз по четыре шага». Она машинально стала считать шаги: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре. Как в школе на физкультуре, единственному предмету, по которому у нее всегда была тройка. Перед самым выпуском физрук Борис Васильевич пожалел неспортивную отличницу и пообещал закрыть глаза и нарисовать четверку, если Ася пробежит кросс. Всего один километр. Не на время, главное – благополучно добраться до конца дистанции. Ася морально готовилась к испытанию несколько дней и теоретически готова была пробежать не один

километр, а марафонскую дистанцию – 40 с лишним. «Подумаешь, – уговаривала она себя, – всего четыре круга!» Но к концу второго круга закололо в боку, к концу третьего потемнело в глазах. До финиша она добралась, опираясь на плечо Стаса, который вместе с Ритой пришел поддержать одноклассницу. Рита! Это для нее предназначался Асин костюм с фосфоресцирующей буквой «М» на спине...

Тропа сделала поворот, огибая раскидистый дуб, и впереди путеводными звездами замерцали огни деревни. Ася вдруг почувствовала прилив сил; очевидно, что-то подобное испытывает до предела измотанная дальней дорогой лошадь, почувствовав запах родного стойла. Ноги задвигались быстрее. Раз-два-три-четыре, раз-два... Боковым зрением она заметила справа огонек. Что это? Неужели их догнали? Неужели расчеты подвели Стаса и весь этот бесконечный мучительный путь оказался напрасным? Ася остановилась и неуклюже поправила перчаткой выбившиеся из-под шапочки волосы. Свет мелькнул снова, и она успокоилась: он был слабым, теплым и живым, не похожим на мертвенный свет галогенных фонарей, которыми наверняка оснащены их преследователи.

– Стас! – окликнула она спутника. – Там, кажется, был свет!

Стас остановился, воткнул палки в снег.

– Кажется или был? Ась, давай, поднажми, немного осталось!

И в этот момент огонек мелькнул снова, и Ася явственно увидела совсем недалеко, метрах в тридцати, дом. Довольно высокий, он был полностью погружен в темноту, лишь в самом низу мелькал огонек, будто кто-то ходил по комнатам со свечой или керосиновой лампой. Свет завораживал, манил, обещая тепло и уют, но одновременно пугал. Кем мог быть хозяин дома, стоящего на отшибе, особняком от остального жилья? Во всяком случае, общительность и человеколюбие явно не относились к его характерным чертам. Интересно, что бы сказал Стас, услышав ее мысли? Они с Ритой всегда смеются над этой Асиной способностью придумать целую историю на пустом месте, называют фантазеркой. Стас не такой. Вот и сейчас он не стал тратить время на пустые разговоры, а решительно направился к дому.

Луч фонарика скользнул по затейливой резьбе, небольшому зарешеченному оконцу, напомнившему Асе проем в калитке монастыря из старого фильма, и остановился на кнопке вполне современного звонка. Рука Стаса потянулась к кнопке, и Асю вдруг охватило непреодолимое желание одернуть его – от двери веяло холодом враждебности, по сравнению с которым усилившийся к ночи мороз казался детской забавой.

Но было поздно – Стас уже вовсю давил на кнопку, и Ася, сжавшись от страха, вслушивалась в нервные трели, взрывающие тишину странного дома.

Дверь распахнулась, будто изнутри ее с силой толкнули. На пороге стояла женщина в глухом черном платье. Высокая, абсолютно седые волосы туго стянуты в пучок. Хозяйке (для себя Ася решила, что женщина с такой величавой осанкой и гордой посадкой головы не может оказаться никем, кроме хозяйки особняка) было не меньше семидесяти, но язык не поворачивался назвать ее старухой. Казалось, это средневековая герцогиня открыла дверь своего замка, чтобы дать приют усталым путникам. Усиливали сходство массивные серебряные серьги с черными камнями, ажурный крест на груди и самая настоящая жирандоль с пятью свечами, которую женщина подняла, чтобы получше рассмотреть лица непрошенных гостей. При этом хрусталики, щедро украшающие светильник, тихо зазвенели и рассыпали по стенам блики, а в серьгах хозяйки вспыхнули и тут же погасли темно-малиновые звезды.

– Здравствуйте, – Стас, всю самоуверенность которого как ветром сдуло, изобразил что-то похожее на поклон и застыл в ожидании ответа.

Однако хозяйка продолжала хранить молчание, и Стас, уже слегка пришедший в себя, продолжил:

– Помогите, пожалуйста. Мы с женой, – он кивнул на Асю, – заблудились. Не разрешите ли вы переночевать в вашем доме?

«Зачем он соврал, что я его жена?» – промелькнуло в голове у Аси. Она не сводила глаз с бесстрастного лица хозяйки и уловила, что при слове «жена» ее тонкие губы слегка изогнулись в саркастической усмешке.

– Мы хотели попроситься на ночлег в деревне, – продолжил Стас, не дождавшись ответа, – но супруга очень устала и не может идти дальше. Вы же не допустите, чтобы мы замерзли на пороге вашего дома?

Стас в критический момент умел выглядеть очень убедительным, и сейчас был именно такой момент, но женщина продолжала безмолвствовать.

– Вы слышите меня? – он слегка повысил голос.

Хозяйка поморщилась:

– Слышу. Но считаю, что вам, молодой человек, и в особенности вашей так называемой жене лучше все-таки дойти до поселка. На лыжах тут не больше двадцати минут ходу, не успеете замерзнуть.

И она предприняла попытку закрыть дверь. Но не таким человеком был Стас, чтобы его удалось вот так запросто отшить. Он ухватился за дверную ручку и вкрадчивым голосом проговорил:

– Я понимаю ваше недовольство. Еще бы: являются среди ночи непонятно кто, нарушают покой, требуют к себе внимания. На самом деле нам достаточно уголка в прихожей. У нас есть спальники, мы приляжем тут, прямо под дверью, а с рассветом покинем ваше жилище.

– Это не мое жилище, я тут такой же гость, как и вы, – возразила женщина. – Сразу видно, что вы издалека и ничего не слышали об этом доме. В противном случае вы бы ни за что не захотели оставаться под его крышей даже на час, не то что на всю ночь.

– Да, мы чужие в этих местах, – Стас склонил голову, делая вид, что он сильно удручен этим обстоятельством. – Иначе не попали бы в подобную передрыгу. Но я уверен, что вы не чужды христианского милосердия и не позволите нам замерзнуть на пороге.

Ася никогда не слышала, чтобы Стас выражался подобным образом, но, похоже, ему удалось расположить к себе хозяйку.

– Хорошо, – немного помедлив, согласилась она, – я пущу вас переночевать в холле. За последствия не отвечаю. Только лыжи оставьте, пожалуйста, снаружи.

И она на шаг отступил, впуская гостей в дом. Холл, в котором им был обещан ночлег, начинался сразу от входной двери и был неприветливым и холодным. Осмотревшись, Ася обнаружила большой камин. С двух сторон от него возвышались канделябры в человеческий рост. Легкой походкой, словно она не переступала ногами, а летела над полом, хозяйка (несмотря на ее заверения в обратном, Ася мысленно продолжала именовать ее так) скользнула к канделябрам и зажгла свечи.

Стало чуть-чуть уютнее, но ненамного – уж очень грустный запах стоял в холле. Запах одиночества, заброшенности. Так пахнет в домах, где долгое время никто не живет.

Хозяйка тем временем скользнула к двери, ведущей в глубь дома. Откуда-то в ее руке появилась довольно увесистая связка ключей. Звякнул металл, проскрежетал замок, отрезая вход в остальные комнаты.

– Ну, все, – заявила женщина. – Я ухожу. У вас еще есть время передумать. Я бы не советовала тебе, – взгляд ее глаз был устремлен на Асю, – ночевать здесь.

– Но п-почему? – впервые за время, что они находились в доме, вымолвила Ася.

– Старожилы этих мест говорят, что дом проклят. Ни одна женщина, которая провела хотя бы одну ночь под его кровом, не прожила после этого больше трех лет.

– Но п-почему? – снова проямлила Ася, позабывшая все слова

русского языка, кроме этих двух.

Вопрос остался без ответа, – как была, в одном платье, с жирандолью в руке, женщина толкнула входную дверь и исчезла. Еще несколько мгновений с улицы доносился звон хрусталя, а потом все стихло.

– И долго будешь столбом стоять? – вывел Асю из состояния ступора раздраженный голос Стаса. – Давай стелиться. Похоже, кормить и согреть нас никто не собирается, будем довольствоваться тем, что есть.

Он стащил перчатки, сбросил рюкзак, пощупал стены, пощелкал пальцами по латунной дровнице с аккуратно сложенными поленьями, присел на корточки и заглянул под забрало рыцарю, гордо держащему в руках кочергу. Подошел к декоративному резному панно на стене напротив камина и восхищенно поцокал языком.

– Ась, глянь, красота какая!

Панно и вправду было очень красивым. На причудливо изогнутых ветвях, среди листьев, вырезанных так искусно, что была отчетливо видна каждая прожилка, прохаживались птицы. Клювы их были открыты, тонкие горлышки вытянуты и напряжены. Создавалось впечатление, что птицы живые, и только из-за какого-то досадного недоразумения холл не наполняют их звонкие голоса. Ася прикоснулась к дереву, и иллюзия жизни растаяла. Оно было холодным и мертвым. Откуда-то из переплетения ветвей тянуло сквозняком. Она отдернула руку, а тем временем Стас, обладающий более грубой душевной организацией, обследовал пальцами край панно.

– Эта штукавина тут неспроста, – заметил он, и тут же, подтверждая его слова, внутри стены что-то щелкнуло. Резное украшение оказалось не чем иным, как дверью.

– Я же говорил!

– Стас, что ты делаешь?! – вскрикнула Ася, возмущенная таким бесцеремонным посягательством на чужое добро.

– Да это шкаф! – сказал Стас, открывая дверь. – Пустой. Ни одного скелета! А ты боялась.

Шкаф, задняя стенка которого представляла собой старое запыленное зеркало, действительно был пуст.

Стас нажал на дверь, и она с тихим щелчком стала на место. Оглядевшись по сторонам в поисках места для отдыха, он направился к небольшой оттоманке, которая вместе с очагом, канделябрами, рыцарем, дремавшей в углу вешалкой с ветвистыми рогами и маленьким столиком для сумок и корреспонденции составляла все убранство прихожей.

– М-да, диванчик подкачал, – сказал Стас, пощупав обивку, – даже не

знаю, как лучше – на нем или на полу.

Ася подошла поближе, коснулась пальцами ткани. Это был бархат необычно глубокого ультрамаринового оттенка, отсыревший и кое-где взявшийся пятнами плесени.

– Пожалуй, лучше на полу, – согласилась она.

Для ночевки на снегу у них в арсенале имелись легкие, практически невесомые спальники. Через мгновение Стас уже расстелил оба спальника, пододвинул столик, смахнув рукавом пыль, положил на столешницу пачку галет, поставил термос с чаем и две пластиковые кружки. Затем стащил ботинки, уселся, вытянув ноги, и застонал от удовольствия.

– Здорово-то как, Аська! Всего-то лыжи снял, а ощущение... – Он замолчал, подбирая слова, но, очевидно, приходящие на ум выражения были слишком слабы, чтобы передать состояние охватившего его восторга, поэтому он предпочел оставить слова при себе.

– Садись! – Стас приглашающе похлопал по спальнику. – Сейчас мы с тобой врежем по чайку! Врежем?

Молчание спутницы волновало Стаса. Не хотелось ему связываться с ней, ведь знал, что из всех знакомых баб Аська – самая неподходящая кандидатура. Мало того, что доходяга, так еще и мнительная до безобразия. Как что в башку взбредет или кто скажет что не то – считай, всё пропало. Вот как сейчас эта бабка с ее бреднями. Теперь будет всю ночь себя накручивать, и какой после этого с нее ходок? И так отстают от графика. А все Ритка! Асю возьмем, Асю! Вот и взяли. На фига, спрашивается? А ведь когда-то он был в нее влюблен. С третьего класса их дразнили женихом и невестой. И мать подливала масла в огонь. Асечка то, да Асечка се, цветочек экзотический. Ага, цветочек! Агава бледно-зеленая, – Стас вспомнил любимый Асин цветок. Вот Марго – на самом деле цветок. Редкостный. Из тех, что питаются доверчивыми мошками, прельщенными их красотой. Со Стасом они – одного поля ягода, а Ася...

Она продолжала стоять, будто статуя в греческом зале. Что бы такое сделать, чтобы она немного расслабилась? Способа у Стаса было всего два. Первый – накатить по соточке. Но сейчас это невозможно – спиртного он с собой не взял и теперь пожалел об этом. Придется воспользоваться вторым, благо для этого, как говорится, все под рукой.

Стас встал, подошел к своей спутнице и, приобняв ее за талию, осторожно усадил на спальник.

– Чаю? – улыбнулся он одной из самых обворожительных своих улыбок, устраиваясь рядом.

Она сосредоточенно кивнула и спросила:

– Как думаешь, это правда, насчет проклятия?

– Дурочка ты моя сентиментальная! – Стас обнял Асю, притянул к себе.

– Думаешь, она нас пугала? Но зачем?

Договорить она не смогла, губы Стаса прижались к ее губам, его рука скользнула ей за пазуху.

На мгновение Ася застыла, не веря в происходящее, а потом попыталась оттолкнуть Стаса. Чувствуя сопротивление, он отбросил все свои учтивые манеры. Движения стали грубыми, руки, стягивающие комбинезон, казалось, сдирали кожу. Ася почувствовала, что задыхается. Извиваясь всем телом, она сумела высвободить одну руку. И вцепилась Стасу в волосы, пытаясь оттащить от себя.

– Дура, больно! – взвыл он.

Приток кислорода и радость от маленькой, но все-таки победы прибавили Асе сил, и, схватив первое, что попало под руку, она изо всех сил ударила ухажера по голове. Раздался оглушительный хруст. «Боже, я проломила ему череп!» – с ужасом подумала Ася и зажмурилась.

– Чокнутая ты все-таки, Аська! – донесся до нее возмущенный голос Стаса. – Ты ведь когда-то этого хотела. Признайся! Хотела?

Трупы не ругаются, и Ася, открыв глаза, тупо уставилась на смятую пачку галет. Вспышка ярости потихоньку уходила, уступая место раскаянию. А если бы ей под руку попался термос? Ведь она могла убить Стаса!

Возмущенно сопя, Стас налил чаю, отобрал у Аси злосчастную пачку, вытащил две галетины, положил сверху на Асину кружку (как покойнику – отметила она) и шумно отхлебнул из своей. Разговаривать не хотелось. Кто ее знает, эту чокнутую, еще расскажет все Ритке. Но, бросив раздраженный взгляд на Асю, вцепившуюся в кружку, понял – не расскажет. А еще понял, что Марго заранее просчитала ситуацию, потому и подсунула ему сестричку. Знала, что она ничего такого не позволит. Вот змеиная семейка! Отхлебнув еще глоток чаю, Стас засунул в рот сразу две галетины и заглянул в пачку – все остальные от столкновения с его головой превратились в обломки. Выуживать их по одному было лень, поэтому Стас запрокинул голову и вытряхнул в рот содержимое пачки, запив все это хорошим глотком чая. Покончив с довольно скромным ужином, он влез в спальник и, демонстративно повернувшись к Асе спиной, оставил «родственницу» наедине с ее фантазиями.

Асе же спать абсолютно не хотелось. Буквально заставив себя съесть галеты, она сидела, обхватив кружку обеими руками. Кружка была

невысокой, округлой, умиротворяюще теплой, Асе казалось, что, если она выпьет чаю, это тепло исчезнет и сразу станет холодно. И страшно. Хотя скоро ей все равно стало страшно. Вопреки уверениям синоптиков, за окном разыгралась настоящая буря. Деревья стучали промерзшими сучьями по стенам, будто умоляя пустить их погреться, ветер выл и швырял в окна пригоршни снега. А еще наверху, прямо над головой, кто-то ходил, и шаги эти, медленные и тяжелые, заставляли сердце сжиматься от страха. Не выдержав, Ася потрясла Стаса за плечо.

– А? Что? – вскинулся он спросонья и, разглядев напуганную Асину физиономию, недовольно проворчал: – Ну что тебе еще?

– Шаги! Слышишь? Наверху кто-то ходит!

– Кто-то ходит! – передразнил ее Стас. – Да бабка тутошняя и ходит. Ты что, думала, она в деревню почесала в одном платишке и без валенок? Да? Тут небось рядом черный ход, она по нему и прошла в дом, а тебе, дурочке, лапши на уши навешала, чтобы ты сидела смирно и не рыпалась, по дому не шарилась. Все. Я спать, а ты как знаешь. До рассвета всего ничего осталось. В шесть подъем, завтрак – и вперед заре навстречу. Ты забыла, что у нас на кону? – И он снова повернулся к Асе спиной.

Однако Асино беспокойство все-таки передалось ему. Бормоча под нос что-то вроде «с кем поведешься», он вылез из спальника, забаррикадировал закрытую дверь с помощью оттоманки, вешалки и столика и с чувством выполненного долга улегся на место.

Ася тоже легла, закрыла глаза, но сон не шел. Тяжелая, размеренная поступь никак не вязалась в ее представлении с легкими, скользящими шажками хозяйки. Та, казалось, вообще не касалась ногами земли, а этот кто-то мерял комнату у них над головой тяжеленными шагами, будто не человек это был вовсе, а статуя Командора, явившаяся на званый ужин. Потом наверху скрипнуло то ли кресло, то ли диван, и шаги прекратились. Ася со страхом вслушивалась в звуки дома, но они, если и были, заглушались бесчинством пурги за окном, и страх потихоньку ослаб, уступая место сну.

– Может, хватит спать, принцесса в спальном мешке? – сквозь сон донесся до Аси голос Стаса.

Она открыла глаза, зябко потянулась. В комнате было темно – свечи догорели и погасли.

– Пора? – спросила Ася.

– Пора, пора, – проворчал Стас. – Ну ты и спишь! Наверное, можно из пушки палить – не разбудишь! Уже с полчасца хожу, баррикаду разобрал, дверь откопал – знаешь, сколько за ночь снегу намело! Завтрак накрыл, а ты

все дрыхнешь.

Возле Асиного спальника и впрямь стояла чашка, накрытая, как и вечером, двумя галетинами.

Ей хотелось попросить Стаса не класть так печенье, но не было никакого желания нарываться на очередные колкости. Однако Стас почувствовал ее настроение, хотя истолковал его по-своему.

– Не куксись, у меня уже у самого эти галеты во где стоят, – он провел большим пальцем поперек горла. – Через два часа будем готовить обед. Примус запалим, каши сварим. Будешь кашку?

– А где можно умыться? – не поддержала тему она.

– Извините, – Стас в шутовской манере раскланялся, – удобства у нас нонче во дворе. Умываемся снежком.

Ноги, руки, спина – все тело ныло от усталости и молило об отдыхе. Ася с трудом добралась до входной двери, открыла ее и ахнула. За порогом расстилалось искрящееся покрывало, окрашенное восходящим солнцем в розовый цвет. Воздух, сухой и морозный, был таким свежим, что его хотелось пить вместо наверняка уже остывшего чая с галетами.

Наскоро умывшись и позавтракав, они отправились в дорогу. Оказалось, что дом, в котором они ночевали, обнесен забором с широкими воротами, которые почему-то оказались открытыми. С левой стороны на заборе висела табличка с лаконичной надписью: «Продается» и номером мобильного телефона.

– Интересно, сколько стоит такой дом? – спросил Стас.

Асе интересно не было, и она лишь пожала плечами. Но Стас, который после возвращения домой твердо решил заняться улучшением своих жилищных условий, вытащил мобильный и занес номер в телефонную книгу.

– Вдруг пригодится, – прокомментировал он свои действия.

Ася обернулась и посмотрела на дом. Окна первого этажа были забраны ролетами, отчего казалось, что дом крепко спит. «Как-то нехорошо уходить вот так, молча, не попрощавшись, не поблагодарив за ночлег», – подумала она, и в этот момент внимание ее привлекло какое-то движение в окне второго этажа. Неясная тень мелькнула и скрылась за тяжелыми портьерами. Хозяйка? И, стянув перчатку, Ася помахала рукой, прощаясь с домом и его обитателями...